

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132 — 0831

1982 8

ТАДЖИКСКАЯ ССР. Большим уважением пользуется в коллективе Ленинадского шелкового комбината Махфират Додобаева. Много лет работала она здесь ткачихой, а сейчас является председателем профкома комбината. Высоко оценивая ее общественную деятельность, товарищи оказали ей большое доверие: уже третий созыв Махфират избирается депутатом Верховного Совета СССР, она была делегатом XXV и XXVI съездов КПСС.

На снимке: М. Додобаева с учащимися ГПТУ — будущими работниками комбината.

Фото В. Трушникова.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

8 (140) АВГУСТ 1982
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Известия
Советов народных
депутатов СССР»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко
(главный редактор),
Н. А. Гаврилова, И. В. Гранкин
(заместитель главного
редактора), **И. К. Ковалев,**
И. Н. Кузнецов, Г. П. Политыко
(ответственный секретарь),
А. М. Рекунков, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

Продовольственная программа — всенародное дело

- Т. ФЕДОСЕЕВА. Не жалеть жара своих сердец... Очерк 4
А. ДМИТРИЕВ. Эффект бригады 11

Быть хозяином на земле (говорят читатели) 16

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

- Ю. ИВАНОВ. Интересы покупателя — под охраной закона 20
И. МИХАЙЛОВ. «Объявляю вас мужем и женой!» 29

К 60-летию образования СССР

- С. ВЛАДИМИРОВ. Государственная должность Саодат Амиршоевой 36

СОБЕСЕДНИК:

- О. СЕМИГИНА. Нам шестнадцать 43

Обмен мнениями

- Счастье семьи. В чем оно? 46

- А. КОРЮКОВ. Слушается дело о разводе... Заметки из зала суда 51

Из блокнота прокурора

- В. ЛИСОВ. Тропой ложных представлений 56

Из блокнота судьи

- В. МЕНЬШИКОВ. По всей строгости 58

- В. СТРЕЛКОВ. Тунеядец 62

Экономика и право

- Я. ШЕСТОПАЛ. Замок со множеством ключей 68

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Свадьба... Самый большой и радостный праздник в жизни человека. В Ждановском районе столицы регистрация молодоженов происходит во Дворце культуры и техники Первого государственного подшипникового завода. Участники фольклорного ансамбля «Русь» исполняют для жениха и невесты старинные русские свадебные песни.

(Читайте статью «Объявляю вас мужем и женой!»).

Четвертая страница

Чистота водоемов, охрана рыбных богатств Днепра и малых рек Днепропетровской области — вот заботы районного инспектора по санитарной охране водоемов В. К. Шахворостова и участкового инспектора Днепропетровской государственной инспекции рыбоохраны А. И. Семенова.

Фото В. Зимина.

Судебный очерк М. БУТРИМ. Паутина	76
■	
Охрана и использование памятников истории и культуры В. КАГРАЛОВ. «Соловецкие страдания»	84
■	
В. МИХИН. Арабская Палестина под пятой оккупантов	94
■	
Б. АРГУНОВ. Новая Зеландия: мифы и символы страны «сеобщего благоденствия»	102
■	
ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ. Мужчины и женщины на допросе. Повесть. (Окончание)	108
■	
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
Наши консультации	
Новое в Типовом уставе садоводческого товарищества рабочих и служащих	135
М. ПАНКИН. Труд надомников	138
Читатель на приеме у юриста	
Установление попечительства над совершеннолетними	143
О сохранении среднего заработка за потерпевшим, вызванным в суд	143
■	
Зарубежная мозаика	144
Книжная полка	41
Судебная хроника	83, 93

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 25.04.82. Подписано в печать 7/VII-82 г. А05644. Формат 84 × 108^{1/2}. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-идз. л. 9,18. Тираж 4 744 600 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.) Цена 60 коп. Зак. 152.

Отпечатано 540 000 экз. (из общего тиража 4 744 600 экз.) с матриц Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии издательства «Советская Сибирь». Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104. Зак. 129.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА— ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

- Народный заседатель Б. Эгембердиев:
«Найти свое место в общем труде»
- ТРУЖЕНИКИ ЗАВОДА — ТРУЖЕНИКАМ СЕЛА
- *Говорят читатели:*
«Быть хозяином на земле»

Не жалеть жара своих сердец...

О Ч Е Р К

Внимательно, вдумчиво читал Бейшенкан Эгембердиев документы майского Пленума ЦК КПСС. Не глазами, сердцем вчитывался в строчки. Партия, ее Центральный Комитет намечают грандиозную программу, цель которой — в возможно более короткие сроки надежно обеспечить все население продуктами питания, смысл которой — работа всех и каждого во имя народного блага.

«Это не только первостепенная экономическая, но и актуальная социально-политическая задача. Удовлетворение жизненных запросов советских людей — подчеркиваю это со всей определенностью — было и остается важнейшим программным требованием нашей партии», — оценил значение Продовольственной программы в своем докладе на майском Пленуме Леонид Ильич Брежнев.

Бейшенкан читал заботливо собранные газеты с историческими решениями, и ему казалось, что все написанное касается его вдвойне, втройне, многократно. Каждое положение документов не только рождало отклик в душе, но и звало к решениям, требовало конкретных действий. Так восприняли советские люди доклад «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации», постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, утвержденные на майском Пленуме Центрального Комитета партии.

Как непосредственно работающий в сельском хозяйстве, старший инженер-технолог Московского районного объединения Госкомсельхозтехники Киргизской ССР Б. Эгембердиев осознавал, что современный этап развития выдвигает перед сельским хозяйством, всем агропромышленным комплексом задачи большие, сложные, ответственные. Задачи новые. Партия, правительство предусмотрели внесение серьезных изменений в отношения между колхозами, совхозами и обслуживающими их организациями, в том числе «Сельхозтехникой», когда в основу оценки работы, премирования руководителей и специалистов будут положены и результаты сельскохозяйственного производства, выход продукции.

Кандидат в члены партии, секретарь комсомольской организации районного объединения «Сельхозтехники» Бейшенкан Эгембердиев ясно понимал, что ему, его товарищам по партии и комсомолу в первую очередь предстоит решать эти задачи. Недаром же Генеральный секретарь ЦК КПСС особо подчеркнул: «На селе 6 миллионов коммунистов — третья часть состава партии. При этом непосредственно в сельскохозяйственном производстве трудятся 2 миллиона 800 тысяч членов и кандидатов в члены партии, 4 миллиона комсомольцев. Именно они, прежде всего они, должны показать пример самоотверженного труда, инициативы, воли и настойчивости».

Каждой союзной республике определены в Продовольственной программе основные задачи в реализации великих планов. Гражданин Киргизской ССР Б. Эгембердиев с гордостью осознавал, что, предъявляя большой спрос к Киргизии (не меньший, чем к другим республикам), партия еще раз подтверждает принцип равенства всех народов и народностей.

...Он читал документы майского Пленума ЦК КПСС, воспринимая их как советский человек, как работник сельского хозяйства, как молодой коммунист и комсомольский вождь, как гражданин своей республики, советской страны.

Когда человек ли, народ ли начинает большое дело, он оглядывается на пройденный путь, чтобы в свершенном почерпнуть силу, чтобы в сделанном набраться опыта.

— А знаешь, с чего мы начинали? — однажды спросил Бейшенкана его дедушка Эгемберди Ибраимов.

Было это в начале двадцатых годов... Несколько бедняков-чабанов решили организовать коммуну. Снесли в одно место нехитрое свое имущество: чалгы (косы), чынжыры (цепы), ороктун турлору (серпы), тырмоог (грабли), сохи, объединили в один табун своих коней, кобылиц, собрали в общественную отару овец, баранов. И стали сообща хозяйствовать.

— А еще нас связывало общее желание быть свободными, не

разрешать баям закабалить да унижать нас. Нелегко было, — дедушка раздумчиво покачал головой. — Нелегко старое пересиливать. А по прежним временам бедняк вроде и не человек был. Не человек, а то, что баю да бию богатство делает. Эх, ты даже слов таких не понимаешь, которые силы черные обозначают... — Дедушка прикрывал глаза, вспоминая, и произносил: — Салык, саан, отмай, туякат, кошумча, бегилик... Вот что хотело нас держать в черном теле, в повиновении и рабстве. Но Советская власть принесла нам свободу.

Коммуне они дали имя основоположника научного коммунизма. «Имени Карла Маркса» — так с гордостью говорили о своем новом хозяйстве, о своем образе жизни. Чего только не пришлось преодолеть! Нападения басмачей, вредительство баев, косность старых обычаев и собственную неопытность. Справились, вышли победителями! Прежняя коммуна в тридцатые годы преобразовалась в коллективное хозяйство. Ныне колхоз имени Карла Маркса — богатейшее хозяйство республики, которое славится своими отарами, своими виноградниками, своим сырозаводом, производством минеральной воды «Ак-суу» и благоустроенными поселками.

Пожалуй, только когда подрос, стал учиться во Фрунзенском политехническом институте, понял Бейшенкан до конца смысл дедушкиных слов. Однажды пришел он в исторический музей. Осматривал предметы быта своих предков, их бедняцкую утварь, реликвии, свидетельствующие о добровольном вхождении Киргизии в состав Российского государства в XIX веке. На стене заметил список наименований поборов в пользу киргизских манапов, баев, биев. Тут вспомнились слова дедушки, его перечисления черных сил. Остановился Бейшенкан у таблички, прочитал: салык — систематический налог с населения в пользу манапа; саан — уход бедняка за скотом феодала как плата за временное пользование молоком и шерстью; отмай — налог за пользование пастбищем, туякат — налог за прогон скота через земли манапа; кошумча — приношение манапу по разным поводам; бегилик — обязательные подарки феодалу.

Поборы, налоги, штрафы, унижения. Что же оставляла бедняку-киргизу жизнь? Ничего!

Читал и все яснее осознавал Бейшен, из какого плена, из каких сетей порабощения вырвался его народ. «Помни об этом! — повторял дедушка. — Память береги. Добро не забывай. Кто нам помог — знаешь? — И добавлял: — Бедняк бедняку — брат, честный честного поймет, работающий работающему поможет».

Еще в прошлом веке пришли в Чуйскую долину переселенцы из центральных областей России, Украины, Белоруссии, построили свои деревни, стали заниматься земледелием. До сих пор соседствуют, дружат, помогают друг другу жители села Садовое и аула Чон-Арык, Предтеченки и Джарды-Суу, Сретенки и Темен-Суу; Петровки и Кепер-Арыка. Да и самим названием района в центре республики — Москвский — отдали киргизы дань уважения трудолюбивым земледельцам, пришедшим в Чуйскую долину, полюбившим ее, сроднившимся с нею.

Наверное, дедушка Эгемберди Ибраимов был хорошим воспитателем. Так теперь понимает Бейшен. О великом и важном дедушка мог рассказать впечатляюще и доходчиво. Так поведал он о становлении Советской власти и так говорил о ее достижениях.

Случилось однажды весной, что Бейшенкан вместе с мальчишками убежал с уроков ловить форель. Дедушка встретил внука

строгим взглядом. Конечно, Бейшен понимал, что поступил неправильно, но уж больно ярко светило солнце, упруго перекатывалась вода горной речки по камням, зазывно пели птицы в ущелье...

— Школа не уйдет... — попытался оправдаться мальчик.

— Дай-ка мне бумагу, карандаш, — вместо ответа сказал Эгемберди.

Он взял своей узловатой рукой чабана, натруженной, загоревшей до черноты, тоненький прутик карандаша, с трудом вывел на листке несколько букв, поставил крестик.

— Вот и вся моя наука. Да и мои сверстники умеют не больше, — тихо заметил дедушка. — Мой народ, наш народ до революции не имел письменности. Твой отец — уже учитель. Все его дети учатся. Радоваться этому надо, ценить, что умеешь читать, писать, считать, что премудрости постигаешь. А ты — прогуливать вздумал... стыдно, внук!

И Бейшену, действительно, стало не по себе, будто надругался над чем-то святым.

— Я исправлюсь, дедушка! — пообещал он.

И обещание выполнил. Хорошо учился в школе, потом поступил в институт. Учатся в техникумах и вузах сестры Тотуа, Ракия, Гульмира, Сабира, отлично работает шофером брат Болот. А младшие Абас, Рустан, Кубан, Гульнара пока еще ходят в школу. Когда Бейшен приезжает в Кепер-Арык проведать родителей и братишек, сестричку, он по праву старшего проверяет у них тетради, интересуется успехами, подбадривает, обсуждает с ними все их ребячьи дела.

Дедушке было более восьмидесяти, когда родилась Гульнара. За праздничным столом собрались близкие, друзья, соседи. Эгемберди Ибраимов поднялся и, обращаясь к немногим сверстникам, раздумчиво проговорил:

— Вот и десятый ребенок родился у сына моего. И все дети живы, здоровы, веселы. А сколько у тебя погибло от болезней малышей? — спросил он сидящего рядом аксакала. — Ага... девять. А у тебя? — обернулся он к другому. — Восемь, знаю. У меня с женой одиннадцать было. А в жизнь вступили, доросли до возмужания только двое. Неужели это когда-нибудь забудем? Нет! Не устанем говорить слова благодарности нашей Советской власти, которая врачей дала, жизнь людям продлила. Будем стоять за нее до конца. Себя не пожалеем, не забудем, что было. Как есть.

Сел, задумался. Бейшенкан сердцем догадался, что дедушка вспомнил сейчас и своего старшего сына, того, что погиб в Великую Отечественную, защищая свободу и независимость Родины, отстаивая завоевания Советской власти.

Хорошим воспитателем был Эгемберди Ибраимов — один из организаторов первой коммуны в Киргизии, справедливый человек, честный труженик. Бейшенкан гордился делами своего деда, хотел быть похожим на него, на его соратников.

Усилиями простых, честных тружеников, патриотов-интернационалистов превратилась Киргизия — одна из самых темных, угнетенных окраин Российского государства — в развитую республику, равную среди равных.

До революции на территории Киргизии было всего шесть неболь-

ших поселений, теперь — 18 городов, 31 поселок городского типа.

Во всех промышленных предприятиях Пишпека (ныне Фрунзе) занято было около ста рабочих. Теперь Киргизия крупный индустриальный, строительный регион страны. Здесь развиты электронная, металлургическая, горнорудная, химическая, многие другие виды тяжелой, легкой, пищевой промышленности, энергетика.

В Киргизии, не имевшей своей письменности до Великой Октябрьской революции, сейчас сотни школ, школ-интернатов, ПТУ, 10 вузов и 41 среднее специальное учебное заведение, сотни массовых библиотек. Так на деле осуществляется провозглашенное Конституцией СССР право советских граждан на образование.

Ранее лишь скотоводческая, сельскохозяйственная, Киргизия и ныне уделяет внимание развитию животноводства, виноградарства, овощеводства. Здесь строятся птицефабрики, мясо-молочные фермы, проводятся работы по мелиорации.

Токтогульскую ГЭС, созданную на высокогорной реке Нарын, которую в народе называют рекой Дружбы, знают по всей стране. Строили ее посланцы всех республик. Недавно электростанция достигла проектной мощности — 1200 тысяч киловатт. Сооружается на Нарыне Курпсайская ГЭС; Камбаратинская электростанция по проекту будет давать 2 миллиона киловатт. Всего на реке Дружбы будет построено около двадцати электростанций.

В горах Тянь-Шаня завершена разведка оловорудного месторождения, а продукция Хайдаркенского ртутного комбината славится на весь мир.

Ковровые комбинаты, швейные и обувные фабрики республики выпускают немало высококачественной продукции.

Озеро в центре Киргизии славится не только своей красотой, но и здравницами. Со всего Советского Союза съезжаются сюда люди, чтобы отдохнуть, поправить здоровье, набраться бодрости. Более ста лечебно-оздоровительных учреждений сосредоточено вокруг города Чолпон-Ата на северном побережье Иссык-Куля. У советских людей есть все возможности использовать право на отдых!

На успехах Киргизии сказались достижения Советской власти, они стали возможны как результат интернациональной взаимопомощи и дружбы, самоотверженного труда ее людей — от прославленных строителей, чабанов, мелиораторов, ученых, писателей до самых рядовых, труд которых тоже вливается в труд республики.

Когда Бейшенкан после окончания института получил назначение в районный центр — село Беловодское в Московское районное производственное объединение Госкомсельхозтехники, дедушки уже не было в живых. Б. Эгембердиев был направлен в цех, где ремонтировались силосоуборочные комбайны, дождевальные машины, погружные насосы, колесные тракторы. Рядом возвращали в строй зернокомбайны, свеклоуборочные комбайны, автомашины, автотракторные двигатели. Бейшен, приступая к работе, не раз вспоминал слова дедушки: «Собрали вместе чалгы, чынжыры, ороктун турлору, тырмоог — начали хозяйствовать».

Бейшену казалось, что трудится он обыкновенно. Конечно, добросовестно, безусловно, с увлечением, с желанием вникнуть в суть процесса. Знания рождают умение. Скоро он получил повышение — стал старшим инженером-технологом. А товарищи избрали его в

комитет комсомола, сделали своим секретарем. На собрании комсомольцы с одобрением отметили, что работает он вдумчиво, мастерски.

— Постоянно советуется с Николаем Васильевичем Борзием — старшим инженером по новой технике, — отметил один из выступающих.

— Не раз замечал, как они с Владимиром Николаевичем Белоусовым изобретают новые, остроумные приспособления, — сказал рабочий паренек из цеха.

Другие говорили о справедливости молодого инженера-технолога, о его спокойном нраве и умении подбодрить товарища, о качествах руководителя, организатора.

Именно комсомольцы предложили вскоре избрать его и народным заседателем. Коллектив объединения поддержал предложение.

Немало дел рассмотрел в суде тот состав, в который входил народный заседатель Бейшенкан Эгембердиев. Дел уголовных и дел, как выражаются юристы, «возникающих из гражданских, семейных, трудовых, колхозных, административно-правовых отношений». Значение и авторитет суда высоки, вот и обращаются люди за разрешением своих дел к авторитетнейшим людям, народом избранным, чтобы разрешать споры, улаживать конфликты, определять судьбы.

Все процессы помнятся Б. Эгембердиеву. Большая жизненная наука, человеческий опыт, юридические знания требуются, чтобы исполнять ответственное общественное поручение — быть народным заседателем. Вдумчиво готовили к процессам своих товарищей — народных заседателей — судьи: председатель райнарсуда Орозбек Чынбаевич Чынбаев, народные судьи Джумагуль Дюшеновна Ибраева, Евгений Ильич Филиппов. Подробно изучались дела, определялась юридическая квалификация, проверялись документы. Народные судьи напоминали, что каждый процесс должен нести в себе воспитательный заряд. Ведь в суде решается судьба не только подсудимого, потерпевшего, истца, ответчика. Каждый, кто присутствует в зале, должен извлечь урок, должен получить предостережение. Судьи не должны забывать об этом! Судьи помнят, что и они являются воспитателями правосознания.

В 1982 году Бейшенкана Эгембердиева коллектив во второй раз избрал народным заседателем. Вновь избранных собрали в суде. Народные судьи обратились с напутствием к своим товарищам. Была выработана программа обучения, произведено распределение народных заседателей по направлениям работы: в секции по контролю за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными; по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних; по контролю за исполнением частных определений и судебных решений и другие.

Выступили со своими предложениями и народные заседатели, говорили в основном те, кто уже не первый срок работает в суде. Деловые, конкретные были предложения. Взял слово и Б. Эгембердиев.

— В своей речи на XIX съезде ВЛКСМ Леонид Ильич Брежнев очень точно охарактеризовал Продовольственную программу, сказав, что это и повышение урожайности, и увеличение производства удобрений и сельхозмашин. Это подъем животноводства и развитие промышленности комбикормов, всей кормовой базы. Это и отличная

организация переработки сельхозпродуктов на предприятиях в городе и в селе. Это борьба с потерями на всем продовольственном конвейере — от поля и фермы до заводского цеха и прилавка. Это и создание необходимых условий для труда и быта молодежи, закрепления ее в сельском хозяйстве. Вот что думаю: мы, судьи, тоже должны найти свое место в общем труде по осуществлению Продовольственной программы. Разве мы не ведем борьбу с потерями сельхозпродукции, когда рассматриваем дела о хищениях со складов и в торговле, о разукомплектовании техники, о халатности? Предлагаю все эти дела заслушивать на выездных сессиях, непосредственно в коллективах, что обеспечит большую гласность, большее воспитательное значение процессов.

Бейшенкан оглядел собравшихся: народных судей, народных заседателей, которых он знал еще по прошлым годам совместной работы в суде — Валентину Галелеевну Афлятунову, Турсуна Исаева, Петра Митрофановича Зайцева, Акжолтой Картоеву, Омурсуна Саматовича Миналиева, Клавдию Алексеевну Черных, Айткула Курбановича Жунусалиева, Ольгу Ивановну Рудаенко, Владимира Ильича Скабеева, Анарбубу Сагынбековну Сатыбалдиеву, Базаркуль Джайнакову, других, еще незнакомых, с которыми предстоит работать. Все собравшиеся единогласно поддержали предложение Б. Эгембердиева.

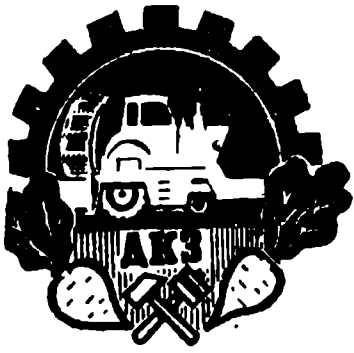
В тетради, в которую Б. Эгембердиев еще со времен учебы в школе записывает полюбившиеся ему высказывания, образные выражения, важные цитаты, есть выписка из произведения лауреата Ленинской премии и Государственных премий СССР Чингиза Айтматова «Первый учитель».

Начиная повесть, автор обращается к читателям: «...Чувствую — мне одному это не по плечу. История, всколыхнувшая мне душу, история, побудившая меня взяться за кисть, кажется мне настолько огромной, что я один не могу ее объять. Я боюсь не донести, я боюсь расплескать полную чашу. Я хочу, чтобы люди помогли мне советом, подсказали решение, чтобы они хотя бы мысленно стали со мной у мольберта, чтобы они волновались вместе со мной.

Не пожалейте жара своих сердец...»

Бейшенкана тронуло, что в преддверии большой работы писатель обращается к близким, к читателям за помощью, советом, сочувствием. Бейшен раздумывал, пересказывал по-своему затронувшие его слова.

Нет, писатель сказал точнее. Не пожалейте жара своих сердец! Не пожалейте жара своих сердец, начиная, творя, завершая большие дела!

ПИСЬМА С ПОДШЕФНОГО ЗАВОДА

А. ДМИТРИЕВ,
начальник отдела организации
производства и управления
Днепропетровского
комбайнового завода,
заместитель секретаря
парткома

Эффект бригады

Сознавая важность своего вклада в реализацию Продовольственной программы, рабочие Днепропетровского ордена Трудового Красного Знамени комбайнового завода имени К. Е. Ворошилова заняты сейчас освоением наиболее эффективных методов организации производства, поиском новых резервов для повышения производительности труда и улучшения качества своей продукции.

В речи товарища Л. И. Брежнева на XVII съезде профсоюзов СССР есть такие слова: «Хорошо организованная, эффективно, я бы сказал, умно работающая бригада — подлинная школа для развития управленческих навыков рабочих, экспериментальная лаборатория для любой творческой инициативы».

В справедливости сказанного коллектив Днепропетровского ордена Трудового Красного Знамени комбайнового завода имени К. Е. Ворошилова убедился на собственном опыте. Не зря поддержка трудовой инициативы, рождающейся на участках, в цехах, бригадах, стала правилом работы администрации, всех общественных организаций, в том числе и профсоюзной. Сошлюсь на такой пример. В 1981 году коллектив нашего предприятия отметил своеобразный юбилей — десятилетие перехода на усовершенствованную бригадную систему работы. Но прежде чем говорить о ее сути, давайте рассмотрим одну, для многих предприятий типичную производственную ситуацию. Представим, что на каком-то заводе ощущается острая нужда в квалифицированных автоматчиках. Казалось бы, чего проще? Набирай молодежь, направляй к старым опытным мастерам — вот тебе и смена. Но порой выясняется, что молодым не так-то просто передаются производственные секреты старших.

Почему? Да вот почему... За каждым из ветеранов закреплен станок или группа станков как бы в единоличное пользование. Обстоятельство немаловажное. Любой квалифицированный специалист знает, что для нормальной работы станок должен быть хорошо отлажен и находиться в отличном состоянии. Правда, на наладку уходит порой час-другой, но люди опытные не беспокоятся: затраченное время наверстывается с лихвой.

Теперь представьте себе, что у высококвалифицированного рабочего появился только что пришедший на завод сменщик. Автомат — оборудование сложное. Чтобы освоить все его хитрости, требуется года два-три. А сменщик, молодой парнишка, проучился всего несколько месяцев, практики у него мало, с самодисциплиной еще не все в порядке. Ветеран же не только отлично знает дело, но и человек организованный, обязательный, готовый всегда прийти товарищу на помощь. У него с годами и определенные производственные привычки выработались. К примеру, никогда не уйдет домой, пока после работы не отладит на совесть станок. И когда к автомату заступает молодой сменщик, то ему уже не приходится искать наладчика, ждать, пока станок приготовят к работе. Иначе говоря, у него на все это не уходит время. Пришел, нажал кнопку и сразу начинает давать продукцию. Ответить тем же ветерану он пока не может, не научился, не выработал устойчивой привычки. Вот и получается, что завтра опытный рабочий, накануне потративший час или больше на наладку, именно с нее начнет смену. Так что норму свою он уже выполняет, так сказать, благодаря сноровке и опыту, в то время как его юный сменщик справляется с ней без особых усилий. Ведь часть работы уже за него сделана.

Конечно, я намеренно упростил ситуацию. Но порой бывает именно так, и многие меня поймут, узнают себя и своих соседей по рабочему месту.

Нечто подобное можно было лет десять назад наблюдать и на комбайновом заводе. Заводчане искали ключ к проблеме, понимая, что прежде чем нацеливать человека на конечный результат коллективного труда — комбайн, надо добиться, чтобы забота поначалу о моем (нашем) станке, о моем (нашем) участке, о моем (нашем) цехе, подкрепленная материальным стимулом, постепенно переросла в потребность созидательной, в высшей степени добросовестной работы на благо общества. Иначе говоря, главное состояло в том, чтобы вырвать рабочего из-под власти своих, и только своих, операций, заинтересовать его коллективным результатом труда. В этом была объективная необходимость: ведь современное оборудование дает максимальную отдачу лишь при условии теснейшего контакта между всеми обслуживающими его звеньями. И лишь такой контакт обеспечивает сочетание личной заинтересованности с коллективной. Словом, тут хватает всяких проблем и морально-нравственного характера, и юридического, если хотите.

Первым на комбайновом взялся их решить зубофрезеровщик Герой Социалистического Труда Алексей Андреевич Кулаков. Он предложил на участке шестерен создать сквозную бригаду зуборезчиков. Прежде участок считался «узким» местом производства. Каждый зуборезчик обслуживал по 3—5 станков, работал в три смены, имел большую номенклатуру деталей и затрачивал много времени на переналадку и подготовку станков к передаче другой смене. А. Кулаков предложил объединить 13 зуборезчиков в одну бригаду, а передачу станков осуществлять на ходу, без переналадки. Кулаков в

разговоре с директором Алексеем Александровичем Покусой пообещал, что за оставшиеся четыре года пятилетки бригада выполнит пятилетнюю норму!

Директор предложение принял и одновременно приказал руководителям инженерных и экономических служб завода оказать бригаде всю необходимую помощь, в том числе и в поддержании в коллективе здорового морально-правового климата. В конце концов, предстояло объединить в работе по одному наряду совершенно разных по характеру, темпераменту, дисциплинированности, квалификации людей и при этом найти справедливую, отвечающую личному вкладу каждого систему оплаты труда.

Сегодня бригада обслуживает 27 станков, номенклатура обрабатываемых шестерен составляет 74 наименования. Переход на сквозной метод работы позволил специализировать станки на производстве постоянной номенклатуры деталей, организовать их изготовление по наиболее рациональной циклограмме загрузки оборудования. За счет улучшения использования оборудования и рабочего времени, сокращения его потерь в связи с упразднением частых переналадок резко повысилась производительность труда. В результате экономия за год составила 3252 человеко-часов. Люди стали ответственней относиться к порученному делу, любителям «перекуров» пришлось о них забыть, подтянуться, поднять дисциплину, иначе подведешь всю бригаду, да и себя самого. И дело даже вовсе не в зарботке, хотя и он не пустяк, а в том, что замараешь имя свое, доверие товарищей потеряешь. Словом, совсем иной подход к труду, к своим обязанностям. А коль так, то и потери рабочего времени по причине преждевременного окончания смены сократились с 15 до 5 минут; снизились и потери, связанные с передачей станков. Благодаря уменьшению числа наладчиков экономия заработной платы составила 2507 рублей.

Дружный коллективный труд, заинтересованность в его конечном результате развили и творческую инициативу членов бригады. Они по-новому взглянули на свое рабочее место, на возможности техники и человека и предложили множество интересных, я бы сказал, инженерных и технологических решений, которые сделали их работу более производительной и более качественной. «Личные секреты» стали общественными, повысился профессиональный уровень каждого. Резко улучшилась дисциплина.

Переход на сквозной метод обслуживания оборудования, внедрение комплекса мер по улучшению организации труда позволили бригаде А. Кулакова добиться высоких показателей в выполнении социалистических обязательств. Пример передовиков стал образцом для многих. Сегодня на всех решающих участках производства организованы и успешно трудятся такие же бригады.

Одним из лучших участков штамповочно-сварочного цеха № 5 по праву считается ныне участок холодной штамповки, где работает бригада прессовщиков под руководством бригадира Вадима Федоровича Милицы. А ведь много лет подряд именно прессовый участок был узким местом завода. Он отличался неритмичной подачей деталей на главный конвейер и сварку, большой текучестью кадров, низким уровнем выполнения норм, постоянными срывами суточных и месячных заданий. Ни повышение уровня зарплаты, ни замена состава мастеров, ни перевод на этот участок рабочих из других цехов и инженерно-технических работников из отделов не могли вывести его из глубокого прорыва.

Но вот в 1977 году была создана комплексная бригада прессовщиков. Начали с решения, казалось бы, простых организационных вопросов. Например, более рационально поставили два прессы, изготовили стеллаж для хранения штампов, применили обратную тару для складирования деталей. Благодаря этому покончили с неразберихой, с излишними хождениями и перевозками в цехе, а значит, более емко стали использовать рабочее время. Затем появилась возможность изготовить определенный задел деталей. Участок перестало лихорадить, трудовой пульс его забился в четком ритме.

Если прежде нередко были случаи изготовления деталей мелкими партиями, что приводило к частой переналадке прессов, то после создания бригады и налаживания ритмичной работы на одном штампе выпускается месячная программа необходимых деталей и лишь затем переналаживается пресс. Время на эту операцию сразу же сократилось наполовину.

Как только бригада стала комплексной (кстати, в ее состав ввели наладчиков и подсобных рабочих), каждый почувствовал себя причастным к успехам всего коллектива. Причем наглядно, зримо. Наладчик воочию увидел, что от его умения, его знаний, его расторопности зависят не только собственные производственные показатели, но и показатели всей бригады. Все зависели от него, а он от всех. Повысилась заинтересованность в конечном результате труда. И не только наладчиков, но и подсобных рабочих, которые теперь старались своевременно обеспечить каждое рабочее место заготовками и отвозить готовые штампованные детали. И это также сократило потери рабочего времени у штамповщиков и сделало более производительным их труд.

Работа по-новому дала и своеобразный морально-нравственный эффект. Раньше на участке, как и в каждом производственном подразделении, были «выгодные» и «невыгодные» работы, что порой вызывало дефицит отдельных деталей, споры между людьми, желание вырвать задание полегче, лучше оплачиваемое. Теперь бригада работает в одну «копилку» и каждый член ее знает, что независимо от того, какие детали ему придется сегодня штамповать, — это задание для всех. Стало возможным распределять задания так, чтобы они были по плечу исполнителю, чтобы он выполнял их с удовольствием, вкладывал в дело рабочую смекалку, все свое умение. Труд стал инициативным, творческим, в радость. Он объединил, сementировал коллектив — духовно и организационно, открыл всем и каждому перспективу на завтра, на месяц, на год. Зримее стала цель, к которой бригада стремилась. И как результат — резкий рост производительности труда. Кроме того, коллектив в цехе стал крепким, стабильным, исчезли практически текучесть, конфликты из-за заработков, ибо распределение их идет с учетом коэффициента трудового участия каждого члена бригады. Вопрос решает сам коллектив. Как поработал, что заработал — то и получил.

С организацией бригады лучше увиделось положение дел не только в ней, но и на участке, в цехе. Рабочие как бы начали замечать то, чего прежде не замечали и что вроде их даже не касалось. Теперь, не дожидаясь, чтобы об этом думали те, которым положено по должности, они сами предложили убрать лишнее оборудование, списать и вывезти морально устаревшее и негодное, сократить число рабочих мест. Поскольку бригада объединяет наладчиков прессов, прессовщиков, рихтовщиков, подсобников, ей под силу любой комплекс работ, начиная от изготовления заготовок и кончая выпуском

готовых деталей. Люди довольно быстро освоили смежные профессии: штамповщики могут заменить наладчика, рихтовщика, заточника. Каждый член бригады способен выполнить любую работу четко и быстро, не ожидая указаний бригадира, так как знает, что его труд — часть труда всего коллектива. Сократились в связи с этим простой оборудования, непроизводительные затраты рабочего времени на ожидание заготовок, наладчика и других вспомогательных рабочих. Только за счет совмещения профессий, сокращения потерь рабочего времени, уменьшения количества переналадок прессов, установления в бригаде хорошего микроклимата производительность труда с начала ее организации выросла на 34,5 процента. А планировали рост на 24 процента!

Анализ деятельности аналогичных бригад на заводе (а их сейчас более 350) показывает, что неизмеримо возрастает заинтересованность каждого в итогах общего труда. Квалифицированные рабочие охотнее помогают молодым овладевать профессией, передают свой опыт: ведь более производительный труд каждого увеличивает общий вклад всего коллектива в выполнение программ. Период освоения профессии молодежью резко сокращается. В бригадах практически нет не выполняющих норм выработки. Потери времени и затрат труда на непроизводительную деятельность уменьшаются за счет совмещения профессий, оперативности и рациональной расстановки кадров. В бригадах нет выгодных и невыгодных работ, так как все они общие и оплачиваются по единому наряду. Улучшился психологический климат в коллективе, возрос интерес к делу. Снижается текучесть кадров. И как результат этого — повышаются производительность труда, качество выпускаемой продукции.

В связи с широким внедрением бригадных форм труда заметно изменилась роль мастера на производстве. Сегодня он все более начинает соответствовать своему названию и назначению, то есть действительно становится центральной фигурой производства. Он думает и работает на перспективу. У него больше свободного времени, ибо меньше занят бумажной работой, связанной с оформлением индивидуальных нарядов.

Словом, сейчас уже никого не приходится агитировать за бригадные формы организации труда. В их целесообразности и эффективности убедились все. В одиннадцатой пятилетке на нашем заводе, как и в стране, коллективная форма организации и оплаты труда должна стать основной. Облегчает дело утвержденное в декабре 1980 года Госкомтрудом СССР и ВЦСПС Типовое положение о производственной бригаде, бригадире, совете бригады и совете бригадиров. Оно позволяет лучше организовать труд, воспитывать коллективизм и творческий подход к интересам производства.

На основании этого положения идет работа по созданию отраслевых положений, в которых будут приняты во внимание особенности отрасли. Коснутся они и комбайностроения.

Таким образом, комбайностроители Днепропетровска продолжают поиск новых возможностей для дальнейшего повышения энерговооруженности труда колхозников и рабочих совхозов, уже выросшей с 1965 года более чем в три раза, что с удовлетворением отметил в своем докладе на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Свекловичное поле страны получит самую совершенную технику с маркой завода им. К. Е. Ворошилова, которая значительно сократит сроки уборки корнеплодов, что даст стране дополнительно тысячи тонн сахара.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ НА ЗЕМЛЕ

Одобренную майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС Продовольственную программу СССР советские люди восприняли как новое проявление заботы партии и правительства о благе народа, как боевую программу действий. Глубокое изучение программы, разработка мер по осуществлению поставленных в ней задач, мобилизация трудовых усилий на их выполнение стали главной заботой дня в каждом производственном коллективе, и особенно в отраслях агропромышленного комплекса.

Корреспонденты редакции обратились к некоторым читателям журнала — работникам различных отраслей сельскохозяйственного производства и попросили поделиться своими мыслями, соображениями о путях успешного выполнения Продовольственной программы.

БУДУЩИМ ХЛЕБОРОБАМ — ВЫСОКУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

Яхрома от Москвы недалеко. Меньше часа езды на электричке — и вот уже потянулись поля нашего совхоза. А если говорить точнее — Яхромского ордена «Знак Почета» совхоза-техникума.

Совхоз-техникум... Такая форма подготовки кадров для села создана сравнительно недавно, но успела зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Посудите сами: мы, например, ежегодно направляем в колхозы и совхозы Московской и Калининской областей около 500 высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства: агрономов, зоотехников, гидротехников. наших выпускников можно встретить везде: на полях и фермах, на мелиоративных работах, многие успели вырасти в инициативных, авторитетных руководителей производственных коллективов и сейчас успешно передают свой опыт другим.

В общем, сделано немало, но сейчас хочется поговорить не о достигнутом, а о наших перспективах, о тех задачах, которые вы-

двинула перед нами, тружениками села, Продовольственная программа СССР, одобренная майским Пленумом ЦК КПСС.

Взять хотя бы такую важнейшую проблему, как закрепление в сельском хозяйстве квалифицированных кадров. Ведь от руководителя, в том числе и среднего звена, в нашем деле зависит очень многое. Леонид Ильич Брежнев на майском Пленуме ЦК КПСС подчеркнул, что когда во главе какого-то участка стоит человек, знающий дело, болеющий за него и умеющий работать с людьми, то можно быть уверенным за этот участок.

В стране много учебных заведений, где готовят специалистов сельского хозяйства, но, положив руку на сердце, спросим себя: а все ли они работают непосредственно на селе? Нет, к сожалению, не все. Кое-кто, получив диплом, предпочитает осесть в городе, в каком-нибудь учреждении. Я уже говорил, что ежегодно наш совхоз-техникум направляет в хозяйства более 500 молодых специалистов. Но закрепляются на селе далеко не все. И этот факт не может не настораживать.

Вот почему я с особенным удовлетворением прочитал ту часть Продовольственной программы, где говорится о дальнейшем благоустройстве наших сел, об улучшении социально-бытовых условий жизни советской деревни, о повышении материального стимулирования специалистов. Эти меры вызваны самой жизнью.

Решения майского Пленума ЦК КПСС ставят важные задачи и перед нами, теми, кто готовит сельских специалистов.

«Укрепить все участки колхозного и совхозного производства хорошо подготовленными руководителями,— говорится в Продовольственной программе,— специалистами, кадрами массовых профессий, обеспечить дальнейшее повышение их квалификации и сокращение текучести». Нам следует строить свою работу так, чтобы максимально заинтересовать юношей и девушек в учебе, привить любовь к земле, чтобы забота о ней стала главным делом всей их жизни.

На каждом отделении нашего совхоза-техникума мы создали так называемые творческие группы из наиболее опытных преподавателей, активных учащихся. Цель этих групп — поддерживать постоянные контакты с руководителями сельских хозяйств, партийными и комсомольскими организациями колхозов и совхозов, привлекать молодежь на учебу. Творческие группы часто выезжают на места, где подробно рассказывают о нашем техникуме, о тех профессиях, которые здесь можно получить. Все это уже дает хорошие результаты — люди заметно потянулись к нам, достаточно сказать, что в этом году на всех отделениях совхоза-техникума обучается более 2000 человек. Мы надеемся, что они станут нужными селу людьми, помогут растить хорошие и обильные урожаи.

ДМИТРОВСКИЙ РАЙОН
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. ЛЫГОРЕВ,
преподаватель Яхромского
ордена «Знак Почета» совхоза-
техникума

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И ВЫСОКАЯ ДИСЦИПЛИНА ТРУДА — СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

Наш совхоз один из старейших в стране. Он был создан еще в 1928 году, специализируется на разведении овец полутонкорунной породы. Я родился и вырос в селе, в школе изучил тракторное дело, а после армии уже пять лет работаю механизатором. Здесь же, в совхозе работают зоотехниками мой отец и брат. Все, что касается жизни села и сельскохозяйственного производства, мне особенно близко и дорого.

В соответствии с Продовольственной программой в двенадцатой пятилетке в сельское хозяйство будут вложены огромные средства. Это, безусловно, даст большой толчок для дальнейшего его развития. Но выполнение намеченных планов зависит и от наших общих усилий, от добросовестности каждого сельского труженика. Я подчеркиваю, именно каждого. Нельзя мириться с разгильдяйством, бесхозяйственностью, из-за которых мы порой несем большие потери в производстве продовольственной продукции. Приведу такой пример. У нас в совхозе сотни гектаров засеваются кормовыми культурами, в том числе и травой суданкой. Растет она быстро, и ее требуется несколько раз скашивать. Но чуть запоздаешь, не скошишь вовремя, перерастет трава и потеряет многие свои ценные кормовые качества. А если учесть, что посевные площади огромные, то станет ясно, какие потери мы от этого понесем. Бережное отношение к народному добру, чувство ответственности за порученное дело, высокая дисциплина труда — неперемные условия успешного выполнения Продовольственной программы.

Очень заинтересовала и порадовала меня та часть программы, где говорится о социальном переустройстве села, о строительстве благоустроенного жилья, расширении строительства школ, детских дошкольных учреждений, клубов, улучшении медицинского, торгового и бытового обслуживания сельского населения. Эти меры значительно облегчат жизнь сельских жителей, закрепят на селе молодые кадры.

**КАМЕНСКИЙ РАЙОН
УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

**САГНГАЛИЙ КУСПАНОВ,
механизатор совхоза «40 лет
Казахстана»**

РАЦИОНАЛЬНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТЕХНИКУ

Наш Актанышский район в основном специализируется на зерновых культурах, однако немало внимания уделяется и развитию мясо-молочной отрасли. Район большой. Хозяйства подчас расположены далеко друг от друга, да и до райцентра совсем не близко. Понятно поэтому, почему у нас везде так остро стоит вопрос с

транспортом. Мало вырастить и собрать богатый урожай, нужно его в срок и без потерь вывезти с полей на заготовительные пункты; осенью и весной же следует подготовить земли для сева. В общем, каждая машина на учете, и если она сломалась — беда! Мы, ремонтники, — первые помощники колхозов и совхозов. Наши заботы — надежно готовить технику к полевым работам, увеличивать ее эффективность, долговечность.

С большим вниманием изучали мы материалы майского Пленума ЦК КПСС. В Продовольственной программе, одобренной Пленумом, перед нами поставлены конкретные задачи. Миллионы тракторов, зерноуборочных комбайнов и других сельскохозяйственных машин поставит государство за десятилетие колхозам и совхозам. Намечены меры по укреплению инженерной службы в сельском хозяйстве, повышению ее ответственности за использование и сохранность техники, дальнейшему развитию и специализации ремонтно-обслуживающей базы в колхозах, совхозах и организациях «Сельхозтехники». Вместе с тем в программе указано на необходимость улучшить качество ремонта и поднять уровень технической готовности машин и оборудования, не допускать их преждевременного списания. Выполнение этой задачи зависит как от нас, ремонтников, так и от эксплуатационников. Технику нужно беречь, использовать ее рационально, помнить, что она — общенародное достояние. А пока, что греха таить, есть у нас еще в этом деле и халатность, и расточительство. В том или ином хозяйстве так «заезжают» свои машины, что еще недавно новый автомобиль отправляется сразу же на капитальный ремонт. А ведь каждую машину нужно регулярно, в положенный срок ставить на технический осмотр, тогда отдача от нее будет больше, срок службы длиннее. Это, безусловно, все понимают, но не все придерживаются данного требования. Живут только заботами текущего дня.

Другой пример. Может, кому-то он покажется мелким, но, право, обидно, когда видишь, как машина, восстановлению которой отведено столько сил, используется явно не по назначению. Частенько большегрузные автомобили развозят по разным делам отдельных людей, а сколько горючего при этом вылетает в трубу в прямом и переносном смысле. Считаю, что в дальнейшем с такими фактами мириться нельзя. Те огромные средства, что государство вкладывает в развитие сельского хозяйства, нужно использовать разумно, чтобы каждый рубль приносил большую отдачу. От этого будет зависеть и наше общее благосостояние, и мощь нашего государства.

с. АКТАНЫШ
ТАТАРСКОЙ АССР

И. САБИРОВ,
инженер-контролер станции
технического обслуживания
автомобилей при межрайонной
организации «Сельхозтехника»

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. ИВАНОВ,
кандидат юридических наук

Интересы покупателя — под охраной закона

Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно заботятся о повышении материального благосостояния трудящихся. И в связи с этим одна из главных задач состоит в том, чтобы всемерно улучшать снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, повышать уровень его обслуживания.

Ясно, что выполнение этой задачи потребует дальнейшего улучшения торговли, а также бытового и коммунального обслуживания граждан. Вот почему, руководствуясь решениями XXVI съезда партии, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке», в котором намечена широкая программа мероприятий в этой сфере народного хозяйства и, в частности, вопросы правового регулирования обслуживания граждан.

Советское законодательство защищает граждан нашей страны от спекулянтов, махинаторов и хапуг. Особую значимость приобретает и борьба с различными правонарушениями в соответствующих сферах народного хозяйства. Об этом еще раз напомнил Пленум Вер-

ховного Суда СССР при рассмотрении задач судов в свете решений XXVI съезда КПСС. В постановлении Пленума судам предложено точно и неуклонно применять законы, направленные на охрану социалистического имущества, искоренять бесхозяйственность, взяточничество, расточительство, спекуляцию, различные злоупотребления в торговле и при обслуживании населения.

Одним из опасных преступлений в сфере торговли является спекуляция.

Статья 154 УК РСФСР и подобные статьи уголовных кодексов других союзных республик называют спекуляцией скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы.

Опасность спекуляции в том, что на пути нормального продвижения товаров от производства к потребителю появляются частные посредники, нарушается плановый процесс распределения продукции. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» особо указывается: «Партия стремится к тому, чтобы при общем росте потребления материальных и духовных благ... последовательно соблюдались справедливые социалистические принципы распределения, не допускалось их искажений».

Общественная опасность спекуляции состоит еще и в том, что она нередко сопряжена с хищениями, злоупотреблениями служебным положением, взяточничеством и другими преступлениями. Наконец, многочисленные факты из судебной практики наглядно и убедительно свидетельствуют о том, что лица, занимающиеся спекуляцией, часто уклоняются от общественно полезного труда.

К сожалению, отдельные люди порой не видят в спекулянте преступника, посягающего на интересы советской торговли и потребителей, не видят паразита, нарушающего социалистический принцип распределения по труду. В спекулянте они зрят чуть ли не такого благодетеля, во всяком случае, нужного человека, который все может достать. И люди, нетерпимо относящиеся к жуликам, мошенникам, лихоимцам и другим стяжателям, охотно заводят дружбу со спекулянтом, принимают его у себя дома, угощают, оказывают встречные услуги. Ну как же, ведь тот снабжает их «дефицитом», тем, что далеко не всегда достанешь!

Советское законодательство устанавливает, что скупка и перепродажа товаров или иных предметов небольшой стоимости и в небольшом количестве с целью наживы (например, дамской кофточки, детского костюмчика, одной-двух пар перчаток) считается мелкой спекуляцией и наказывается в административном порядке. А вот нажива на сумму от 30 до 200 рублей дает основание квалифицировать эти действия по части I статьи 154 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик) как преступле-

ние. Статья эта предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительных работ на срок до одного года, или штрафа до трехсот рублей. Спекуляция в виде промысла или в крупных размерах (часть 2 статьи 154 УК РСФСР) наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества.

Под промыслом понимается систематическое занятие спекуляцией, которая становится основным либо дополнительным источником существования виновных. Нередко от скупки и перепродажи дефицитных товаров они извлекают наживу в тысячи, а то и в десятки тысяч рублей. Если учесть, что нажива определяется разницей между выручкой от перепродажи и стоимостью при скупке, то легко понять, сколько же надо скупить дефицитных вещей, чтобы положить в свой карман такие большие суммы денег!

Спекуляцией в крупных размерах считается, когда нажива от перепродажи превышает 200 рублей, либо скупается и перепродается значительное количество товаров, или скупленные товары обладают большой стоимостью.

Скупка имущества, заведомо добытого преступным путем, порой бывает связана с соучастием в самом хищении или в таком, например, незаконном завладении имуществом, как скупка украденных вещей по заранее данному обещанию. Такие действия квалифицируются по совокупности как соучастие в хищении или ином незаконном завладении имуществом и как спекуляция. Это определено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 года «О судебной практике по делам о спекуляции».

При расследовании и судебном рассмотрении дел о спекуляции всегда выясняется, где, когда и у кого спекулянты приобретали товары, каким способом они перепродавались. Оказывается, иногда вещи и продукты доставляются прямо на квартиры покупателей, причем спекуляцией в такой форме наиболее часто занимаются работники торговли. Бывает и так, что должностные лица помогают спекулянтам продавать товары через магазины и другие торговые точки. Порой они предоставляют склады государственных и общественных предприятий и учреждений для хранения скупленных спекулянтом вещей. Во всех таких случаях действия должностных лиц расцениваются как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции. Если же эти действия были совершены за «вознаграждение», то должностное лицо наказывается еще и за получение взятки.

Должностные лица, которые, используя свое служебное положение, закупают товары и затем их перепродают с целью наживы, несут ответственность за злоупотребление служебным положением и за спекуляцию.

Часто товары утаиваются, продаются, минуя прилавок. Дельцы от торговли запасают на складах магазинов, на торговых базах товары для себя, своих родственников и знакомых, для «нужных людей». Вот один из примеров. Комитет народного контроля СССР с участием большой группы активистов проверил в Кабардино-Балкарской АССР соблюдение правил торговли товарами, пользующимися повышенным спросом. Было обследовано 317 магазинов и шесть оптовых баз. Во многих из них выявлены грубейшие нарушения. В каждом третьем магазине Нальчикской конторы Курорт-промторга заведующие и продавцы прятали от покупателей ковры, магнитофоны и другие товары вплоть до мыла. Нередко грубо нарушался порядок распределения и продажи ковров и мебели трудовым коллективам. К январю 1981 года на базах республиканского потребсоюза скопилось товаров повышенного спроса на сумму более двух миллионов рублей. Это — кожаные пальто и куртки, дубленки, женские шубы.

В целях усиления борьбы с подобными явлениями Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 года Уголовный кодекс РСФСР дополнен статьей 156³ «Нарушение правил торговли». В ней говорится: «Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений торговых предприятий (организаций) или предприятий (организаций) общественного питания или сокрытие товаров от покупателей, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, — наказываются исправительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в торговых предприятиях (организациях) и на предприятиях (в организациях) общественного питания либо без такового или штрафом до ста рублей.

Те же действия, совершенные повторно, — наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей».

Для того чтобы новый закон стал наиболее действенным, его союзником обязательно должна стать нетерпимость каждого советского человека к рвачам от торговли. И тогда утратит свое значение бытующее пресловутое слово «достал».

— Могу достать все! Дубленку? Ондатровую шапку? Мебельную стенку? Воблу или крабы? Томик детективов или подписку на классика? Пожалуйста! Сколько угодно! — открыто, с вызовом иной раз похваляется новоявленный «бизнесмен». И главное, похваляется с бесстыдством, корни которого в том, что он вроде бы всем нужен, к нему бегут и просят: «Достаны!» И он «достает». Конечно, втридорога, но ему платят и при этом еще благодарят. А за что благодарить-то? За то, что «одевает» и «обставляет»? Или за то, что наживается за счет тех, над кем еще и посмеивается?

Один из таких «героев» рассказывал:

— Мне нравится, когда ко мне обращаются и униженно просят достать модную тряпку. Нравится распоряжаться деньгами по своему усмотрению, нравится быть независимым и гордым.

Ну, насчет независимости, во всяком случае, независимости от закона, так это, как говорится, до поры до времени. А вот насчет гордости, точнее, чванства, то тут просто психологическое и нравственное уродство. Лекарство от него одно: атмосфера всеобщего презрения. Спекулянты и дельцы должны почувствовать, что в нашем обществе жить так, как живут они, не дозволено и преступно.

Нарушение правил торговли тесно граничит с таким видом хозяйственных преступлений, как обман покупателей и заказчиков. Еще раз напомним, что в успешном решении главной задачи одиннадцатой пятилетки — неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни советского народа — важная роль отводится работникам торговли, общественного питания и сферы обслуживания. Выступая на XXVI съезде КПСС, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Магазин, столовая, прачечная, химчистка — здесь люди бывают каждый день. Что они могут купить? Как их встречают? Как разговаривают с ними? Сколько они тратят времени на всякого рода бытовые хлопоты? По тому, как решаются эти вопросы, люди в большой мере судят о нашей работе. Судят строго, взыскательно».

Всем сердцем восприняв эти слова, подавляющее большинство тружеников торговли и службы быта стараются наилучшим образом удовлетворять потребности трудящихся. Об этом свидетельствуют хотя бы те многочисленные благодарности, которые выражают им признательные покупатели и заказчики. Благодарности за внимание, заботу и добросовестность.

Честность и добросовестность продавца или заведующего магазином, закройщика или мастера комбината бытового обслуживания в первую очередь проявляются в том, как они соблюдают правила торговли, бытового и коммунального обслуживания. Отступление от неукоснительного соблюдения этих правил влечет за собой применение по закону различных мер наказания.

За мелкий обмер, обвес, обсчет или иной малозначительный обман применяются меры дисциплинарного, общественного или административного воздействия. Малозначительными, как правило, признаются такие действия, которые носили единичный характер и причинили небольшой вред.

Так, за нарушение трудовой дисциплины, согласно статье 135 КЗоТ РСФСР и подобным статьям КЗоТ других союзных республик, администрация предприятия, учреждения, организации применяет следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до

трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение. Законодательством о дисциплинарной ответственности и уставами о дисциплине могут быть предусмотрены для отдельных категорий рабочих и служащих также и другие взыскания. В некоторых случаях, согласно пункту 2 статьи 254 КЗоТ РСФСР и подобным статьям КЗоТ других союзных республик, может быть по инициативе администрации прекращен трудовой договор при виновных действиях работника, непосредственно работающего с денежными или товарными ценностями. Трудовой договор может быть прекращен, если эти действия дают основание для утраты доверия к такому работнику со стороны администрации.

Меры общественного воздействия — это, например, решения товарищеского суда о наложении взыскания. Административная ответственность за нарушение правил торговли, в том числе и за обман покупателей, предусмотрена в виде штрафа до 25 рублей, налагаемого административными комиссиями при исполкомах районных, городских Советов народных депутатов.

Уголовное законодательство союзных республик, в частности статья 156 УК РСФСР, конкретно называет действия, в которых содержится обман покупателей и заказчиков: обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению. Это примерный перечень. Закон предусматривает ответственность и за иной обман покупателей и заказчиков. Это, например, продажа уцененных товаров по ценам, существовавшим до уценки; искусственное увеличение веса или объема товара в момент продажи; закладка в блюда, приготовляемые на предприятиях общественного питания, меньшего количества продуктов, чем предусмотрено нормами; завышение объема ремонтных работ и так далее.

При обмеривании и обвешивании покупателям отпускается товар неполным весом или неполной мерой, а заказчикам — материал в количестве меньшем, чем то, которое ими было оплачено. Например, мастер-закройщик специально сверх нормы называет общий метраж ткани, необходимой для шитья изделия. Обвешивание бывает и тогда, когда товар заворачивается в большое количество бумаги без вычета ее веса.

При обсчете полностью или частично не выдается сдача, продавец неправильно подсчитывает общую стоимость покупки, штучный товар отпускает в количестве, которое не соответствует уплаченной сумме.

Пользуясь тем, что стоимость некоторых товаров неспециалисту определить очень трудно, преступники продают товары низшего сорта по цене высшего. Так, при разделке мяса II категории отдельные куски продают вместе с мясом I категории по цене последней.

Бывает и так, что работники торговли искусственно, путем увлажнения, увеличивают вес некоторых продуктов — сахарного песка, сухофруктов.

Наиболее распространенный способ обмана покупателей — превышение установленных розничных цен. Эти преступления обычно совершаются в тех торговых или бытовых предприятиях, где на видных местах нет ценников и прейскурантов.

Нередко покупателей обманывают для сокрытия хищения. Особенно часто такое случается на предприятиях общественного питания, когда часть продуктов воруют, а недостача покрывается затем при изготовлении и сбыте неполноценных блюд. Эти преступления квалифицируются судами по совокупности как хищение государственного или общественного имущества и обман покупателей.

Обман покупателей и заказчиков наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства. Те же действия, совершенные при отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет. К отягчающим обстоятельствам относится обман покупателей и заказчиков, совершенный по предварительному сговору группой лиц или в крупных размерах, то есть на сумму свыше 100 рублей, либо лицами, ранее судимыми за те же преступления. При отягчающих обстоятельствах виновные могут быть наказаны также конфискацией имущества. Во всех случаях они лишаются права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства.

Следует отметить, что нередко продавцы обманывают покупателей по указанию заведующего или заместителя заведующего магазином, секцией. В этих случаях к ответственности привлекается и тот, кто дал преступное распоряжение, и тот, кто его выполнил.

Порой случается и такое, что директор магазина или другое должностное лицо прямо говорит покупателю: «Вещь эта дефицитная. Стоит столько-то. Если дадите сверх этой цены такое-то вознаграждение, то я вам ее продам». Покупатель соглашается — и с «черного хода» ему продают нужный товар. Такое преступление является взяткой. Согласно статье 173 УК РСФСР и подобным статьям уголовных кодексов других союзных республик, оно наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества.

Если же взятку получило должностное лицо, занимающее ответ-

ственное положение, либо ранее судившееся за взяточничество, или получавшее взятки неоднократно, либо же вымогавшее взятку, то наказание еще строже. Виновный может быть приговорен судом к лишению свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой после отбытия лишения свободы на срок от двух до пяти лет или без ссылки. При особо отягчающих обстоятельствах суд может приговорить взяточника к смертной казни с конфискацией имущества.

В уголовном порядке наказываются и тот, кто дал взятку. Или был посредником в передаче взятки. Надо особо подчеркнуть, что давший взятку освобождается от ответственности, если в отношении его имело место вымогательство или же он после дачи взятки добровольно заявил о случившемся.

Так, директор магазина «Свет» Т. продавал импортные хрустальные люстры через подсобное помещение. За люстру стоимостью 400 рублей Т. требовал «вознаграждение» для себя 70 рублей. Он был осужден за взяточничество. Граждане, которые купили такие люстры, выплатив сверх их стоимости мзду директору, были от ответственности освобождены, так как добровольно заявили о случившемся в милицию.

Как уже говорилось, наказываются за получение взятки лишь должностные лица. А как быть, если вымогательством занимается рядовой продавец, закройщик, шофер такси? До недавнего времени все они уголовной ответственности за такие действия не несли.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 года УК РСФСР дополнен статьей 156² «Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения».

Статья 156² УК РСФСР направлена против поборов и вымогательств со стороны работников предприятий, учреждений и организаций, в частности торговых, если эти люди не являются должностными лицами. Получение путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за оказание услуги, входящей в круг служебных обязанностей таких работников, наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей. Те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей.

К уголовной ответственности могут быть привлечены работающие не только в магазинах, но и в кассах по продаже билетов, на предприятиях общественного питания и так далее. В постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке применения статьи 156² Уголовного кодекса РСФСР» разъясняется, что под вымогательством незаконного вознаграждения следует понимать не

только прямо выраженное требование уплатить определенное вознаграждение. Вымогательством считается также умышленное создание для гражданина условий, при которых он вынужден заплатить мзду.

Незаконным вознаграждением могут быть как деньги, так и промышленные или продуктовые товары и прочее. Вознаграждение считается крупным, если его сумма превышает двести рублей.

Как правило, причинами и условиями, способствующими обману покупателей и заказчиков, являются недостатки в организации контроля, в том числе и общественного. Отрицательную роль в этом играет также плохая воспитательная работа с работниками предприятий торговли, общественного питания и службы быта, попустительство со стороны отдельных должностных лиц таких предприятий.

Наш закон, предусматривая строгие меры наказания к нарушителям правил торговли и бытового обслуживания населения, надежно охраняет интересы покупателей и заказчиков. Точное и неуклонное его соблюдение в сочетании с совершенствованием материально-технической базы торговли и бытового обслуживания, внедрение прогрессивных форм обслуживания покупателей и заказчиков, а также строгий общественный контроль позволят навести в этих отраслях народного хозяйства строгий порядок.

На майском Пленуме ЦК КПСС принята Продовольственная программа СССР на период до 1990 года. Подчеркивая важность решения этой проблемы, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев указал на необходимость увязать, объединить работу сельского хозяйства, обслуживающих его отраслей промышленности, транспорта, торговли, подчинить всю их деятельность общей конечной цели — производству высококачественных продуктов питания и доведению их до потребителя.

„Объявляю вас мужем и женой!“

По городским улицам едет украшенная лентами легковая машина — ставшая уже привычной подробность нашей повседневной жизни. Эти двое, что сейчас направляются в загс, твердо решили вместе, рука об руку пойти по жизненному пути. Сегодня они станут мужем и женой. Конечно, для них это большое событие, которое запомнится на всю жизнь. Но регистрация брака — не только праздник, но и определенный юридический акт, имеющий существенное значение для будущей семьи, ее долговечности и благополучия.

Для чего же, собственно, регистрируется брак? И почему семья считается созданной после того, как в паспортах двоих появились соответствующие отметки о том, что они являются мужем и женой?

Прежде разберемся, что же такое вообще семья. Вначале она невелика, в ней всего двое — муж и жена. С рождением детей она увеличивается, становится более полнокровной, в ней появляется та неповторимая атмосфера доброжелательности, сердечности и взаимопонимания, которая присуща только семье. Иногда с супругами живут их родители, братья, сестры, которые тоже входят в семью. В равной мере членами семьи являются усыновленные дети или просто находящиеся на воспитании. Все они объединены общностью интересов, взглядов, представляя собой устойчивую социальную группу людей, близких друг другу. Но, пожалуй, самое главное, что их связывает, — взаимные права и обязанности. Они разнообразны и охватывают все стороны семейной жизни. Супруги обязаны заботиться друг о друге. Мать и отец должны воспитывать своих детей, готовить их к будущей самостоятельной жизни. На взрослых детей закон возлагает обязанность проявлять заботу о престарелых родителях.

Ну, а если кто-то из членов семьи уклоняется от выполнения своих обязанностей? Скажем, жена тяжело заболела, нуждается в материальной поддержке, а муж отказывается ей помогать. Можно его заставить выполнить эту обязанность? Конечно. Но для этого должны быть юридические доказательства существования семьи. Таким доказательством является брак, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния. Лишь он порождает взаимные права и обязанности супругов. А насколько важно для детей, чтобы брак между родителями был оформлен надлежащим образом! Благодаря этому в документах ребенка значится его отец. Кроме того, легче защитить интересы ребенка, если они окажутся нарушенными. Например, в случае уклонения отца от обязанности материально обеспечивать несовершеннолетних сына или дочь, с него в судебном порядке могут быть взысканы алименты. А когда брак не зарегистрирован, матери прежде нужно начинать утомитель-

ную и малоприятную процедуру установления отцовства, и алименты будут взысканы только после благополучного для нее разрешения дела.

Не случайно в законе подчеркивается, что регистрация брака установлена как в интересах государственных и общественных, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Возможно, вас удивит: почему в таком, казалось бы, личном деле, как создание семьи, заинтересованы государство и общество. Прежде всего потому, что семья — первичная ячейка общества. Она удовлетворяет самые различные потребности людей, начиная от духовных и кончая хозяйственно-бытовыми. В ней растут дети, будущие граждане страны. С момента образования семьи государство берет ее под свою охрану. Предоставляет супругам и детям различные льготы. И что особенно важно, всем своим авторитетом защищает права членов семьи, и в особенности права и интересы несовершеннолетних детей. Демографические данные о семье широко используются при решении народнохозяйственных задач. Для наглядности возьмем типичное для сегодняшних дней явление: на окраине города решили возводить новый микрорайон. Сразу возникает множество проблем. Сколько нужно построить двух- и трехкомнатных квартир, рассчитанных на семьи с детьми? Как удобнее расположить детские сады и ясли? Где должны находиться предприятия бытового обслуживания и магазины? Все эти и другие столь же существенные вопросы решаются с учетом количества семей. Порой государство само регулирует демографические проблемы в нужном направлении. Так, в городах, где преобладает женский труд (например, в текстильном производстве), строятся предприятия, рассчитанные на приток мужского населения. Тем самым создаются благоприятные условия для возникновения новых семей.

А самих молодых людей регистрация брака настраивает на серьезное отношение к такому важному шагу в жизни, как создание семьи.

Брак регистрируется в отделе (бюро) записи актов гражданского состояния исполкома районного (городского) Совета народных депутатов, или сокращенно — в загсе. В сельской местности и поселках функции загсов выполняют исполкомы сельских и поселковых Советов народных депутатов.

Для вступления в брак необходимы определенные условия, которые отражают заботу государства об укреплении семьи, социалистической морали и охране здоровья молодого поколения. Они проистекают из самой сущности и назначения брака в нашем обществе и потому должны строго соблюдаться. В случае их нарушения брак признается недействительным.

Первое и, пожалуй, самое важное условие — взаимное согласие мужчины и женщины вступить в брак. Свобода волеизъявления означает, что молодые люди, на основе связывающего их чувства любви, сами решают этот существенный для них вопрос. Никто, даже самые близкие родственники, не могут навязывать им свою волю в выборе спутника или спутницы жизни. Разумеется, это не означает, что, скажем, родители должны вообще безразлично относиться к тому, кого их сын выбрал в жены, а дочь — в мужья. Разумный совет старших, основанный на житейском опыте, здесь просто нецелесообразен. Иногда с женитьбой или замужеством полезно подождать, чтобы завершить образование, устроить какие-то житейские дела.

А порой — и просто проверить свои чувства. Необдуманная поспешность с созданием семьи нередко приводит к тому, что брачный союз оказывается недолговечным. Об этом свидетельствуют письма, поступающие в редакцию. Вот одно из них:

«Хочу рассказать о невеселой истории, которая приключилась в нашей семье. После службы в армии наш сын Володя приехал домой. Устроился работать на завод. Готовился к поступлению в институт. Потом произошло неожиданное событие. Однажды сын приводит в дом девушку и представляет ее: «Моя будущая жена!» Естественно, нас, родителей, заинтересовало, давно ли они знают друг друга, проверили ли по-настоящему свои чувства? Вечером, когда девушка ушла, мы разговорились с сыном на эту тему. Он сказал, что знает ее... два дня. Познакомились позавчера на танцах. И вообще, это у них «любовь с первого взгляда». На все наши доводы не торопиться с женитьбой сын отвечал: «Я уже взрослый человек и могу самостоятельно устраивать свою жизнь!»

Короче, поженились они. Прожили месяц с небольшим — и начались у них раздоры. Споры возникали по пустякам. Выяснилось, что невестке многое не нравится в характере нашего сына, а ему, в свою очередь, тоже были не по душе некоторые ее привычки. Стало совершенно очевидно, что семейная жизнь у них не получится. Разошлись. Единственное утешение, что ребенка не успели завести... Думается, и для нашего сына, и для его бывшей жены это хороший урок на будущее. Нельзя так легкомысленно относиться к семейной жизни. Прежде чем регистрировать брак, будущим супругам надо спросить самих себя: а готовы ли мы к тому, чтобы создать семью? Крепки ли наши чувства? И немного прислушиваться к советам старших, которые не пожелают детям плохого».

Что ж, с этим нельзя не согласиться. Вряд ли было разумно после двухдневного знакомства с девушкой сразу же спешить с ней в загс. И здесь родители оказались более дальновидными, чем их сын, ослепленный «любовью с первого взгляда», которая развеялась с первых же шагов семейной жизни.

Регистрируя брак, мужчина и женщина вступают в свободный и добровольный союз, желая образовать семью, воспитывать будущих детей. Взаимная любовь, сознательное и продуманное желание вместе идти по жизненному пути — важнейшие гарантии того, что семья окажется крепкой и долговечной. Если брак был заключен вопреки воле жениха и невесты, хотя бы одного из них (например, по требованию родителей или других родственников), он может быть признан недействительным.

Восемнадцатилетняя студентка Саида К. приехала на каникулы домой. В тот же день вечером родители сказали, что к ней сватается их сосед. Он недавно развелся с прежней женой и теперь желает привести новую хозяйку в дом. Саида удивилась: так ему уже за пятьдесят. Родители возразили, что для мужчины возраста... не существует. А сосед их — человек весьма состоятельный, имеет собственный дом, машину. Если она, Саида, выйдет за него замуж, то ей можно бросить учебу, поскольку с ним она безбедно проживет и без диплома. У девушки были совсем иные жизненные планы, и поэтому она категорически заявила, что ни о каком браке с человеком, который годится ей в отцы, не может быть и речи. Родители сказали, что они уже дали согласие на брак и не собираются брать свое слово обратно, а она, как дочь, должна подчиниться их родительской воле. И пригрозили: станешь противиться — не пустим

больше на порог дома, да и на материальную помощь не рассчитывай. Саида не испугалась угроз. На другой день рано утром она уехала обратно в город, где училась...

Конечно, эта некрасивая история вызовет ваше осуждение прежде всего с моральных позиций: нельзя столь бесцеремонно решать за дочь, кто должен стать ее мужем. Замужество — это ее личное дело, и здесь никто не вправе диктовать ей свою волю. Но представим себе, что угрозы родителей — а они, к слову сказать, достаточно серьезные — возымели действие и Саида вышла замуж за нелюбимого человека. В этом случае родители могли быть привлечены к уголовной ответственности. Принуждение женщины к вступлению в брак — преступление, в основе которого лежат пережитки местных обычаев. Оно может выражаться как в физическом, так и в психическом насилии (например, нанесении побоев, угроз распространить какие-то позорящие женщину сведения). Преступным является и похищение женщины для вступления с нею в брак. Бывает и так: женщина хочет выйти замуж за любимого человека, а близкие родственники с помощью угроз и иных противозаконных действий стремятся удержать ее от замужества. Это тоже преступление, основанное на пережитках местных обычаев. За любое из перечисленных выше противоправных действий, посягающих на право женщины самой решать свою судьбу, виновные наказываются по статье 233 УК РСФСР лишением свободы на срок до двух лет.

Коль скоро у нас зашла речь о пережитках местных обычаев, мешающих созданию здоровой крепкой семьи, надо сказать еще об одном уродливом явлении, которое хотя и редко, но еще встречается в нашей жизни, — уплате и принятии выкупа за невесту. Пришедшая из далеких времен, эта «традиция» противоречит принципам образования советской семьи, в основе которой не может быть никаких материальных расчетов. Вот почему подобные действия, противоречащие социалистической морали, наказываются в уголовном порядке. К ответственности привлекается и тот, кто уплатил выкуп, и тот, кто его принял. А сам выкуп конфискуется.

Вторым условием для вступления в брак является достижение брачного возраста. В большинстве союзных республик установлен единый брачный возраст для мужчины и женщины — 18 лет. Только в Узбекистане и на Украине он несколько иной — для мужчин 18 лет, для женщин — 17 лет.

Установление определенного брачного возраста продиктовано многими причинами. К восемнадцати годам молодой человек становится совершеннолетним. Он может самостоятельно пользоваться всеми предоставленными законом правами и нести обязанности, то есть обладает полной гражданской дееспособностью. Завершив учебу в школе, он начинает трудиться, получает зарплату — значит, уже в состоянии материально обеспечивать семью. И что особенно важно, к этому возрасту в молодых людях появляется определенная зрелость, позволяющая им со всей ответственностью относиться к регистрации брака.

...Перед сотрудницей загса — совсем еще юная пара. Обоим по семнадцать лет. Смущаясь и запинаясь, рассказывают несложную историю своих взаимоотношений. Учились в одном классе. Дружили. Дружба перешла в любовь. Месяц назад закончили школу. И вот решили подать заявление с просьбой зарегистрировать брак. Из разговора выясняется, что и он, и она пока еще находятся на иждивении у родителей. Ни один из них не задумывался над тем, где

будут жить после женитьбы. Правда, юноша, видимо стараясь показать себя перед спутницей сильным и уверенным человеком, с некоторой горячностью заявил, что, когда двое любят друг друга, им не страшны никакие трудности.

— Но к чему такая поспешность? — удивилась сотрудница загса.

— У вас для этого есть какие-то причины?

— Наши чувства давно проверены, — сказала девушка. — И нам незачем больше тянуть с регистрацией брака.

И все-таки у них не приняли заявление. Почему? Ранние браки в нашей стране не допускаются. Ну, возьмем этих двоих, что пришли в загс. Поверим, что их и в самом деле связывают настоящие чувства. Но к семейной-то жизни они, по существу, не готовы! Оба еще сидят на шее у родителей, самостоятельно не заработали ни копейки. К важным житейским вопросам относятся с непростительной легкостью. В будущей семейной жизни видят одни радости, но совсем не задумываются о предстоящих заботах. Вот почему молодым людям посоветовали прийти в загс, когда обоим исполнится по восемнадцать лет — тогда ничто не может воспрепятствовать им стать мужем и женой. Да и к предстоящему браку они наверняка будут относиться более серьезно.

Но вот другая ситуация. В исполком районного Совета народных депутатов обратились Елена Т. и Виктор К. с просьбой о снижении им брачного возраста, чтобы они могли зарегистрировать брак. Причина? Между ними уже сложились фактические брачные отношения. Елена ждет ребенка. Казалось бы, им тоже следовало сказать: подождите, дескать, когда станете совершеннолетними — тогда и регистрируете брак. Но разумно ли в данном случае столь категорично решать вопрос? Нет. Молодые люди, по существу, уже создали семью. У них скоро родится ребенок, в свидетельстве о рождении которого должен быть записан его отец. Словом, откладывать регистрацию брака просто не имеет смысла. В РСФСР предусмотрено, что в отдельных исключительных случаях — обратите внимание, исключительных! — исполнительные комитеты районных (городских) Советов народных депутатов могут снижать брачный возраст, но не более чем на два года. С мотивированным ходатайством в исполком вправе обратиться как сами несовершеннолетние, так и их родители или попечители. Однако после того, как вынесено решение о снижении брачного возраста, брак регистрируется только при условии, если молодые люди сами желают этого. Родители или попечители не вправе им здесь навязывать свою волю. И еще одна существенная подробность. Как известно, до восемнадцати лет молодые люди ограничены в дееспособности. Если же брачный возраст снижен и несовершеннолетние стали супругами, они приобретают полную гражданскую дееспособность, то есть могут самостоятельно пользоваться своими правами и нести обязанности.

Помимо взаимного согласия мужчины и женщины образовать семью и достижения ими брачного возраста для регистрации брака необходимо соблюдение еще нескольких условий. Их принято называть негативными, поскольку они устанавливают определенные препятствия к заключению брака и тем самым предупреждают нежелательные последствия для будущей семьи.

Брак не может быть зарегистрирован между лицами, если хотя бы кто-то из них состоит в другом браке.

Но если это препятствие можно устранить путем расторжения предыдущего брака, после чего мужчина и женщина могут образо-

вать новую семью, то следующие два условия делают регистрацию брака вообще невозможной.

Когда мы говорили о том, что для заключения брака необходимо взаимное согласие мужчины и женщины, то подчеркивали: молодые люди должны относиться к этому важному шагу в своей жизни сознательно и обдуманно. Естественно, они должны четко понимать и юридическое значение собственных действий, а впоследствии иметь возможность нести связанные с браком супружеские и родительские права и обязанности. Иными словами, они должны быть дееспособны. Законом установлено, что не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия. Объяснение тут простое: человек, находящийся в таком болезненном состоянии, не может проявить сознательной воли при вступлении в брак, и тем самым нарушается важнейший принцип свободы и добровольности при создании семьи. Кроме того, нельзя забывать, что в таком браке могут появиться умственно и физически неполноценные дети.

Не может быть зарегистрирован брак и между лицами, находящимися в близком родстве — по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами. Этому препятствуют и требования нашей морали, и опять же забота о здоровье потомства. Не допускаются браки между усыновителями и усыновленными детьми.

Теперь о порядке регистрации брака.

Мужчина и женщина, желающие зарегистрировать брак, лично подают об этом письменное заявление в загс. В нем они подтверждают, что не имеется никаких препятствий (из тех, которые мы перечислили выше) для вступления в брак. Сообщают о себе ряд сведений. Например, состояли ли раньше в браке. Имеются ли у них дети. Чью фамилию желают избрать. При подаче заявления оба предъявляют документы, удостоверяющие их личность: паспорт или иной надлежащий документ.

Сотрудник загса знакомит будущих молодоженов с условиями и порядком регистрации брака. Уточняет, осведомлены ли они о состоянии здоровья и семейном положении друг друга. Разъясняет их будущие супружеские и родительские права и обязанности. Предупреждает, что за сокрытие обстоятельств, препятствующих регистрации брака, и сообщение ложных сведений они несут ответственность по закону. Такая разъяснительная работа отнюдь не лишняя. Люди, которые в скором времени станут мужем и женой, должны все знать друг о друге и, разумеется, иметь четкое представление о взаимных правах и обязанностях, которые налагает на них брак. Затем назначается день и час регистрации.

...Они пришли в загс, оживленные, счастливые и сказали, что хотели бы зарегистрировать брак. Да, знакомы давно. А сегодня объяснились в любви и решили сразу же пожениться. Благо паспорта у обоих оказались с собой. Сотрудница загса предложила им написать заявление, а затем сказала, чтобы они пришли через месяц — тогда и зарегистрируют между ними брак.

Молодые огорчились:

— А сегодня нельзя?

— Нет.

И в самом деле, по закону брак регистрируется спустя месяц после подачи заявления. Но к чему такая отсрочка! Ведь в приведенном выше случае вроде нет никаких видимых причин для того,

чтобы откладывать регистрацию брака. Казалось бы, если двое любят друг друга, желают стать мужем и женой — можно сразу же зарегистрировать их... И тем не менее небольшая отсрочка нужна. Прежде всего для того, чтобы молодые люди, находясь на пороге семейной жизни, еще раз задумались над серьезностью своих намерений, лишний раз проверили, действительно ли их связывают настоящие чувства, позволяющие им создать крепкую семью.

Но в жизни порой складываются ситуации, когда жених и невеста после подачи заявления в загс и в самом деле не могут ждать целый месяц. Например, у них уже родился ребенок. В этом случае брак может быть зарегистрирован ранее истечения месячного срока.

А в один из загсов поступила такая просьба:

«В связи с тем, что у нас тяжело заболел отец, просим отложить назначенную регистрацию брака на два месяца».

Конечно, причина вполне уважительная. Вряд ли разумно устраивать свадебное торжество, когда в доме находится тяжело больной человек. Лучше на некоторое время отложить регистрацию брака. Законом это допускается. Кодексы о браке и семье большинства союзных республик, в том числе и РСФСР, разрешают увеличить месячный срок до трех месяцев. Разумеется, для этого должны быть достаточно веские причины. Одну из них мы привели выше. Месячный срок может быть также увеличен, если жених или невеста находятся в длительной командировке и не могут своевременно явиться для регистрации брака. Или же — кто-то из них заболел и находится в больнице. Иногда с просьбой отсрочить регистрацию брака обращается один из будущих супругов в связи с тем, что до него дошли сведения о неблагоприятном поведении его избранника или избранницы, он хочет выяснить, насколько они достоверны, и только после этого окончательно решать вопрос о создании семьи. При увеличении месячного срока загс дополнительно уточняет день регистрации брака.

...И вот в сопровождении родных, близких, друзей жених и невеста приезжают в загс. Их окружают цветы и добрые улыбки. Им желают счастья в будущей семейной жизни. Брак регистрируется в торжественной обстановке — таково требование закона. Для этого выделяются специальные благоустроенные помещения. Во многих городах нашей страны построены дворцы бракосочетаний. После произведенной регистрации в паспорте мужа делается запись с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения жены, и в ее паспорт заносятся такие же сведения о муже. Супругам выдается свидетельство о браке. Отныне им вместе идти по жизненному пути.

Вы познакомились с условиями и порядком заключения брака. Требования закона, регулирующие этот сугубо личный вопрос в жизни мужчины и женщины, прежде всего направлены на воспитание в них серьезного отношения к созданию семьи, к своим будущим супружеским и родительским обязанностям. И во многом способствуют тому, чтобы связавшие их чувства взаимной любви и нежности были сохранены ими на все последующие годы семейной жизни.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ

САОДАТ АМИРШОЕВОЙ

Полуденное небо висело над городом, как перевернутый гигантский раскаленный ковш. Казалось, некуда деться от жгучих, ослепляющих лучей солнца, стоящего в самом зените. В такую изнуряющую сорокаградусную жару, обычную для летнего Таджикистана, все живое ищет благодатной тени, мечтает о дуновении прохладного ветерка.

Тихо и немногочисленно в эти часы в Первой государственной нотариальной конторе Кулябской области. Основные посетители приходят сюда с утра, когда еще прохладно, или к вечеру, когда спадет зной.

В дверь кабинета старшего государственного нотариуса Саодат Амиршоевой тихо постучали.

— Войдите! — сказала Амиршоева, и через порог переступил аксакал с окладистой бородой. Одет он был в ватный пестрый халат, на голове выгоревшая тубетейка. Только очень срочное могло привести его сюда в такую жару.

— Садитесь, — предложила старику Амиршоева. Сполоснув пиалу кипятком, она налила в нее горячего зеленого чая и подвинула гостю. Степенно отхлебнув бодрящего напитка, аксакал поведал о своем деле. Он приехал в Куляб из далекого кишлака, чтобы удостоверить у нотариуса завещание.

— Но зачем вы ехали так далеко? — удивилась Саодат. — Ведь по закону это можно было сделать в исполкоме вашего кишлачного Совета народных депутатов.

— Мне это не объяснили, — развел руками старик, — люди сказали — поезжай прямо в Куляб. Да и потом... Я не хотел бы, чтобы мои родственники узнали, что и кому я завещаю.

— Где бы вы ни оформляли завещание, — объяснила ему Саодат, — во всех случаях будет строго соблюдена тайна нотариальных действий. Но раз уж вы приехали, мы удостоверим ваше завещание в нашей конторе.

Когда посетитель ушел, Саодат поднялась на второй этаж, к начальнику областного отдела юстиции Искандару Каландаровичу. Каландарову. Рассказав ему о посетителе, она предложила:

— Надо бы нам в ближайшее время выступить в газетах и по радио, рассказать населению о нотариальных действиях, которые совершают исполкомы городских, поселковых, кишлачных Советов в тех населенных пунктах, где нет нотариальных контор. Вот ведь и вчера к нам приезжали люди за пятьдесят километров, чтобы удостоверить договор купли-продажи дома. Но могли же они это сделать у себя на месте! Закон предоставляет такое право исполкомам местных Советов. Зачем же зря тратить время на дальние поездки?

— Хорошо,— согласился Каландаров,— готовьте такие статьи в наши областные газеты «Кулябскую правду» и «Рохи Ленини».

...Юристом Саодат Амиршоева мечтала стать еще со школьной скамьи. Любовь к этой профессии привил ей отец-юрист. И Саодат поступила на юридический факультет Таджикского государственного университета, который закончила в 1978 году заочно, уже работая нотариусом.

В наше время стало привычным, что тысячи таджикских женщин трудятся в государственных учреждениях, работают на предприятиях, занимаются государственной и политической деятельностью. Среди них немало ученых, судей, председателей колхозов и директоров совхозов, заводов и фабрик. Уходит в далекое прошлое забытая таджичка, рабски подчиненная своему мужу, безропотно выполняющая требования корана. Ведь само название религии «ислам» означает в переводе на русский «покорность». А все нормы права объединялись в шариат, где правда была на стороне богатейшего, где закреплялось полное бесправие женщины. Мулла чаще всего был тогда единственным вершителем судеб людей в

Внимательно наблюдает Саодат Амиршоева, как проводит прием ее помощник, государственный нотариус Аслам Холов.

Фото автора.

таджикских кишлаках. Разве могла даже подумать таджикская женщина о том, чтобы работать на государственной службе? Разве могла она мечтать стать судьей, прокурором, нотариусом?

Залп легендарного крейсера «Аврора» возвестил о Великой Октябрьской социалистической революции. И с этого момента произошел коренной переворот в жизни народов Востока. Трудящиеся Советской России, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, помогли таджикскому и другим народам Средней Азии освободиться от феодального гнета, коренным образом изменить общественный строй и культурный облик республики.

Советская власть предоставила таджикским женщинам, как и женщинам всех других республик нашей страны, самые широкие права и свободы.

Учась в университете и работая в нотариальной конторе, Саодат нашла призвание: быть нотариусом. В этой работе она увидела особое государственное значение, особую ответственность. Недаром же нотариат называется государственным! Вроде бы несложное дело: правильно и своевременно удостоверить договор, совершить исполнительную надпись. Но ведь за этим — охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, государственных предприятий, учреждений, колхозов и других кооперативных и общественных организаций. За этим — укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений.

Вот взять, скажем, такие простые нотариальные действия, как удостоверение копий документов. За каждым документом прежде всего надо видеть человека. Ведь в большинстве случаев эти копии требуются гражданам для реализации своих прав и получения различных льгот — например, решения жилищных вопросов, поступления на работу, учебу, получения пенсий и пособий.

А исполнительные надписи? Ведь это один из видов документов, по которым производятся взыскания в принудительном порядке. Не заплатил человек за квартиру, не погасил покупатель долг за товар, приобретенный в кредит, — и в государственный бюджет не поступят эти деньги. По исполнительным надписям нотариальных контор с таких неплательщиков взыскивают задолженность. И работа нотариуса заключается часто не просто в том, чтобы взыскать, но и в том, чтобы разобраться в существе дела. Например, как это было в случае с мельничным комбинатом.

Представитель Кулябского мелькомбината принес в Первую нотариальную контору исполнительную надпись на взыскание с райпо 48 тысяч рублей за несвоевременный возврат мешков. Здесь и проявилась высокая ответственность Саодат за порученное дело. Амиршоева могла бы просто удостоверить документ и этим ограничиться. Но она подошла по-государственному, и, когда стала внимательно изучать документы, у нее возникли сомнения. Она отказалась оформлять исполнительную надпись. Тогда мелькомбинат подал жалобу в народный суд на отказ в совершении нотариального действия. Суд отказал мелькомбинату в иске. Дело дошло до областного суда — и там выяснилось, что райпо должно гораздо меньше — 19 тысяч рублей, которые и были выплачены мелькомбинату. Таким образом, райпо была сохранена крупная сумма денег в результате вдумчивого, ответственного подхода Амиршоевой к каждому документу, каждому нотариальному действию.

И это — лишь один из многих случаев. Всего же в течение 1981 года по исполнительным надписям было взыскано 650 тысяч руб-

лей. Нет нужды объяснять значимость этой большой суммы, возвращенной государственным предприятиям, учреждениям и организациям.

О многом говорит и другая цифра — всего за год Первая нотариальная контора произвела более 14 тысяч нотариальных действий! Это — удостоверение разного рода договоров, завещаний, доверенностей, выдача свидетельств о праве на наследство, свидетельствование верности копий документов и так далее.

Вместе с тем Первая нотариальная контора выполняет и такую важную обязанность, как оказание методической помощи всем нотариусам Кулябской области, проведение с ними семинаров и занятий. Ну и, конечно же, особое место занимает обучение секретарей исполкомов поселковых и кишлачных Советов народных депутатов. Особое — потому что, если государственный нотариус

В Первую нотариальную контору часто приезжают нотариусы из районов.

На снимке: Саодат Амиршоева беседует с государственным нотариусом Советского района Кулябской области Мухаббат Закировой.

имеет юридическое образование и опыт, то у секретарей исполкомов его нет, а нотариальные действия они выполняют почти все те же, что и профессиональные государственные нотариусы. Вот и надо их научить всему этому, помочь вникнуть во многие тонкости работы.

А тонкостей немало. Иной раз вроде бы все сделано правильно, по форме. Но что-то не предусмотрено, упущено — и вся работа может пойти насмарку. Как-то случилось так, что в одном из исполкомов был удостоверен договор купли-продажи дома. Секретарь исполкома, которая оформляла договор, просмотрела весьма существенную деталь: в него был включен приусадебный участок. Получилось, что продавали и землю... Договор был признан незаконным.

— Как же вы так? — огорчалась Саодат. — Ведь нельзя было этого делать. Земля-то у нас государственная, и никакого рода сделки с ней производить нельзя!

Чтобы ближе знакомиться с работой секретарей исполкомов, Саодат часто выезжает в районы области. За семь лет работы в Кулябе она успела по-настоящему полюбить этот край. Кулябская область неповторима по своей красоте. Высокие горы, широкие речные долины, полноводный Пяндж, от которого берет свое начало Амударья. За годы Советской власти в районах области сооружены тысячи километров искусственных оросительных каналов, ирригационных систем. Здесь широко раскинулись поля хлопчатника, виноградников и других теплолюбивых культур. В горах области в изобилии растут грецкие орехи, фисташки, гранаты, алыча, абрикосы, урюк. Бурными темпами развивается сельское хозяйство области и промышленность. Зажиточно стали жить люди. В городах и поселках развернулись стройки современных жилых домов, широко ведется индивидуальное строительство. Хорошие материальные условия, большая помощь государства многодетным семьям — все это способствует тому, что в Таджикистане обычны семьи, где восемь — десять детей. У Саодат их четверо, и старший сын перешел в третий класс.

Амиршоеву как мать и юриста особенно волнует проблема правового воспитания детей и подростков. Вот, скажем, в восьмых классах преподаются «Основы Советского государства и права». Во всех старших классах общеобразовательных школ области ежегодно проводятся правовые олимпиады. Программы олимпиад разработаны областными отделами юстиции и народного образования. Проводятся они в два тура. Первый тур — по всем школам. Во втором туре, районном и городском, принимают участие победители внутришкольных олимпиад. В состав жюри олимпиад входят работники судов, прокуратуры, органов внутренних дел, педагоги. Ну и, конечно, государственные нотариусы. Саодат — член жюри областной школьной правовой олимпиады.

Каждое такое мероприятие считается событием особой важности. Ему предшествует большая подготовка. Саодат и нотариусы Кулябской области помогают организовать в школах уголки «юных правоведов», оформить стенды на юридическую тему, готовят и рассылают вопросники по различным разделам советского права. Отрадно видеть и результаты такой большой работы. Ведь, к примеру, только в нынешнем учебном году во втором туре олимпиады участвовало 2570 учащихся.

— Надо, чтобы люди больше знали о нотариате, о своих пра-

вах и обязанностях,— рассуждает Саодат.— А для этого надо чаще встречаться с ними в трудовых коллективах, рассказывать им о нашей работе.

И уже давно стало правилом, что работники Кулябской областной нотариальной конторы еженедельно приходят на предприятия города — на мелькомбинат, хлопкоочистительный завод, мясокомбинат. И там выступают с лекциями, беседами, встречаются с рабочими и служащими. Многочисленные факты, примеры из практики делают эти встречи и выступления доходчивыми и убедительными.

— Вот был у нас недавно такой случай,— рассказывает она на одной из бесед.— Захотели люди сэкономить на государственной пошлине, заплатить поменьше. И в договоре купли-продажи дома указали цену на четыре тысячи рублей меньше, чем та, за которую они приобрели дом. Спустя же некоторое время обнаружили, что здание сырое, прогнившее. Договор был расторгнут. Но вернуть эти не указанные в договоре четыре тысячи уже не смогли. Обманув закон, они обманули себя, и закон не смог их защитить...

Но тут же она добавляет, что такие случаи единичны, а в подавляющем большинстве люди четко соблюдают требования закона, уважают его, ибо понимают, что закон стоит на страже их интересов. И это — результат той большой воспитательной работы, которая ведется юристами Кулябской области.

Но одну существенную деталь она опускает: в этом и ее личная заслуга, заслуга юриста, женщины-таджички, занимающей ответственную государственную должность.

С. ВЛАДИМИРОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые книги.**

**Справочник юрисконсульта
сельскохозяйственного
предприятия.**

Цена 1 руб. 50 коп.

В справочнике приведены нормативные акты и образцы процессуальных документов по всем видам деятельности юридической службы предприятий сельского хозяйства: составление претензий, исковых заявлений, кассационных жалоб, протоколов разногласий, заявлений по преддоговорным спорам и так далее.

Для юристов предприятий сельского хозяйства,

**СЕРИЯ
«ХОЗЯЙСТВЕННОМУ
РУКОВОДИТЕЛЮ
О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ»**

**БАТЫГИН К. С.
Администрация
и социальное страхование.
Цена 35 коп.**

В книге излагаются правила обеспечения трудящихся пособиями, предоставления им за счет средств государственного социального страхования санаторно-курортного лечения, диетического питания, а также вопросы организации отдыха рабочих, служащих и членов их семей.

Основное внимание уделяется деятельности администрации в области финансирования социального страхования: обеспечению уплаты страховых взносов, правильному расходованию средств государственного социального страхования и другим.

Для руководителей предприятий, учреждений, организаций, юрисконсульттов.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ЧТОБЫ ЗАПОМНИЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Фоторепортаж о торжественном
вручении паспортов

ПУСТЬ ПОДСКАЖЕТ СЕРДЦЕ...

*Читатель продолжает разговор
об укреплении семьи,
о родительских обязанностях*

Потерявшие совесть

О случаях из судебной практики
рассказывают судья и прокурор

*„Тунеядец“ —
командировка по письму*

НАМ ШЕСТНАДЦАТЬ

Шестнадцатилетнему вручают паспорт... Событие волнующее, знаменательное. Торжественное вручение документа, удостоверяющего личность гражданина Страны Советов, стало новым замечательным советским обрядом.

В школе № 22 города Подольска Московской области торжественно проходит праздник «Нам шестнадцать», посвященный вручению молодежи паспортов. В его подготовке активно участвуют педагоги, члены родительского комитета, шефы школы и, конечно же, сами ребята, одноклассники и друзья тех, кому пришло время получать паспорт. Об одном из таких праздников наш фоторепортаж.

Мы приехали немного раньше назначенного часа и попали в самый разгар последних приготовлений. Актный зал уже был украшен, на сцене репетировал вокально-инструментальный ансамбль, что-то в последний раз согласовывалось, уточнялось, словом, вокруг была веселая предпраздничная суета.

Пришли родители виновников торжества, братья и сестры, прославленные труженики Подольска.

У всех настроение приподнятое, радостное. Те же, кто готовил сегодняшний праздник, волнуются, все ли удастся так как задумано.

И вот наступил долгожданный час. Юноши и девушки по очереди подходят к столу, где Татьяна Александровна Гудкова, начальник паспортного стола 1-го отделения милиции Подольского района, вручает им красную книжечку с золотым гербом — паспорт

гражданина СССР. Нелли Николаевна Карцивадзе, председатель родительского комитета школы, представляет родителей ребят, рассказывает об их жизненном пути.

У Володи Потрясаева оба деда погибли на фронте. Мама, Надежда Петровна, много лет работает сортировщицей, занесена в книгу Почета завода. Отец, Юрий Владимирович, более двадцати пяти лет трудится бульдозеристом, ударник коммунистического труда. Бабушка Светланы Корнеевой, Варвара Гавриловна, проработала 35 лет стрелочницей на одном из участков железной дороги. Отцу Марины Кремезной, Василию Семеновичу Кремезному, шестнадцать лет исполнилось в 1941 году, а через два года он уже встал в солдатский строй. Форсировал Днепр, Вислу, Одер, брал рейхстаг. Вернувшись на родину, пошел на завод железобетонных конструкций, и вот

уже более 30 лет работает там шофером. 23 года на этом же заводе в керамзитном цехе трудится и его жена Елена Егоровна.

Девятиклассники сидели притихшие, взволнованные, чуть смущенные. Давно известные в семье факты приобрели в рассказе Нелли Николаевны новое звучание. Вроде

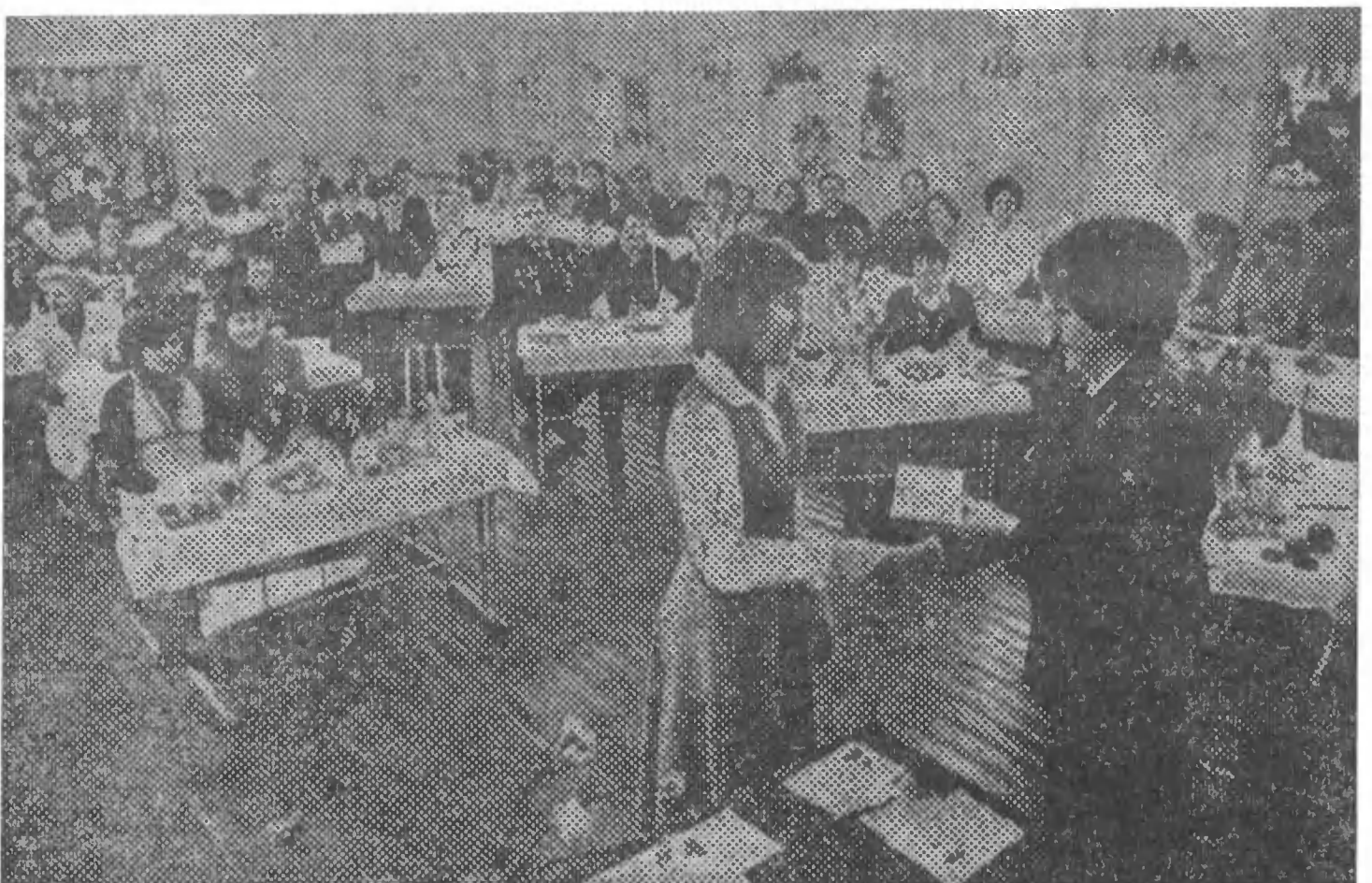
бы нет особых заслуг у их родителей. Всю жизнь добросовестно трудились, защищали Родину, растили детей. Но именно в этом и заключался их гражданский долг.

Затем выступили гости. М. Е. Захаров, Герой Социалистического Труда, почти полвека проработал токарем на машиностроительном заводе

Лену Ряховскую, ученицу вязальщицы трикотажной фабрики, поздравляет с шестнадцатилетием Герой Социалистического Труда М. Е. Захаров.

Девятикласснице Тане Зиновьевой вручает паспорт Т. А. Гудкова, начальник паспортного стола I отделения милиции Подольского района.

Вот он какой — паспорт гражданина СССР.

Этот торт испекли кондитеры Подольского хлебокомбината. Заместитель секретаря комсомольской организации комбината Капиталина Остафьева преподносит ребятам подарок.

имени Серго Орджоникидзе. Он пожелал ребятам достойно продолжать славные традиции рабочих Подольска.

Поздравил ребят и Герой Советского Союза М. П. Кравец, он рассказал девятиклассникам о суровой юности своего поколения, о мужестве и героизме советских людей, проявившихся в годы войны.

О. СЕМИГИНА

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

СЧАСТЬЕ СЕМЬИ. В ЧЕМ ОНО?

В январском номере журнала была опубликована подборка читательских писем, в которых шла речь об укреплении семьи, о долге родителей перед детьми. Публикация эта вызвала новый поток писем. Много откликов пришло на письма Валентины С. «Поделитесь опытом» и Марины С. «По ошибке». Валентина С. писала, что муж ее полюбил другую, но ради детей готов остаться в семье. Возможно и нужно ли в такой ситуации пытаться сохранить семью? — спрашивала она. Марина С. рассказала в своем письме о том, что она не смогла простить любимому измену, вышла замуж за другого и, хотя семья ее благополучна, до сих пор сомневается в правильности своего выбора.

Предоставляем слово нашим читателям.

Сохраните семью

Уважаемая Валентина! Моя судьба не похожа на вашу. С мужем мы разошлись спустя полтора года после свадьбы. Не живем уже три года. Разошлись по-детски, после ряда мелких ссор, переходивших в недели обоюдного молчания. Затем ни я, ни муж не сделали ни шага навстречу друг другу в течение всех этих долгих трех лет. У нас растет дочь, ей скоро четыре годика. Наш папа приезжает к девочке, привозит подарки — игрушки, конфеты, платья, костюмчики, шапочки. И платит алименты. Он хороший человек, но зачем ей эти платья, кофточки, конфеты, если через 10 минут после того, как закрывается за ним дверь, дочка спрашивает: «А когда приедет папа?»

Этот вопрос я слышу ежедневно. Ежедневно. И чем чаще моя девочка спрашивает об этом, тем больше я казнюсь. Почему не сделала все, что в моих силах, чтобы сохранить семью? Чем серьезнее ее вопросы об отце, тем больше у меня бессонных ночей.

Как восстановить отношения с мужем? Не знаю. Нет у меня такого опыта. Но вот опыт одиночества у меня большой. Причем больнее всего мое одиночество отражается на дочке.

Я хочу вам сказать, если ваш муж любит детей — он любит и вас. Поверьте, его увлечение другой женщиной должно пройти. Вы верьте этому. Ради ваших ребят. Хотя бы ради того, чтоб не услышать: «А почему у Маши папа живет дома, а наш...?», чтоб через несколько лет не называть себя грубым словом за то, что когда-то не смогли сломить свою гордыню — не гордость! Когда речь идет о детях и о любящем их отце — слово «гордость» неприменимо.

Сохраните семью. И вы никогда не узнаете, не переживете того, что довелось пережить мне и тысячам других «гордячек». Желаю вам никогда не услышать вопроса: «Нас папа не любит?»

Была ли ошибка?

Хочу ответить на письмо Марины С.

Всегда с волнением читаю материалы, касающиеся семейных отношений. Но, к сожалению, чаще люди пишут о беде уже пришедшей, когда изменить что-либо невозможно.

А это письмо... По-моему, Марине С. еще не поздно помочь. Она просит об этом, спрашивает совета. Поэтому думаю, что Марине просто необходимо попробовать объективно оценить сложившуюся ситуацию.

Мне кажется, вы, Марина, правы, что не простили своему бывшему жениху мимолетное увлечение. Мужчина ценит в женщине прежде всего женское достоинство, гордость. А можно ли уважать ту, которая безропотно и терпеливо прощает его измены?

Ну, а то, что с «той» женой Леонид «живет неважно», совсем не говорит о том, что с вами, Марина, он жил бы лучше.

Уверена, что вы идеализировали Леонида все десять лет. Вы живете воспоминаниями, а нам, женщинам, свойственно видеть прошлое в розовом свете.

Подумайте о своем муже, Марина. За что же его казнить?! За один взгляд Леонида?.. Очнитесь, Марина, оторвитесь от своих воспоминаний, взгляните получше в человека, с которым прожили несколько лет.

Вы говорили, что ошиблись. Но почему за вашу ошибку должен платить человек, который искренне любит вас?

Мы порой слишком жестоки бываем именно с любящими нас людьми, мы привыкаем получать от них тепло, внимание, нежность. Нам кажется, что так и должно быть. Не потому ли мы порой так легко можем обидеть их?

Я уверена, что вы будете счастливы именно в своей семье, с вашим мужем.

г. МОСКВА

О. СИНЕВА

А на душе пусто и холодно

Здравствуй, Валя!

Прочитала я твое письмо. Очень тронуло оно меня, потому что у самой было подобное. Съездил муж в отпуск, встретил женщину, полюбил, настаивал на разводе. Тогда у меня было одно желание — удержать его любой ценой! Он остался в семье, правда, не по своей воле, а в силу сложившихся обстоятельств. Прошло два года. Время все расставило по своим местам. Сейчас он кается в том, что доставил мне столько боли, говорит, что увлечение принял за любовь.

Ну, а я? Что-то во мне сломалось. Все, что было к нему, ушло. Оттолкнул он меня изменой.

У нас двое детей. Материально, слов нет, легче. Ну, а в душе? Там пусто и холодно.

г. СВЕРДЛОВСК

МАРИЯ Д.

Любовь давала силы

Я прочитала в журнале № 1 за 1982 год письмо Надежды И. В нем она писала, что муж бросил ее, когда она заболела. Меня это очень взволновало. Хочу немного рассказать о моем муже. Я долго болела. Два года почти не вставала с постели. Иногда наступали такие минуты, когда жить не хотелось. Но муж всегда был рядом. Его участие, забота, любовь давали мне силы жить. А как ему было трудно! Больная жена на руках, двое маленьких детей, работа. Не каждому такое под силу. И люди советовали разное. Некоторые учили: зачем с больной женой живешь — разведись. Но любовь ко мне, к детям и, наконец, чувство долга взяли верх. Мы вместе, и мы счастливы. А вам, Надежда, я хочу сказать: не жалеете вы о своем бывшем муже. Сам себя он обездолил, сам наказал одиночеством.

г. КОВРОВ,
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Г. ВАРЕНОВА

Счастья не обрел

Я ушел от жены и одно время жил с другой женщиной, у которой есть маленький сынишка. Поначалу у нас все ладилось, и жили мы хорошо. Но я постоянно ловил себя на мысли, что сравниваю новую подругу со своей женой. У меня было ощущение, что вторая семья — что-то временное, а настоящий дом там, у жены. Каждую ночь мне снилась жена, моя дочь. И самое главное, я почувствовал, что не могу стать настоящим отцом чужому мальчику. Я его любил как маленького человечка, как ребенка, как мы все, взрослые, любим детей, а по-настоящему его я не мог полюбить, ведь рядом у меня была родная дочь. Я понял, что испорчу жизнь не только себе, а всем: и жене, и дочери, и той, с кем живу теперь, и ее сыну. Не хочу много писать о том, что пережил и передумал за это время, просто скажу: можно уйти из семьи, но забыть, выкинуть все из сердца невозможно. Слишком глубоко входят в человека и первая любовь, и первые трудности, и рождение первенца.

г. ГУРЬЕВСК,
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

АЛЕКСАНДР Ш.

Не только сердцем, но и разумом...

Меня возмущает легкость и бездумное отношение некоторых людей к разводам. Показалось, полюбили друг друга, поженились, разлюбили — разошлись. А что дети при живых отце-матери наполовину сиротами остались — это их не волнует. Такие по несколько раз женятся и замуж выходят — все любовь свою ищут. И нет на них никакой управы. Думаю, мы слишком гуманны к плохим отцам и матерям.

Я вот о себе скажу. Нас три брата, как мы в молодости поженились, так всю жизнь с женами прожили. Хорошие у нас у всех жены. А женились мы по старинке, как наши отцы и деды, прежде чем связать себя брачными узами, приглядывались к невестам, старались узнать их душевные качества, да и в своих чувствах хотели увериться — не проходящие ли?

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
с. ОТЪЯССЫ

В. МАСЛОВ

Поддерживать авторитет друг друга

Семейное счастье во многом зависит от женщины, от ее ума, такта, сердечности. Нелегко сплотить семью, сделать ее дружной. Надо чувствовать нависающие угрозы и уметь вовремя их предотвратить. Любовь тоже, проходя суровые жизненные испытания, может гаснуть на время, а потом вспыхивать с новой силой. Дети помогают скрепить семью. С каждым годом они требуют от отца и матери все больше внимания и забот. И родителям необходимо выработать единые требования к детям, взаимно поддерживать авторитет друг друга в их глазах, во всем стараться служить для них примером.

Семейная жизнь — это не только радости, но и тревоги за судьбу близких людей, борьба за счастье своих детей. И в этой борьбе успеха добивается тот, кто способен жертвовать сугубо личным, эгоистичным.

г. МАГАДАН

Т. БЕЛЫШЕВА

Когда в семье лад...

Мне вспоминаются слова одного хорошего человека. Он счастлив в семейной жизни. На вопрос, как ему удалось создать такую хорошую семью, он, смеясь, отвечает: «Я всю жизнь старался понравиться своей жене». Мне кажется, что и нам, женщинам, не надо забывать об этом. Надо всю жизнь стараться нравиться своим мужьям. Я говорю не о внешности, нарядах и прическах, хотя и об этом забывать тоже не следует. Поддержание семейного благополучия — это большой и постоянный душевный труд. Как часто бываем мы к самым близким нам людям невнимательны, грубы, позволяем себе распускаться, вести себя так, как никогда не вели бы в присутствии посторонних. Это относится в равной мере и к мужьям и к женам. Разумеется, в такой семье копятся раздражение и неприязнь друг к другу, а любовь уходит. И супруги, может быть, даже неосознанно стремятся найти кого-то, кто бы их понял, полюбил.

г. ИРКУТСК

Т. СЕРЕБРЯКОВА

Почему я одна?

Очень завидую семьям, где все хорошо, где все счастливы. Меня мучает и всю жизнь, наверное, будет мучать совесть за дважды распавшуюся семью. Но я не могу понять, в чем моя вина и чем виноваты дети, которые растут теперь без отца. Я знаю, что меня нельзя назвать плохой матерью или плохой женой. Знаю это, и потому мне больно. Я очень люблю своих детей, люблю домашний уют и порядок. Очень хочу простого семейного счастья, но у меня почему-то ничего не получается. Первое замужество было неудачным. Очень любила мужа, но он ушел к другой. Осталась с маленькой дочуркой. После этого решила еще раз попытаться счастья. Снова вышла замуж, вначале все было хорошо, родила сына, думала: ну вот, наконец-то жизнь потечет спокойно, по-семейному. Но опять не сложилось — второй муж невлюбил дочь. Пять лет ушло на выяснение отношений, а потом разошлись. Теперь я все время думаю, почему у меня нет счастья, почему от меня «бегут» мужья, говоря мне при этом, что я хорошая, добрая и чтобы я не отчаивалась.

Многие считают меня глупой неудачницей, не умеющей жить. А что скажут дети, когда вырастут?

Вот не хотела писать о себе, а получилось, что почти все выложила. Я никому так открыто о себе не говорила. Здесь я сама себе задаю вопрос и думаю, мучительно думаю: в чем, в чем моя вина? Не могу читать книги, смотреть фильмы и телепередачи о любви, о семье. Боюсь — опять будет больно.

Понимаю, что нужно как-то изменить свою жизнь. Но ничего сделать с собой не могу. Постоянно чувствую себя униженной, стараюсь меньше высказывать свое мнение. Меня как будто парализовало. Я стала меньше верить людям.

г. КЛИН

ГАЛИНА Р.

...Родилась любовь

Прочла в январском номере подборку писем «Счастье семьи. В чем оно?» Действительно, в чем? Как часто сталкиваешься с различными мнениями. Кто говорит, счастье в любви, кто — в материальном благополучии. У каждого свое. Все знают, в чем счастье, все стремятся к нему, но сколько делают ошибок! И не так страшны были бы эти ошибки, если бы не страдали от них дети.

В дошкольном учреждении, где я работаю, 200 ребятишек, из них 40 растут без пап. Конечно, этот папа где-то есть, но его нет рядом, он не приходит в детский сад, не ведет гулять, не строит кораблики... Жалко этих ребятишек. Но тем более я отказываюсь понимать тех женщин, которые пишут: вот и муж любит, и дети у нас, и все хорошо, да не люблю его, как хотелось бы, — замуж по ошибке вышла! Ну хорошо, пусть по ошибке. Но разве вправе ты ломать жизнь другому человеку, оставлять детей без отца? Да где же элементарная ответственность за свои поступки? Что же получается, стекло разбил — отвечай, семью разбил, детям жизнь иска-

лечил — ну что ж, значит, нет любви! И опять эта «любовь»! Ну просто все в нее упирается. Сколько таких браков «по любви» разлетается вдребезги через год, а то и полгода. На мой взгляд, нужно учить молодежь подходить к вопросу о браке более прозаически, что ли, и более ответственно.

Скажу о себе, раз уж все равно разоткровенничалась. Мне 30 лет. 8 лет тому назад вышла замуж «по расчету». Да! По расчету! Хотя не было у моего мужа ни больших денег, ни машины, ни квартиры. Но не материальное благополучие, разумеется, меня поманило. Причина моего «расчета» была другая. Увидела я, что интересно нам одно и то же, суждения и взгляды наши на жизнь совпадают, порой я только подумаю, а он уже говорит. Хорошо, интересно, весело мне с ним, а сердце не ворохнется, как его увижу. Но зато спокойно и уверенно чувствовала я себя рядом с ним. Вот и вышла замуж не по любви, а по доверию. И не ошиблась. Все у нас, как в молодости: спорим, обсуждаем, читаем — вместе. Но кое-что и прибавилось. Из уважения, доверия родилась... любовь. Но не «голубая с розовым», а настоящая, крепкая, помогающая пережить все невзгоды, растить сына, приносить пользу людям. Вот теперь хочется и сына воспитать так, чтобы не был бесчувственным человеком, но на жизнь смотрел трезво.

г. СОЧИ

Л. К.

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО О РАЗВОДЕ...

ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАЛА СУДА

Они зашли в зал судебного заседания спокойно и обыденно, словно на лекцию или собрание кооператива.

Он в добротной импортной дубленке, шея повязана красивым шарфом, модные сапоги, брюки, шапка с замшевым верхом. Все говорит о том, что молодой человек ни времени, ни средств не жалеет, чтобы выглядеть не хуже, а может, и лучше других.

Она тоже смотрится достаточно респектабельно: мутоновая шубка, шапка из чернобурки. В глазах у обоих безмятежность и спокойствие.

Нам, то есть составу суда, мне и двум народным заседателям (обе женщины, обе матери), предстоит решать дело о расторжении брака этих молодых людей.

Ни для кого не секрет, что количество разводов, к сожалению, не уменьшается, а даже растет. Каждый же развод — это ломка судеб, потеря здоровья, самое главное — несчастье детей. Привычный для ребенка союз — папа, мама и я непонятно почему вдруг нарушается и, как правило, папа как-то незаметно отходит все дальше в тень, исчезает и после лишь в редкие часы показывается на глаза ребенку.

Но вернемся к супружеской паре, ждущей разбора дела. Вначале

судьи слушают мужа. Приняв раскованную позу, он говорит без запинки, надеясь, что речь его убедительна и логична.

— Да, я любил ее, может быть, даже больше, чем следовало, потому и перегорел так быстро. Нет, нет, брак был по любви, не по расчету. Работая старшим мастером, я получал хорошую зарплату. Два раза во время отпуска ездил калымить. Зачем? Нужны были деньги на машину. Да, машину купил. Но все перегорело, все! Чувства нет, чувства, а без него холодом веет в квартире. Да, я настаиваю на разводе. Дети останутся у нее, я готов отдавать часть зарплаты, как положено по закону. Да, детей люблю и чувствую, что будет тяжело без них, но ничего, я все обдумал, другого выхода нет, переживу.

Я слушал его обстоятельные ответы, хорошо взвешенные и не раз обдуманные до суда, и меня охватывали досада и боль. Передо мной стоит законченный эгоист, воспитанный в благополучной семье, получивший образование в институте. Этот человек печется только о своем благе. «Привыкну, переживу». А ведь он даже не задумался, как потерю отца переживут дети — старшей дочери уже пять лет, младшему недавно исполнился год. А как будет с детьми жене, которую, пусть в прошлом, он любил? Об этом ни слова, ни мысли. Перед судом он держится со спокойной уверенностью.

Начинает рассказывать она. Та же легкость, ни тени сомнения, ни сожаления. Что это? Умение владеть собой? Но ведь круто меняется собственная жизнь, решается судьба детей.

— Да, мы решили разойтись по-хорошему. Ждали, когда младшему год исполнится, говорят, что раньше развод не дают. Как буду жить? А как все живут. У меня есть родители, они обещают помочь. Почему расходимся? Нет чувств, охладели...

— О детях вы подумали? — спрашивает народный заседатель Маргарита Николаевна.— Им нужна мать, но не меньше нужен и отец! Почему думаете только о своих чувствах, а чувства детей вас не волнуют? Откуда в вас такое равнодушие?

— Мы подумали, подумали, может быть, еще каждый из нас свою жизнь устроит. А так жить — без любви и без чувств — еще хуже,— потупив глаза, продолжает молодая женщина.— Так что я согласна на развод и прошу взыскать алименты.

В это время в коридоре раздался громкий плач ребенка, молодая мать засуетилась, и мне пришлось объявить перерыв.

В коридоре около коляски прыгала на одной ножке веселая черноглазая девочка и с интересом смотрела, как мать переодевала ее братика. Дети и не подозревали даже, что самые близкие им люди только что хотели расстаться, чтобы не потерять возможность устроить поудобнее свою личную жизнь. А ведь повторные браки зачастую еще менее устойчивы, чем первые.

Суд отложил дело о разводе, предоставив супругам шестимесячный срок для обдумывания, взвешивания всех за и против, и мы, судьи, надеялись, что чувство родительского долга должно все же у них проснуться. Очень много будет зависеть от позиции родителей этой молодой пары, которые до момента суда не проявили элементарной озабоченности тем, что у их детей рушится семья без веских причин, и внучата их могут остаться без отца.

Нередко поводом для расторжения брака служит первая же ссора, первый конфликт.

— Вот вам мое заявление, вот также свидетельство о браке, свидетельство о рождении ребенка, справка о госпошлине,— торопливо совала мне документы одна молодая мать девятнадцати лет с заплаканными глазами.— Только назначьте слушание дела как можно скорее, на той неделе, и обязательно разведите нас!

— Почему такая спешка?

— Мы с ним вчера подрались, я ему никогда не прощу!

Позднее в суде выяснилось, что слово «подрались» не совсем точно отражало мелкую житейскую ссору между супругами. Муж поздно явился с работы и не зашел в магазин за молоком. Это вызвало гнев молодой матери. А что касается потасовки, то вся инициатива была именно с ее стороны.

Вполне понятно, что суд отказал в иске, и мне верится, что через два-три месяца этот семейный конфликт будет совершенно забыт.

И, действительно, семьи, где все идет гладко и хорошо, единичны. Особенно много забот падает на плечи супругов с рождением ребенка, но они никоим образом не должны служить поводом для серьезных разногласий и тем более для развода.

Одной из главных причин расторжения брака является пьянство. Наиболее часто пьянствуют мужчины. Вспоминается одна семейная пара. Оба были уже в солидном возрасте, воспитали двоих детей. Младшему было около четырнадцати, когда Н. стал увлекаться спиртными напитками и буквально через два года превратился в настоящего пьяницу. Его жена А. рассказывала:

— Редкие случаи, когда муж приходил домой трезвым, были для меня радостью. Мы вместе готовили ужин, мир и счастье возвращались в семью. Но через два-три дня он снова напивался. Может, надо было сразу направить его на лечение. Но я щадила мужа, да и неудобно было перед детьми, перед знакомыми. Когда у него обострилась язва желудка, я достала ему путевку в санаторий. Чистенький, наглаженный, весь сияющий, уехал он на юг, дав обещание капли в рот не брать. А через десять дней прибыл грязный, заросший, без денег и пиджака. С курорта его выгнали за пьянку. Но я и тогда не стала подавать на развод. Наконец, совесть у него проснулась, и он добровольно стал лечиться от алкоголизма.

Я и дети были особенно внимательны к нему в этот период, боялись, чтобы не сорвался, не взялся за старое. Он, безусловно, чувствовал это и не хотел причинять нам страдания.

Женщина мужественно боролась за свое семейное счастье, за отца детей и одержала, в конце концов, победу.

Но случается и другое. Одна истица просила развод сразу же, как только муж напился и повел себя непристойно.

— Не могу я его после этого видеть, не могу!

— Он что, часто так? — спросили в суде.

— Нет, раньше такого не было.

— Так, может, эта его промашка будет последней.

— Нет, нет, нет! Я ему уже не верю.

Мне помнится другой полный драматизма случай. Оговорюсь, как судья я к этому делу не имею никакого отношения.

Была семья: муж, жена и сын. Однажды зимой супруг пьяный уснул ночью на улице, в результате ему ампутировали руку по локоть.

Жена нашла в себе силы простить его, хотя ей это стоило огромного труда и хлопот.

— Все-таки у нас сын, как же я оставлю его без отца, — говорила она.

Но однажды этот человек ушел к другой женщине. Прошел месяц, и он стал своей новой избраннице в тягость.

И что же, прежняя жена снова простила его и приняла в семью. А вот сын не простил отца. Они живут по-прежнему вместе, только сын не зовет его отцом и относится к нему как к чужому человеку. Кто здесь заслуживает порицания, и кто похвалы — об этом еще стоит подумать.

Бывают в судебной практике иные случаи. Один молодой супруг около года старательно добивался развода. Не поладил с женой, поссорился, ушел из квартиры, на сына стал добровольно платить алименты. Дважды мы откладывали дело слушанием, и дважды муж упорно твердил, что не любит жеиу, не может и видеть, требовал развода.

Суд согласился и вынес решение о разводе. Через год истец пришел ко мне на прием и, виновато опустив глаза, спросил, как ему аннулировать решение.

— Вы что, снова сошлись? — удивленно спросил я его.

Он утвердительно кивнул.

— Вскоре после суда мы помирились — сам не знаю как случилось. Сейчас живем прекрасно.

— Вы оформляли расторжение брака в загсе?

— Нет.

— И живите на здоровье! Только ответьте по совести, почему вы тогда так упорно добивались развода?

— Как сказать. Натура у меня скверная, упрямый я очень, как залажу одно, так хоть кол на голове теши! А когда понял, что нужно расстаться с сыном, что жена может выйти замуж за другого, все во мне перевернулось. Понял, что нет мне жизни без них.— Он помялся.— Я ведь любил ее даже в суде, а вот упрямство...

Да, за каждым делом о расторжении брака стоят живые люди, их будущая жизнь и счастье детей.

А. КОРЮКОВ,
член Челябинского
областного суда

СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

Принимается подписка на 1983 год на Собрание постановлений Правительства СССР (издание Управления делами Совета Министров СССР).

Собрание постановлений Правительства СССР выходит в виде двух самостоятельных изданий — СП СССР (отдел первый) и СП СССР (отдел второй).

В отделе первом собрания постановлений публикуются постановления Правительства СССР, имеющие общее значение или носящие нормативный характер (индекс — 70892).

В отделе втором Собрания постановлений публикуются соглашения, конвенции, протоколы и другие международные договоры, заключенные Правительством СССР с иностранными государствами (индекс — 70948).

Оба отдела Собрания постановлений издаются регулярно, по мере поступления соответствующих материалов.

Подписка на СП СССР (на оба издания или на одно из них) оформляется только на год. Подписная цена каждого издания — 2 рубля.

Подписка принимается от учреждений, предприятий, организаций и граждан в отделениях связи, пунктах приема подписки Союзпечати, а также общественными распространителями печати.

ИЗ БЛОКНОТА ПРОКУРОРА

Тропою ложных представлений

Их судят уже не в первый раз, поэтому и ведут они себя подчеркнуто спокойно, равнодушно оглядывая присутствующих в зале судебного заседания. Увидеть среди них близких и родных ни Анатолий Мурзин, ни Владимир Слепов не рассчитывают — хотя обоим ва тридцать, семьями так и не обзавелись.

Мое место — государственного обвинителя — напротив скамьи подсудимых, и я внимательно вглядываюсь в их лица.

Разные это люди: по характеру, по манере поведения. По-разному складывались их судьбы, но вместе с тем заметно и то общее, что в конечном счете свело их на скамье подсудимых — пренебрежение к труду, стремление жить за чужой счет и исключительное самомнение.

На совести каждого не одно опасное преступление: хищение личного и государственного имущества, хулиганство, разбойное нападение и даже покушение на убийство.

А ведь поначалу их судьбы складывались вполне нормально. Да, они не были избалованы родительской лаской — с малолетства остались сиротами. Но и в интернате, где они жили, их постоянно окружали заботливые воспитатели, опытные и внимательные педагоги. Там они не только выросли, но и получили образование, там их воспитывали, готовили к большой жизни.

Чем же ответили они на эту заботу? Тайной, глухой ненавистью к окружающим, до поры умело скрываемым презрением к «неудачникам». Неудачниками же они считали всех, кто добросовестно трудился.

Взять, например, Мурзина. Когда Мурзину исполнилось восемнадцать лет, он поступил в ханты-мансийское ГПТУ. После окончания училища работал рулевым, мотористом. И все, с кем приходилось ему сталкиваться в жизни, словом и делом старались помочь юноше стать на ноги. Он видел, что кругом бурлила жизнь, его поколение осваивало целину, рвалось в космос, оно мужало и закалялось, а Мурзин в душе презирал своих товарищей, полагая, что они не понимают смысла жизни. Попытались приобщить его и к общественной жизни — приглашали в комитет комсомола, в местком профсоюза, давали интересные поручения, но все напрасно — он противился этому, хотя и умело скрывал свои истинные намерения. Сегодня он — этакий рубаха-парень, завтра донельзя трудолюбивый и т. п.

В зависимости от обстоятельств маска менялась, а суть оставалась той же, тоска по «сладкой» жизни крепчала. И вот залез в магазин. Попался. В колонии пробыл недолго — учли возраст, надеялись, что по молодости лет ошибся человек. Но он понял все по-своему: мол, в огне не горю и в воде не тону. А раз такой удачливый — все позволено. Стал пьянствовать, прогуливать, а затем вообще бросил работу. Снова решил попытаться «счастья» — опять залез в магазин, похитив ценностей на 1000 рублей, но и тут его поймали. На суде объяснял просто — был болен, зарплату не получал и поэтому-де вынужден был «искать» себе на пропитание. Просил суд поверить ему и строго не наказывать. Не поверили — и правильно сделали. Уже находясь в колонии, он совершил тяжкое преступление. И опять в суде Мурзин пробует вызвать сочувствие к себе. И вроде бы все складно получается: да, раньше он жестоко ошибался, но вот пришло раскаяние, и он, дескать, готов начать новую жизнь. Но все это лишь для того, чтобы уменьшить срок...

Прошло время. Оказавшись на свободе, Мурзин нашел пристанище в Тюмени у Слепова, также трижды судимого.

Потом Слепов в суде говорил, что эта встреча была случайной. Не будь ее, он, мол, и по сей день жил бы спокойно. Но не будем спешить с выводами — вся логика жизни Слепова позволяет утверждать обратное.

Уже в семнадцать лет первая судимость — отобрал у пьяного деньги и часы. Слепова осудили условно. Но он и не думал останавливаться. Мало того — ударился в беспробудное пьянство. Его несколько раз трудоустроивали, но он неизменно бросал работу и вновь совершал преступления.

Мог бы жить и по-другому, но, воспользовавшись доверчивостью близкой ему женщины, он обокрал ее, скрылся. Как и Мурзин, он на все смотрел сквозь черные очки обиды, зависти и злости.

Каждый раз, освобождаясь из колонии, Слепов надеялся, что теперь-то сумет найти путь к сладкой, беззаботной жизни. И он неудержимо катился вниз, в пропасть, к своей гибели. Мог же он порвать с Мурзиным? Мог, но не захотел...

Теперь Слепов стал подручным Мурзина. Забросил работу (а ведь имел неплохую специальность каменщика). Каждый день, вернее, ночь, выходили они на «промысел». Роли распределяли заранее — жертву выбирал Слепов, а Мурзин заученным приемом наносил прохожему сильный и точный удар, так что тот валился без сознания. Обычно Мурзин, с чувством хорошо исполненного дела, вытирал платком руки, а Слепов в это время выворачивал у жертвы карманы. Не брезговали ничем — все шло на пьянку. Слепова и Мурзина не смущал тот факт, что порой они нападали на стариков, женщин.

Но ничто не остается безнаказанным. Однажды, совершив разбойное нападение на случайного прохожего, они безжалостно бросили истекающего кровью человека на улице. В этот же день Слепов и Мурзин были арестованы.

Тюменский областной суд рассмотрел это дело и, как ни выкручивались преступники, вынес обоснованный суровый приговор.

И последнее. Когда я ознакомился в суде с этой историей, листая многотомное дело, слушая очевидцев и потерпевших, то все больше и больше убеждался в том, что ту торную дорогу, которая привела Мурзина и Слепова на скамью подсудимых, эти люди выбрали сами. Пытались ли им помочь? Да, пытались, и не раз. Но все ста-

рания окружающих неизменно разбивались о броню их холодно-презрительного отношения к общественно полезному труду. Их непомерно раздутое «я» было единственным мерилom в оценке своих преступных действий. Оно не было подкреплено желанием честно работать, а замешано исключительно на чувстве вседозволенности, на слепом эгоизме. И это все рано или поздно приводит людей к печальному финалу.

В. ЛИСОВ,
прокурор следственного
управления прокуратуры
Тюменской области,
советник юстиции

ИЗ БЛОКНОТА СУДЬИ

По всей строгости

Иногда братья спорили. Начинал младший, Вовка. Вытянув шею, испытующе глядя в глаза Игорю, спрашивал:

- Папка когда приедет?
- Никогда.
- Почему?
- Умер потому что.
- А мамка где?

Игорь пожимал худыми плечами, закусывал нижнюю губу.

— Нинка говорила, что она бросила нас...

— Ничего не бросила, приедет.

— А вот и не приедет.— Вовка повышал голос, щурил глаза.—

Нинка сказала...

— Это какая еще Нинка? — вступал в разговор дед Анисим.— Много она знает. Сказано, приедет — значит, приедет.

Вовка не выдерживал, срывался на крик:

— Приедет, приедет! Сколько прошло, а она...— и, чтобы не показывать навернувшихся на глаза слез, отворачивался.

Вот уже более двух лет живут Игорь и Вовка у деда с бабкой. Были малыши-несмышлениши, теперь подросли. Игорю в марте исполнилось семь, Вовке пять с половиной. Живут они не то чтобы плохо, но и хорошего мало. А главное, как говорит сосед-учитель, нет у них, у Игоря с Вовкой, настоящего детства. Нет той милой сердцу веселой возни, неугомонных игр и смеха, без которых оно безрадостно. И всему виной мать — Саранцева Алевтина Назаровна*. Бросила она Игоря с Вовкой. И себя сознательно обокрала, обделила, добровольно лишилась материнских радостей. За два с лишним года не нашла возможности навестить детей, ни рубля не выслала на их содержание. Старики же живут на одну пенсию, с

* Фамилия и имена изменены.

трудом ведут немудреное, состоящее из козы да трех куриц хозяйство. Через силу обихаживают небольшой приусадебный участок, чтобы иметь на зиму картошку да еще кое-какие овощи, не ходить по магазинам, чувствуя постоянно недомогание. И то сказать — Анисиму Маркеловичу шестьдесят седьмой пошел, Ефимье Павловне шестьдесят четвертый.

Сидят ребятишки, прижавшись друг к другу, сидят они возле окна, как два озябших, нахохлившихся воробышка. Вовка с непросохшими на щеках слезами, Игорь с закушенной губой. Сидят молча, тихо. На лицах озабоченность, выражение грусти.

Глядя на внуков, волнуется, переживает и дед Анисим. Жалеет их. Особенно меньшого — Вовку. Понимает: скучает мальчонка по матери, об отце думает. Знает, как часто провожает он жадным тоскующим взглядом идущих рядом с родителями мальчишек, как, запрокинув белесую головенку, внимательно разглядывает лица посторонних мужчин, ища в них сходство с отцовским.

Ощущая шемящую боль в сердце, дед подходит к внукам. Гладя шершавой ладонью по голове, досадует, что не в силах заметить ласку родителей своей стариковской.

— Идите погуляйте, — ласково говорит он, обнимая братьев. — Идите, милые...

Как случилось, что родная мать бросила своих детей? Скрылась, оставив их у чужих людей? Какие были к тому причины? И тем горше, что главная причина — стремление к бездумной, в свое удовольствие жизни. Началось с того, что будущий отец Игоря и Вовки, Александр Саранцев, любитель веселой, если не сказать разгульной жизни, потакаая желаниям молодой, не привыкшей утруждать себя никакими заботами жены, согласился два-три года не обременять себя детьми, пожить, как он говорил, для себя. А чтобы удовольствие было полным, пошел на то, что Алевтина сидела еще и дома, поскольку и ранее, окончив с горем пополам восьмилетку, она нигде не работала. Так и повелось. Днем Александр на работе, Алевтина дома. Вечером оба в гостях, а чаще — гости у них. Выпивка, веселое времяпровождение и снова выпивка. Когда же через два с половиной года родился первенец, Алевтине, не знавшей ранее никаких забот, воспитание ребенка показалось делом трудным, требующим ежечасного внимания, бессонных ночей. Додержав кое-как возле себя Игоря до девяти месяцев, она под предлогом устройства на работу отправила его к родителям мужа, где и прожил он больше года. А когда появился младший — Вовка, Алевтина, пристрастившись к развлечениям, к выпивке, уже не могла перебороть себя, отойти от «веселой» жизни, заняться воспитанием детей. Дети для нее стали обузой, тяготили, лишали свободы действий, каждодневных веселых компаний.

Нельзя сказать, чтобы всего этого не видел отец Игоря и Вовки. Видел, но изменить обстановку в семье, отношение супруги к детям в силу своего безвольного характера, в силу того, что и сам часто злоупотреблял спиртным, не мог.

Наивно полагая, что скандалы, а главное, безразличие жены к детям порождено недостаточно высоким уровнем материальной обеспеченности, соблазнившись разговорами о больших заработках на стороне, бросил работу на производстве, пошел шабашничать.

Мотаясь по чужим краям, не бывая дома по два-три месяца, Александр, как ни старался, заработать больше, чем на производстве, не мог. По-прежнему денег в семье не хватало. Тратила их

хозяйка дома бездумно, без расчета, покупала всякие безделушки, а больше спиртное.

В один из отъездов Александра Алевтина отбыла в неизвестном направлении, бросив Игоря и Вовку у чужих людей, откуда их взяли к себе родители мужа. Может быть, со временем все это стерлось, забылось, а старики смирились, жалея сына, стали бы растить потихоньку внуков, если бы не случилась еще одна беда, непоправимая, как всегда, нежданная. Погиб Александр, будучи пьяным, угодил под бревно, строя частный дом в селе. Так вот лишились Игорь и Вовка еще и отца.

После смерти сына старики оставили его детей у себя, в глубине души они надеялись еще на возвращение Алевтины. Не верили, не могли поверить, чтобы родная мать не вернулась к своим детям.

Но шло время, а мать по-прежнему не подавала о себе никаких вестей, не думала возвращаться. И тогда, не в силах больше ждать пробуждения совести снохи, зная, что жива она и здорова (люди видели ее), живет в свое удовольствие, дед Анисим скрепя сердце отправился, как советовали юристы, в суд, подал заявление о взыскании с Саранцевой Алевтины Назаровны алиментов на Игоря и Вовку, возбудил ходатайство о ее розыске.

Не будем описывать всей сложности розыска Саранцевой, скажем только, что искали ее долго, почти два года. Как потом стало известно, проживала она все это время в сельских, отдаленных местах. Летом больше в таежной глухомани, на пасаках, зимой на туристических базах, в домах отдыха, устраиваясь на временную работу, по чужой трудовой книжке. Но как бы ни петляла Саранцева, как бы ловко ни скрывала следы, ее нашли. Возбудили уголовное дело за уклонение от содержания и воспитания своих детей, провели расследование.

И вот она в суде. Молодая, пышущая здоровьем. Одета пестро, с претензией на моду. Ведет себя тихо, покаянно. Когда в зал вбегают Игорь и Вовка, жалостливо морщится, делает вид, что хочет заплакать. Но только шмыгает носом, прикрывая платком рот. В душе она по-прежнему холодна к детям. Несколько дней назад, на допросе, собственноручно написала: «Детей не имею и никогда не имела». Теперь, правда, обстановка для нее изменилась. Со стыдом за дочь ее уличили во лжи родители, многие свидетели, узнал мать старший сын Игорь. Давали показания и Саранцевы: Анисим Маркелович и Ефимья Павловна. Сдержанно, немногословно они рассказали суду, как, живя недалеко от дома, где квартировал их сын, они много раз находили внуков беспризорными, как, запив, уезжала Алевтина с посторонними мужчинами на день-два и больше, оставляя детей без куска хлеба. И как забрали Игоря и Вовку через неделю после последнего отъезда Саранцевой.

— С мамкой я жить не хочу,— говорит Игорь,— она же бросила нас...

Он как-то жалобно смотрел на мать, прижавшись к бабушке. Смотрел и слушал. Но и он, видимо, понимал, что мать сделала что-то очень плохое, если сидит за загородкой и не может подойти к нему, если бабушка, глядя его по голове, плачет.

— Вы и теперь утверждаете, что дети не ваши? — показывая на Игоря с Вовкой, спрашивает Саранцеву председательствующий в суде.

— Это мои дети,— позуясь, отвечает подсудимая и поспешно

добавляет: — Прошу вас, не лишайте свободы, материнства. Я сделаю все, чтобы они забыли горе. Я поняла, как была жестока. Я, я... — Саранцева плачет.

Еще много раз возвращается суд к допросу свидетелей, подсудимой. Смотрит документы, имеющиеся в материалах дела, уточняет реальные возможности содержания и воспитания детей стариками Саранцевыми и только потом уходит в совещательную комнату, выносит приговор.

Именем Казахской Советской Социалистической Республики Саранцеву Алевтину Назаровну, рождения 1949 года, признать виновной в злостном уклонении от содержания и воспитания своих малолетних детей, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 112 Уголовного кодекса Казахской ССР, и подвергнуть ее 2 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Взыскать с осужденной задолженность по алиментам — 958 рублей 20 копеек. Ее же, Саранцеву А. Н., на основании статьи 68 Кодекса о браке и семье Казахской ССР лишить родительских прав.

Приговор областным судом оставлен без изменения. Это — суровое, но справедливое наказание.

В юридической практике такие меры применяются не так часто. Но если уж применяются, значит, нет иного выхода, значит — это единственно правильный шаг в создавшейся ситуации. Его не пришлось бы делать, будь своевременно приняты иные, профилактические меры. Алевтина Саранцева не работала почти всю свою жизнь. Мало кто пытался всерьез одернуть непутевую мать, то и дело оставляющую ребят без куска хлеба во время своих многодневных загулов. Так и привела ее на скамью подсудимых привычка жить без обязанностей. Привычка, которую не осудили своевременно окружающие.

Хочется верить, что, отбыв наказание, Алевтина Саранцева вернется к честной трудовой жизни. Примерным поведением, добросовестным отношением к труду она сможет завоевать уважение окружающих, восстановить свое доброе имя, вернуть почетное право называться матерью.

Будем надеяться, Игорь и Вовка вновь обретут мать, познают ее ласку и заботу.

г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

В. МЕНЬШИКОВ,
член Восточно-Казахстанского
областного суда

Тунеядец

«Уважаемая редакция! Прошу вас помочь моему горю. Дело в том, что мой сын Владимир Алексеевич Н. нигде не работает, пьянствует. Он уже лечился два раза в ЛТП, выводов из этого не сделал, продолжает пить. Я, пенсионерка-колхозница, вынуждена кормить такого здорового тунеядца, который не платит алименты своим детям. Ему 47 лет, а мне 70».

Таким глубоким отчаянием было проникнуто все письмо пенсионерки Полины Степановны Н., что сразу становилось ясным: случай этот из ряда вон выходящий.

Созвонившись с отделом внутренних дел Лермонтовского горисполкома Ставропольского края, мы выяснили, что, действительно, в селе Острогорка проживает в доме своей матери нигде не работающий Владимир Н., прописанный в городе Лермонтов. И что в настоящее время он привлечен к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов и за ведение паразитического образа жизни. Сразу предупредим читателя, что не публикуем фамилию Н. из-за его детей.

...Город Лермонтов находится в самом центре Кавказских минеральных вод. Однако он не похож на соседние города-курорты. Лермонтов — город промышленный. Аккуратные современные дома, кварталы новостроек, чистенькие улицы и площади, очень много зелени, цветов. Неподалеку от одного из крупнейших предприятий города — завода «Оргтехника» — доска объявлений, на которой под крупной надписью «Требуется» — около 30 наименований различных профессий: слесари, токари, сантехники, бульдозеристы, трактористы, механики и многие другие.

Всеобщим почетом и уважением в городе пользуются люди труда. На городской доске Почета, что установлена возле здания горисполкома, — фотографии победителей соцсоревнования в десятой пятилетке: инженера-технолога завода «Оргтехника» Н. И. Синябрюховой, слесаря-сантехника ремонтно-строительного управления Н. Е. Соколова, водителя автотранспортного хозяйства Н. А. Кучеренко, бригадира котельщиков Н. И. Шапошникова и многих других.

— За десятую пятилетку, — рассказывает первый секретарь городского комитета КПСС Б. Н. Красулин, — около ста тружеников города награждены государственными наградами: орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Трудовой Славы, а бригадир отделочников управления строительства Зинаида Филимоновна Костенко награждена орденом Дружбы народов. Много других славных имен записано в летописи трудовой славы лермонтовцев, и мы высоко ценим доблестный труд наших горожан.

Борис Никифорович подробно знакомит нас с тем, что делается

в городе для коммунистического воспитания подрастающего поколения, нашей юной смены. Сколько сил и энергии отдают государственные и общественные организации воспитанию и перевоспитанию людей более зрелого возраста. Что греха таить, бывает, что оступился человек, совершил проступок. Ему предоставляют возможность исправиться, вернуть свое доброе имя, смыть грязное пятно с репутации. Здесь помогают все — партийные и профсоюзные организации, комсомол, товарищеские суды, правоохранительные органы. Тщательно продуманная система воспитательных мер, как правило, дает хорошие результаты.

Так откуда же появляются Н. и ему подобные? Может быть, здесь были какие-то упущения милиции, прокуратуры, судебных органов? Самое тщательное исследование всех материалов дела показало, что таких упущений не было. Все необходимые меры применялись в точном соответствии с законом. Судьбой Н. и его перевоспитанием занимались десятки... нет — сотни людей. Но ведь разговор идет не о мальчишке или подростке, а о взрослом, 47-летнем человеке, отце двоих детей... Так, может, дело не в «воспитателях», а в чем-то другом?

...Город Лермонтов от села Острогорки отделяет лишь несколько десятков метров — плотно шоссейной дороги. Дома в селе добротные, каменные, большие сады и приусадебные участки. Вот и домик Полины Степановны Н. Выглядит он не так зажиточно, как дома ее соседей. Но старательно покрашены его стены, подметен небольшой двор. В комнате, напротив короткого диванчика стоит телевизор на ножках.

— Это Володя поставил, — говорит Полина Степановна, кивая на телевизор. — Так ему удобнее смотреть, когда он приходит домой.

А домой он приходит только пьяный. Бухается на диванчик и начинает смотреть мамин телевизор. Все передачи подряд. Пока не заснет. И это — слава богу. А то и деньги требовать начнет. Нет денег — в ход идут нехитрые пожитки матери. Домашний вор тащит все, что попадется под руку: материнское белье, ее головные платки, яйца из-под несущек, корм для них, пустые бутылки... Взамен ему нужно только одно: вино. Самое дешевое, но и самое «забористое»: «плодово-ягодное», которое он сам называет то «плодово-выгодным», то «бормотухой». Не гнушается Владимир и «тройным» одеколоном.

Я смотрю на морщинистые, трудовые руки Полины Степановны. Вся ее жизнь отдана работе. И отец Владимира до 67 лет работал в сельском хозяйстве, до самой своей смерти. Может, и прожил бы он еще не один год, но...

— Очень уж переживал отец, что пьет так много Володя, — сокрушенно качает головой Полина Степановна.

Да, больно было смотреть на сына-пьяницу старому колхознику. Ведь как было радостно за других детей — сына Петра и двух дочерей. Все они получили образование, обзавелись семьями. А этот...

Впрочем, Владимир тоже получил специальность. Незаурядную: по профессии он летчик высокого класса. В свое время пилотировал самолеты и вертолеты. Правда, подолгу на одном месте не задерживался.

— Чего там говорить, — объясняет он сам, — все время искал, где больше платят.

Он сидит перед нами несколько растерянный, но не подавленный и явно не мучимый раскаянием. Одежда на нем — рваный сви-

тер, стоптанные ботинки, старое пальто и другие вещи — с чужого плеча. Все ему из жалости давали родственники и посторонние люди.

Спокойно рассказывает свою биографию. С 1962 года начал работать в гражданской авиации. По его словам, «немного выпивал».

Но мы-то уже знаем, как это — «немного». Полина Степановна рассказала про его пьянство:

— Пил он, ох, и как пил! И жена была у него, Мила. И ребеночек был, Алешенька, он в Советской Армии сейчас. Володя Миле и мне говорит: уеду я в Красноярский край, там, дескать, пить брошу. Мол, среди вертолетчиков пить запрещено — «сухой закон». Ну, и поехал. И Милу с Алешенькой туда же взял. А спустя некоторое время Мила пишет нам: «Мама и папа! Вовка стал пить еще больше! Моченьки моей нету...», а мы ей: «Доченька! Спасайся немедленно от него! Выезжай к нам».

Безнаказанность, нежелание выносить «сор из избы» в организациях, где работал Н., порождали еще большую распущенность, расхлябанность. А в конечном счете и преступление. В результате грубейшего нарушения правил полета произошла авария вертолета, который пилотировал Владимир Н. Не знаем, пилотировал ли Владимир Н. вертолет в трезвом состоянии или нет, но от уголовной ответственности он, как говорится, «ушел», хотя был наказан в дисциплинарном порядке: ему на два года было запрещено работать пилотом.

Может, для кого другого это и послужило бы суровым, но поучительным уроком, заставило бы пересмотреть всю свою жизнь, навсегда отказаться от пагубного зелья. Но не так было с Владимиром Н. С 1968 года началась стремительная моральная деградация. Он меняет одно место работы за другим. Семья же для него не только потеряна, он перестает даже посылать деньги жене на содержание детей.

— А зачем? — объяснял он так свое поведение. — Дети-то у бабушки все равно летом жили...

Пришлось жене подавать в суд иск о взыскании алиментов. Но и с решением суда Н. не посчитался, всячески уваливая от того, что обязан был делать по закону. Однако долго так продолжаться не могло, и по приговору народного суда Владимир Н. был осужден на три года ссылки по статье 122 УК РСФСР за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей.

Заканчивается срок наказания, назначенный судом, — и вот из места ссылки приходит от него письмо к родителям: «Отец! На дорогу домой нет денег. Вышли!» Родители собирают 120 рублей и высылают. Но проходит еще немного времени — и снова письмо: «Попал в неприятную историю. Лишился денег и вещей. Пришлите еще денег...» И снова старики с трудом набирают деньги...

Пропив и эти деньги, пьяный, грязный и оборванный, он появляется у сестры в Подмосковье. Сестра его отмывает, одевает, дает денег на дорогу до Лермонтова, сообщает о его отъезде матери. Полина Степановна встречает долгожданного сына на перроне, и...

— Не вышел он, а выполз на карачках из вагона, — горестно вспоминает она. — Стоит передо мной на четвереньках и еле языком ворочает: прости, говорит, мама, с друзьями в поезде встретился, и выпили, дай рупь на похмелку...

После этого он с полгода работал трактористом и продолжал

пить. Похоронив отца, Владимир Н. и вовсе бросил работать, запив «по-черному». Участковый инспектор милиции не раз и не два приходил к нему домой, предупреждал о необходимости прекратить пьянство. Владимиру Н. предлагали лечиться у нарколога. Но все было бесполезно. Добровольно он лечиться не соглашался. И тогда по решению суда его направили в лечебно-трудовой профилакторий. Отбыв там год, он возвращается домой и начинает пробавляться случайными заработками. И снова милиция его предупреждает о недопустимости такого образа жизни. И снова льются горькие слезы матери, которая вынуждена не только кормить трудоспособного сына, но и давать ему по утрам копеек по тридцать на похмелье пивом.

— А чего... — рассказывает он, — я тоже зарабатывал. Пойдешь с ребятами, вагон разгрузишь на железной дороге — рублей по десять-пятнадцать заработаем.

— А деньги куда же девали? — спрашиваю его.

— Ну, половину пропивали, остальные оставлял себе на курево да на вино...

— Детям деньги посылали?

— Как же, как же! Раза два выслал рублей по десять. По пьянке жалость меня взяла.

— И как часто вы разгружали вагоны?

— Раза по два в неделю. Когда деньги совсем кончались. Еще договаривался с частниками, кто дом строил. Кирпичи им разгружал.

А вот эпизод, достаточно ярко характеризующий Владимира Н. Рассказала этот случай Полина Степановна:

— Наташеньке, дочке Володи, которая живет с матерью в другом городе, недавно пятнадцать исполнилось. Я Вовке говорю: дай телеграмму поздравительную. Пошли с ним на почту. Написал он телеграмму, сдает в окошко, там посчитали и говорят: «Рубль тридцать». У Володи лицо аж вытянулось. «Ого! — говорит. — Это ж целая бутылка вина. Не буду посылать». Так и не послал. Зато снова напился.

— Какое участие вы принимали в воспитании детей за последние годы? — спрашиваю я Владимира.

— Принимал, принимал, — согласно кивает он. — Когда Наташа с Алешей приезжали к бабушке в гости, я им гостинцы приносил. Конфет куплю. Как-то в кино с Наташей ходил.

— С Алешей вы сейчас переписываетесь? Ведь он в рядах Советской Армии, а солдаты очень ждут писем от своих родных, близких.

— Конечно! Он мне несколько раз присылал письма.

— А вы ему?

— Один раз написал. Потом все недосуг было. Да и поступил он плохо: дружит с девушкой, которая мне не нравится. И к тому же она поехала туда, где он служит. Без моего разрешения жениться хотят. Вот и не пишу ему.

Кстати, сам Владимир с этой девушкой не знаком, а видел ее только на фотоснимках. Полина Степановна рассказывает, что девушка хорошая, нравится не только Алеше, но и его маме, и всем, кто ее знает. Она под стать Алеше — славному, серьезному паренку, отличному солдату, хорошо освоившему ратное дело. Так почему же Владимиру не порадоваться за сына? Нет, сильнее отцовских чувств оказывается глубокий эгоизм, доходящий до тирании, — след-

ствии многолетней, почти беспробудной пьянки, бесшабашной жизни по принципу «чего моя левая нога хочет».

Его «заедает», почему это Полина Степановна посылает своим дочерям и внучатам фрукты, собранные в саду на приусадебном участке.

— Что ей, делать, что ли, больше нечего? — раздражается Владимир. — Они все и так обеспечены.

И еще раз направляли Владимира Н. в ЛТП. Во время второго пребывания в лечебно-трудовом профилактории ему за нарушение режима назначили дополнительный срок лечения. Нарушение же режима заключалось в выпивке.

Передо мной акт медицинского освидетельствования комиссией с целью установления диагноза и решения вопроса о принятии принудительных мер лечения: «Злоупотребляет алкоголем. Форма употребления — постоянное пьянство. Ведет паразитический образ жизни. Живет на иждивении матери. Заметно деградирует, опустился. Круг интересов замкнулся на пьянстве. Живет случайными заработками. Критика к данному образу жизни нарушена. Эмоционально напряжен, раздражен. По состоянию здоровья нуждается в противоалкогольном лечении...»

Паразитический образ жизни... Владимир Н. сидит на шее матери-пенсионерки. Весь он наполнен какой-то хронической безответственностью, желанием найти множество причин, которые вроде бы помешали ему поступить на работу.

О том, как он «искал работу», рассказывает Полина Степановна:

— Уходит утром рано, аж в шесть часов. Говорит: «Мать, дай рупь, иду на работу поступать». Приходит ночью. Пьяный. Рассказывает, что совсем было уже поступил на завод, да вот посмотрел кадровик его трудовую книжку и увидел, что он два раза в ЛТП был. Да тут же от ворот поворот дал. А я и спрашиваю Володю: «Какую же ты трудовую книжку показывал кадровику, когда она вон там под скатертью лежит? Зачем мать обманываешь?» Молчит в ответ. Видит, что на вранье попался, — и молчит.

Начальник отдела внутренних дел Лермонтовского горисполкома майор милиции Г. В. Дюжинский показал мне папку с материалами на Владимира Н. В ней — рапорты участковых инспекторов о посещении Владимира на дому, о сделанных ему предупреждениях, о попытках устроить его на работу.

— И с отделами кадров предприятий я сам лично договаривался, что его примут работать по выбору: трактористом, слесарем, механиком — по его профессиям, — говорит Г. В. Дюжинский. — А он обещает и не приходит. Сколько людей было занято его трудоустройством, сколько мы его уговаривали, увещевали! Мы предоставляли ему все возможности, чтобы он мог жить по-человечески. Как же иначе? Ведь человек же он. Мать отказалась прописывать его в своем доме в селе Острогорка — мы ему разрешили прописаться в нашем городе. Разве же дело — гнать его, предоставлять самому себе? Но и этого он не оценил.

И вот тут-то встает вопрос: не слишком ли много времени мы порой возимся с отъявленными бездельниками? Не слишком ли много сил и энергии тратим на их перевоспитание, уговаривая, упрямая, убеждая там, где необходимо не убеждение, а принуждение?

Увы! К сожалению, именно этого иногда не может сделать и милиция, и общественность. Порою трудно с ними бороться. Владимира Н. и ему подобных можно встретить в разных городах (в пор-

товых городах они хорошо известны как «бичи»). Такие люди ведут паразитический образ жизни, иначе говоря, совершеннолетние трудоспособные люди живут на нетрудовые доходы и уклоняются от общественно полезного труда.

Тунеядцы, стремясь избежать наказания, находят много уловок. Они устраиваются на работу — и «трудятся» там месяц-другой. Затем оставляют работу — и по нескольку месяцев ничего не делают. Либо заключают договор с совхозом на уборку овощей и фруктов. Разгружают железнодорожные вагоны и баржи в портах...

Внешне здесь все в порядке. Всякая работа, не запрещенная законом, у нас считается общественно полезной. Но ведь для тунеядцев такая «халтура» — только прикрытие от работников милиции, от закона.

Да, советские законы гуманны. И направлены они на защиту прав и интересов граждан нашего государства. Имеются в виду, конечно же, те, кто честно и добросовестно относится к своим обязанностям гражданина. И прежде всего — к обязанности трудиться. К сожалению, есть еще и такие, что не хотят трудиться, а желают получать от общества все блага, ничего не давая взамен. Даже обидно, что наши гуманные законы распространяются и на них. Тунеядцы и лихоимцы изыскивают тысячи лазеек, чтобы урвать кусок пожирнее, «проехаться» за счет рабочих, служащих, колхозников. И начинают практически безнаказанно паразитировать на теле нашего общества тунеядец и спекулянт, хапуга и лодырь. Для подобных людишек гуманные положения закона превращаются в некий щит, которым они прикрываются в своей паразитической жизни.

Очевидно, назрела необходимость разработать еще более строгие законодательные меры борьбы с тунеядством, усилить ответственность за это преступление против нашего общества, предоставить более широкие права органам внутренних дел, суду и прокуратуре для борьбы с этим злом. И тем самым закрыть дорогу в государственный и общественный карман всякого рода лихоимцам.

...Заканчиваю разговор с Владимиром Н. Для этого человека не существует ничего святого. Он готов обокрасть — и обкрадывает! — самого близкого человека, мать! Он безжалостно отнимает законные деньги у своих детей, бывшей жены, обкрадывает наше общество. Можно ли взывать к его совести? Да и есть ли она у Владимира Н.? Думается, и это понятие ему чуждо. Как он сам чужд нам.

В. СТРЕЛКОВ

От редакции. Когда верстался номер, в редакцию из Лермонтовского городского народного суда (Ставропольский край) сообщили, что Владимир Н., привлеченный, как уже было сказано вначале, к уголовной ответственности, осужден по статьям 122 и 209 УК РСФСР к одному году лишения свободы с принудительным лечением от алкоголизма.

Я. ШЕСТОПАЛ

ЗАМОК СО МНОЖЕСТВОМ КЛЮЧЕЙ

Вам не приходилось задумываться, почему это иным делягам, расхитителям и прочим жуликам удается сравнительно легко заниматься своими темными делишками? Причем, как говорится, среди бела дня, на виду у всего честного народа. Казалось бы, и выверенная система контроля и учета действует, и регулирующих должностных инструкций хватает, и недостатка в проверяющих органах нет. А поди ты, то и дело садится на скамью подсудимых очередной махинатор или даже группа махинаторов. И человек, ходивший прежде в честных, с хорошими результатами не раз отчитывавшийся перед непосредственным начальством в своей деятельности, демонстрировавший ревизорам полный ажур в делах, вдруг оказывается в действительности махровым преступником.

Такое вот «вдруг» нет-нет да и случается в сфере закупок и заготовок. Особенно в тех организациях, где нарушители закона из-за царящей там бесконтрольности чувствуют себя в относительной безопасности.

Представьте себе, читатель, такого современного купца, ничуть не похожего на знакомого нам из литературы. Он числится в районной заготовительной конторе той или иной организации, ходит по деревням и хуторам при честь по чести оформленных полномочиях, бланках квитанций, ведомостях и предлагает местным жителям закупить у них для нужд государства шерсть, мясо, фрукты или даже домашний скот. При этом и цену предлагает подходящую, и расписаться в документах дает, так что вся операция никак не выглядит предосудительной. Тем более что создает людям определенные удобства — не надо искать попутную машину, чтобы добраться до рынка, не надо часами околачиваться там за прилавком — все прямо на дому делается. Тут же, в горнице, заполняется ведомость, выписывается квитанция, тут же, без всякой волокиты выкладываются на стол денежки, и обе стороны с миром расходятся, весьма довольные друг другом.

Но случается и иное, когда неожиданно для себя селянин получает повестку с просьбой явиться в таком-то часу к следователю и мучительно думает, чего же он такого натворил, в чем провинился. Он приходит в точно назначенное время, ему показывают ведомости и квитанции с его подписью, которую он, конечно же, не может не признать, ибо она в самом деле выполнена его рукой, а вот количество купленного у него скота или, скажем, яблок никак не соответствует действительности. Память у него пока еще крепкая, жаловаться на нее грех, и в ней точно хранится, что заготовитель купил сто килограммов яблок, а вовсе не вчетверо больше. И колхозник держится этой линии не только на следствии, но и потом в суде, ибо это единственная правда. Ее подтверждает и экспертиза, из заключения которой явствует, что заготовитель-покупатель просто-напросто сделал в документах кое-какие подчистки, которые позволили ему украсть у государства и положить в собственный карман изрядную сумму.

Бывает и так, что конкретный Петров или Сидоров вообще лишь однажды сбыл заготовителю излишки, а числится в бумагах много-разовым продавцом. Даже подпись имеется, да вот не очень-то похожая на его. Он чистосердечно от нее отказывается, и чистосердечие это тоже подтверждается экспертизой. Но случается, что такого Петрова или Сидорова в данной местности вообще не существует, его выдумал сам заготовитель и внес в соответствующие документы, чтобы присвоить энные суммы. Словом, заготовитель, выглядевший когда-то благодетелем, оказывается обыкновеннейшим мошенником, расхитителем, действовавшим нагло и бессовестно на виду у бесконтрольно доверявшего ему начальства и недостаточно бдительного ревизора. Чудеса, да и только!..

Впрочем, «чудеса» такие обычно заканчиваются суровым приговором, а вместе с ним — частным определением, в котором детально разобраны причины и условия, приведшие к преступлению, и которое обязывает конкретную организацию принять конкретные меры, дабы подобное не повторилось, и сообщить об этом суду. Бывший свидетель уходит удовлетворенный свершившимся правосудием, уверенный, что отныне пути к таким махинациям напрочь перерезаны и заготовки впредь будут проводиться в полном соответствии с теми нормативными документами, на которые ссылались судьи и государственный обвинитель. Он ведь, бывший свидетель, за время процесса поднаторел не только в заготовительном деле, но и в юридических тонкостях.

Как же удивляется потом этот знаток, читая в местной газете судебный очерк или фельетон, в которых описывается точь-в-точь аналогичное деяние, совершенное другими заготовителями той же организации, которой когда-то адресовалось частное определение. Неужели ничему не научились, ужасается знаток. К тому же их закупочный «почерк» до мелочей оказывается сходным с «почерком» тех, по чьему делу он выступал свидетелем.

Спору нет, при виде повторяющегося в определенной сфере преступления, схема которого в каждом из случаев не отличается особой оригинальностью, человек вправе удивиться и задать законный вопрос: как же это так, братцы? И мы тоже удивляемся, хотя отнюдь не делаем из подобного факта далеко идущего обобщения. И тем более не ставим под сомнение силу частных определений. Не сомневаемся и в инструкциях, определяющих порядок работы заготовительных органов, несмотря на то, что видим в них

некоторые изъяны, которые, как нам кажется, как раз и открывают перед преступниками те или иные лазейки для злоупотреблений и бесцеремонного набизания собственных карманов за счет общества. Это напоминает замок, который открывается множеством ключей.

Так вот, именно о лазейках и должностных инструкциях хочется поговорить несколько подробнее, и, чтобы разговор не был отвлеченным, чисто теоретическим, сошлемся в доказательство всего на два примера из судебной практики. Не потому, что они исчерпывающе убедительны и ничего другого уже не требуется, а потому, что фабула дел, развиваясь в разных концах страны (одна — в Красноярском крае, другая — в Калмыцкой АССР), по способу и методике содеянного весьма и весьма похожа. Преступления совершены людьми, ничего друг о друге не знавшими, но объединяет их род занятий. Они — заготовители, стремившиеся к незаконному обогащению, умевшие с точки зрения хапуги «трактовать» и применять на практике обязательные к служебному руководству документы.

Итак...

ДЕЛО ПЕРВОЕ

По нему на скамье подсудимых очутились несколько работников сферы заготовок. А главным, так сказать ведущим, был некто И. Михайлов, заведующий шерстным складом в Малодербетовской заготовительной конторе Калмыцкой АССР, человек с двумя ничему его не научившими судимостями за плечами. Иначе не стал бы он, едва освободившись из заключения, искать новую «доходную» службу, «теплое местечко», где можно было бы хорошенько погреть руки, побольше хапнуть и зажить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Идеал виделся ему в коврах, дорогом хрустале, «шикарной» мебели, машине и, конечно же, в различных драгоценностях. На большее фантазия Михайлова не простиралась.

А когда удалось окопаться на шерстном складе — месте, вполне подходящем для задуманных им планов, стал первым делом подыскивать себе подручных, таких же нечистых на руку, каким был сам. Надо ему отдать должное: тактикой заманивания неустойчивых, охочих поживиться за чужой счет или за счет государства, он владел совсем неплохо. Одних, наиболее податливых, вовлекл в свои аферы сразу, без лишних намеков и блужданий вокруг да около. Знал: этот готов давно, в обработке не нуждается. Других привораживал крупной подачкой, будучи уверенным, что, вкусив однажды, человек вдругорядь уже не в силах будет противостоять соблазну. Третьих покупал подачками мелкими, подчас грошовыми: те индо, как он считал, не заслуживали — и так подчинятся его воле.

Он плел сети, точно паук, — методично, терпеливо, не жалея времени. Если человек не поддавался и Михайлов видел, что ошибся, ставя на него, немедленно отступал и прикидывался таким незадачливым шутником. Но стоило ему заметить в ком-то слабину, готовность клюнуть на приманку, пусть хотя бы угоститься в ресторане, как тотчас же оплетал этого возможного союзника густой паутиной всяких обязательств. А поскольку Михайлов вылавливал себе в подручные людей с не очень «исправными» моральными тормозами и с не вполне здоровой совестью, то, понятно, отпора

не встречал. Так что всякого рода корыстолюбцев и стяжателей втягивал в свою группу почти без промаха. Заготовители И. Ягияев, М. Ванькаев, Ш. Юсупов, И. Матаев (племянник Михайлова), сдатчик Р. Альмухаметов и другие, не колеблясь, согласились на «сотрудничество» с ним.

Дело было поставлено «солидно», с размахом, при такой координации действий всех сообщников, которая должна была исключить промах, особенно если принимать во внимание царившую вокруг обстановку бесконтрольности и попустительства. Принимая от совхозов и колхозов шерсть низших сортов, Михайлов сортировал ее, выбирая отдельно тонкую мериносовую и кусковую шерсть. Затем при приемке от заготовителей занижались так называемый таксат — процент выхода чистой шерсти — и другие показатели ее качества. В приемные акты вместо рунной шерсти включалась кусковая. Так высококачественной шерсти накапливалось все больше и больше. А потом на нее выписывались фиктивные акты приемки. Естественно, в них значились фамилии заготовителей-сообщников. Те, в свою очередь, сочиняли на данное количество сырья квитанции, которые удостоверяли, будто оно закуплено у населения. А поскольку заготовители, по установившейся практике (о ней еще пойдет разговор), всегда имели с собой достаточно крупные подотчетные суммы для расчетов с трудящимися, то «заработанные» таким образом деньги делились между Михайловым и его компаньонами.

Если же сырье поступало от заготовителей, не состоящих с ним в сговоре, то он действовал с тем же нахальством: занижал вес, таксат и все другие необходимые ему показатели, чем тоже создавал резерв шерсти как в стоимостном, так и количественном выражении. Опять в ход шли поддельные квитанции, и опять наступала дележка барыша.

Вообще-то, драгоценное сырье Михайловым и компанией без обмана, обвеса или мошенничества с качественными показателями почти что не принималось. Обжуливали кого только могли. Вот почему сумма хищений к моменту раскрытия преступления достигла многих тысяч рублей.

Все нажитое грязным обманом Михайлов дома не держал — боялся. Боялся развесить вожделенные ковры и приобрести машину, боялся выставлять напоказ импортный хрусталь и отечественные золотые изделия. Прятал «добро» в тайниках, приготовленных в доме тещи, которая жила в Моздоке. Там и обнаружены были многие тысячи рублей, золотые кольца и прочие ценности. При этом Михайлов слезно уверял, будто все это богатство досталось ему по наследству от умершего в 1950 году отца. Не составило, однако, особого труда доказать, что никакое это не наследство, а куплено куда позже в магазинах четой Михайловых.

Выявилось, кстати, еще одно обстоятельство, отрицательно характеризующее обоих супругов. При обыске у них нашли... специальный тигель для плавки золота. Нет, они не превращали его в слитки. Дело гораздо проще. Михайлов имел еще профессию зубного техника. Вот он и приноровился к «основным» барышам, полученным на махинациях с шерстью, «прирабатывать»... изготовлением золотых коронок, для чего и обзавелся необходимым оборудованием. Естественно, что и этот род его «деятельности» тоже носил противозаконный характер. И стоит ли говорить, что как для него, так и для всех его сообщников прибыльный «бизнес» закон-

чился приговором суда, по которому каждый получил то, что заслужил: длительные сроки лишения свободы.

А теперь...

ДЕЛО ВТОРОЕ

Слушалось оно, как уже говорилось, в другом конце страны, в Красноярском крае, но по фабуле, схеме заготовок, сопутствующим обстоятельствам мало чем отличалось от дела Михайлова и его группы. Разница лишь в объекте закупки и количестве участвующих лиц. В данном случае заготовитель Хатангского районного рыболовецкого союза потребительских обществ И. Мушинский закупал в поселке Сындасско не шерсть, а мясо, действовал один, изредка прибегая к помощи собственной жены.

Итак, Мушинский получал крупные подотчетные суммы и распоряжался ими по своему усмотрению, поскольку был уверен в полной бесконтрольности. Никто из его непосредственных руководителей, никто из ревизоров ни разу глубоко не поинтересовался, правильно ли он расходует средства, правильно ли оформляет документы. По сути, заготовитель был предоставлен самому себе. Словом, можно было обманывать, обжуливать, «зарабатывать» деньги. И Мушинский, точно как Михайлов склонный к стяжательству, сребролюбец и человек без совести, во все тяжкие пустился на авантюрные махинации.

Корысть настолько застлала ему глаза, настолько ослепила, что он не останавливался и перед тем, чтобы подвергнуть риску жену. Да что жену? И ребенка — тоже: ведь не мог не знать этот папаша, что в случае раскрытия преступления вместе с ним угодит на скамью подсудимых и она — мать. Но что Мушинскому жена, что дите, ежели все думы его направлены были на незаконное обогащение?

Следует заметить, что он не обладал особой изобретательностью, не выдумывал особых ухищрений. Он, как Михайлов и другие, просто воспользовался несовершенством системы расчетов с клиентами. Скупая у населения мясо домашних оленей, Мушинский выписывал подложные квитанции и подложные расходные кассовые ордера, в которых нередко сам и расписывался. Иногда, ссылаясь на неграмотность некоторых граждан, просил жену поставить свою подпись. Количеством закупленного якобы мяса манипулировал по своему усмотрению, как, впрочем, ценами и сортом.

Удивленный читатель спросит, как удавался обман, если только часть мяса была в натуре, а остальное числилось лишь на бумаге. Ведь, покупая, заготовитель должен куда-то купленное сдать. Правильно. Однако Мушинский без особого труда и тут нашел лазейку.

Соль заключалась в том, что списание денег с подотчета заготовителя производится по закупочным ценам, исходя из фактического расходования средств. А манипулируя разницей между этими ценами и розничными, можно отхватить солидный куш.

На этом и строил Мушинский свое мошенничество. Это было тем более легко сделать, что он пустил в ход так называемые бестоварные накладные, по которым мясо числилось будто бы сданным непосредственно в магазин поселка. Благо, им заведовала жена... Сплавив мифическое количество мифического продукта по

розничной цене, но оформив его по подотчету в ценах закупочных, он разницу клал в карман. Заметим, вся эта операция противозаконна, ибо мясо в магазины, по существующему положению, поступает лишь по разнарядкам рыбокооп. Так что бесконтрольность сработала и здесь на пользу жулику, которому удалось по подложным документам более 17 тысяч рублей.

Восемь лет лишения свободы с конфискацией всего принадлежащего ему имущества и запрещение в течение пяти лет занимать материально ответственные должности — таков итог «заготовительной деятельности» Мушинского. В отношении его жены решено, учитывая наличие крошечного ребенка и ряд других обстоятельств, к уголовной ответственности ее не привлекать.

На этом, если бы вниманию читателя предлагался судебный очерк, можно было бы поставить точку, присовокупив к повествованию о двух процессах необходимые в таких случаях мораль и рассуждения на тему о нравственном падении неустойчивых к различным соблазнам людей. Но, думается, мораль и так ясна, облик преступников не нуждается в дополнительных красках, а вот на некоторой экономической, что ли, подоплеке содеянного стоит остановиться чуточку подробнее. Хотя бы потому, что, как уже говорилось, рассматриваемые в судах дела о злоупотреблениях заготовителей при всем кажущемся различии ситуаций и предмета заготовок схожи между собой, словно близнецы. По способу хищений. Даже частные определения, вынесенные судами вместе с приговорами, тоже порой сходны. Они требуют от тех или иных органов и организаций, в системе которых орудовали преступники, принять меры к устранению условий, способствующих злоупотреблению. Точнее говоря, речь идет об усилении контроля в заготовительных органах, улучшении отчетности и так далее, и так далее.

УСИЛИТЬ КОНТРОЛЬ

Не хочется обобщать, но, возможно, в каждом отдельном случае что-нибудь конкретное и предпринято — в данной заготконторе, в данном рыбокоопе, в данной конкретной организации. Ну, внимательнее стали бухгалтеры, построже контролеры, потребовательнее при подборе кадров — начальники, председатели, завы. Однако, как говорится, улучшения есть, но их еще недостаточно, ибо злоупотреблений в этой области пока не так уж мало. Расхитителям и спекулянтам есть на чем поживиться. Во-первых (свидетельство тому упоминавшиеся здесь, а также другие судебные процессы), нет над ними постоянного и строгого контроля. По сути, они вольны распоряжаться подотчетными суммами по своему усмотрению. Во-вторых, нечистым на руку делягам позволяет наживаться не всегда продуманная система цен и система оценки закупаемого у населения продукта или сырья.

Начнем хотя бы с того, что расчеты с индивидуальными сдатчиками до сих пор производятся, несмотря на запреты, зачастую заготовителями, а не через кассы кооперативных организаций или, скажем, сберегательные кассы с предъявлением паспортов. Правда, несколько лет назад, в декабре 1975 года, Минсельхоз СССР, Минпищепром СССР, Минмясомолпром СССР, Минлегпром СССР и Центросоюз издали согласованные с Госбанком СССР указания о порядке расчетов за сельскохозяйственные продукты и скот, закупаемые (принимаемые) у населения. Они предусматривают, что

заготовительные организации могут выдавать своим заготовителям для оплаты закупок продуктов денежные авансы на срок от трех до семи дней только в тех случаях, когда расчеты с трудящимися не могут быть произведены через кассы.

Эти указания теоретически вносили определенное упорядочение. К сожалению, от их издания до организации четкого, строгого контроля за исполнением оказалась дистанция огромного размера. Как показала проведенная правоохранительными органами проверка, заготовители многих районов и областей продолжают по-прежнему получать на руки практически неограниченные и никак не контролируемые суммы подотчетного аванса, что позволяет жуликам злоупотреблять ими: выписывать деньги на вымышленных лиц, произвольно указывать количество закупленного и так далее: пример — то же дело Михайлова и компании, при расследовании которого в подавляющем большинстве из десяти тысяч закупочных квитанций оказались фамилии никогда не существовавших людей.

Заставляют задуматься также порядок сдачи закупленного в государственные организации, система сортности и цен. Снова обратимся к процессу Михайлова. Как выяснилось в ходе разбирательства дела, только тонкая мериносовая шерсть (не считая низших сортов) подразделяется на три класса. Первый и второй классы подразделяются на два подкласса. Цены на тонкую мериносовую шерсть первого класса первого подкласса весьма колеблются. А всего таких цен достаточно много. При таком диапазоне заготовитель волен при расчете со сдатчиками применить любую из выгодных ему цен. Аналогичные возможности имеет и заведующий складом. Кто при подобном «разнообразии» в преискуранте сможет доказать, что его продукцию оценили неправильно? Какими критериями руководствоваться? Да и будет ли кто ссориться с заготовителем или завскладом, если от них зависит заработок?

Точно такие же манипуляции можно производить, занижая или повышая таксат. Благодаря этому создаются значительные излишки шерсти, а значит, и возможности нажиться на этом.

Далее. ГОСТом тонкая мериносовая и немериносовая шерсть подразделяется на рунную и кусковую. Поэтому он требует их раздельной упаковки. Существующий порядок замены одних видов шерсти другим не предусматривает возможности взаимного зачета для шерсти тонкорунной и тонкой кусковой. Однако в бухгалтерском учете не установлено отдельной позиции для кусковой шерсти, и он (учет) ведется совместно с рунной.

Этим пользуются расхитители. Ведь тонкорунная шерсть немного дороже кусковой, а кусковая — несколько дороже шерсти низших сортов. Доля кусковой шерсти в общей массе тонкой рунной, сданной в промышленную обработку колхозами и совхозами, ежегодно не превышает 3—5 процентов, тогда как у Михайлова она составляла значительно больше. Он умудрялся просто-напросто при оформлении приемочных актов часть рунной шерсти указывать как кусковую. Тем самым на складе искусственно создавались излишки руна и недостача кусковой шерсти. Она покрывалась за счет выборки куска из тонкой шерсти низших сортов, поступавшей в больших количествах от колхозов и совхозов, а также за счет неполного отражения в приемочных актах фактического количества пусковой шерсти, принимаемой от заготовителей.

Экспертизой установлено, что в шерсти низших сортов содержалось до 50 процентов кусковой. А что же происходило с факти-

ческими излишками рунной шерсти? На них склад выписывал фиктивные приемочные акты, а заготовители — соответственно фиктивные приемочные квитанции. Вот уж поистине золотое руно!

В последние годы порядок расчетов за сельхозпродукты менялся, уточнялся, но практика выдачи заготовителям подотчетных сумм так или иначе оставалась, что людям нечистоплотным порой создает условия для злоупотреблений. Особенно там, где ослаблен контроль за их деятельностью. Да что говорить, если, несмотря на категорический запрет оплачивать закупки шерсти у населения наличными деньгами, он, как показала проверка, проведенная работниками Центросоюза, все же нарушается. Например, в Джамбулской области пришлось строго наказать большую группу работников потребительской кооперации, а заместителя председателя правления облпотребсоюза — даже освободить от работы. Значит, дело не только в принятии правильных решений, что, конечно, очень и очень важно, а в организации постоянного контроля за их исполнением.

Заготовки сельскохозяйственных продуктов и скота — дело большой государственной важности. Нельзя, чтобы из-за несовершенства отдельных должностных инструкций и положений допускались необоснованные потери, а тем более хищения. Пора применить все имеющиеся в нашем распоряжении рычаги — научные, экономические, правовые, чтобы перекрыть каналы хищений. Лишь сочетание научно обоснованных нормативов, продуманной системы контроля и хорошо поставленной организационной работы даст необходимые результаты. От того, как налажены порядок закупок, система учета и отчетности, насколько эффективно работает аппарат проверки, наконец, как организован труд заготовителей, во многом зависит снабжение населения и промышленности продуктами сельскохозяйственного производства, сохранность заготовленного.

На майском Пленуме ЦК КПСС проблеме закупок сельскохозяйственных продуктов у населения, обеспечения их сохранности, борьбе с потерями и хищениями было уделено большое внимание. Дело теперь за тем, чтобы намеченные в этой области задачи выполнялись всеми звеньями потребительской кооперации неукоснительно, в полном объеме, как того требует принятая партией историческая Продовольственная программа. Потребуется серьезная работа во всех направлениях, с участием других заинтересованных ведомств, особенно в том, что касается совершенствования ГОСТов, упрощения системы закупочных цен, усиления контроля за бережным хранением заготовленных продуктов, установления надежного заслона против злоупотреблений и хищений.

паутина

Стоял не по-осеннему теплый день. Через открытые окна доносился привычный гул машин. Сегодня он особенно раздражал Льва Сергеевича. Он нервно поежился, встал, закрыл окна. Стало душно, лоб покрылся испариной. Сгорбившись, глядел в одну точку, в такт мыслям барабанил пальцами по столу: «Гарик арестован, Мардо арестован...» После этого страшного известия ни о чем другом думать уже не мог.

— Нет, так нельзя, надо что-то делать,— бормотал он, безуспешно борясь с приступами панического, темного ужаса.

«Эдик, вот кто поможет!» — вспомнил Голиков.

— Я скоро буду,— кинул он на ходу секретарше.

Эдик, Эдуард Иванович Асриев, начальник лаборатории охраны окружающей среды Московского производственного объединения мясной промышленности, слыл человеком с солидными связями. Он тоже уже знал, что его приятель Мартирос Оганесянц, или попросту Мардо, арестован.

— Да, старик, успокаивать тебя не буду. Мне известно, что в деле Мардо есть показания и насчет твоих делишек.

— Что же мне делать? Что делать?

— Пожалуй, попробую тебе помочь, есть кое-какие знакомые...— задумчиво сказал Асриев, выдержал томительную паузу и уже уверенно закончил: — Да, есть такой человек, он может сделать, чтобы тебя не трогали. Но надо будет отблагодарить.— Эдик сделал выразительный жест пальцами, понятный и без слов.

— А как же, обязательно,— радостно засуетился Голиков.

В конце октября Асриев позвонил ему домой:

— Все в порядке, старик. Дело закрыто. Можешь «обмыть» удачу. Привози обещанное.

На следующий день Голиков снял со своего счета в сберкассе пять тысяч рублей и вручил их Асриеву.

Когда через три дня Голикова арестовали, он был искренне удивлен: как так, ведь он уже заплатил кому следовало, чтобы его не беспокоили, откупился. Что же еще нужно? И долго не мог поверить, что Асриев, попросту говоря, надул его, а деньги присвоил.

Этим эпизодом заканчивается дело о взятках, а начиналось оно несколько лет назад в солнечном Узбекистане.

Издравле в узбекской деревне бытует традиция: когда рождается ребенок, сажают несколько тополей, чтобы со временем было из чего соорудить для молодоженов хотя бы пристройку к родительскому дому. Но древесина тополя не лучших качеств, куда практичнее, скажем, сосновые доски. Но где их взять?

— Поезжайте на станцию Улугбек, останетесь довольны,— советовали сведущие люди.

И действительно, скромный магазинчик на станции Улугбек в последнее время стал своего рода достопримечательностью района. Здесь всегда толпились покупатели из окрестных селений и городов: дехкане в национальных халатах, а то и самодовольные владельцы «Волг» и «Жигулей». В этом магазине можно было купить все необходимые для строительства товары: круглый лес, брус, доски, фанеру. Сюда этот редкостный для здешних мест дефицит поступал вагонами из Свердловской, Тюменской областей, Башкирии.

Покупателей могли бы озадачить непомерно высокие цены, но они считали, что такие товары здесь и должны быть недешевы. Ведь не секрет, что многие предприятия испытывают острую нехватку древесины, иногда и простаивают без сырья. А тут десятки вагонов лесной продукции, оказалось, поступали не промышленным предприятиям, шахтам, стройкам, а в два-три небольших лесомагазина.

Этим регулярным поставкам древесины в Самаркандскую область предшествовали не менее регулярные перелеты представителей лиц в Ташкент, Москву, Уфу, Свердловск.

В аэропортах Ташкента и Москвы часто мелькал пожилой, но явно молодящийся мужчина. Изящный костюм, респектабельные манеры, рыжеватая шевелюра и черная подкрашенная бородка... Словом, Б. И. Адамский, начальник отдела поставок Узглавлесбума Госснаба Узбекской ССР, умел себя подать. Ему было под шестьдесят, а все еще хотелось урвать хоть кусочек «шикарной» жизни, которую он так любил! И хотя у него был неплохой оклад, денег на нее все равно не хватало.

Но Адамский не зря столько лет прожил в Ташкенте. Он хорошо знал цену леса в этой богатой, но безлесной республике. При повышенном спросе на древесину можно «погреть руки», это он понял давно. Подзаработать на дефиците решили и завмаги А. Шарипов, Ш. Садыков, Н. Вуль и некоторые другие торговые работники потребительских обществ Самаркандской области. Магазины Адамскому не подчинялись, но связи с завмагами от этого были еще крепче.

Адамский — единственный, кто был должностным лицом. Остальные из его окружения — те, кого называют людьми без определенных занятий. Один из них, Оганесянц, выдавал себя для солидности за заведующего базой. Трижды судимый, с трудом одолевший восемь классов, он, подделав документы, сумел скрыть и судимости, и недостаток образования. В магазине Джартепинского потребобщества оформился продавцом, а на деле был просто «толкачом». Швейцары столичной гостиницы «Россия» за щедрые чаевые величали его «генералом», для собутыльников же он был просто «рыбой». Другой «внештатный толкач» — Ключинский, несмотря на возраст, известен как Гарик.

Прилетев в Москву, они останавливались в лучших номерах гостиницы «Россия» и разворачивали бурную деятельность. Глядя со стороны, можно было подумать, что приехали с единственной целью — кутнуть в столице: номера-люкс, бесконечные застолья, многочисленные богатые покупки.

— Казалось бы, торговля дефицитными лесоматериалами, обсчет покупателей в магазинах Самаркандской области и гульба в гостинице «Россия» не имеют никакого отношения друг к другу. Но когда следственные органы заинтересовались и тем, и другим, выяснилось, что цепочка замыкается именно здесь, в Москве. Це-

почка, ведущая от магазина на далекой станции к Союзглавлесу,— поясняет старший следователь по особо важным делам капитан милиции Сергей Владимирович Серебренников. Он возглавлял следственную группу МВД СССР, которой Прокуратура СССР поручила расследование случаев взяточничества.— Оганесянц и Ключинский усиленно интересовались, как организовать внефондовые поставки леса в потребительские общества Самаркандской области. Они прекрасно знали, что древесина там пользуется повышенным спросом, и решили на этом нажиться. Тем более, что завмаги Шарипов, Садыков, Вуль очень хотели получить в свои магазины большие партии лесопродукции, чтобы сбывать ее по спекулятивным ценам, и готовы были за это щедро «отблагодарить». В Москве Оганесянц искал «нужных» ему людей среди работников снабженческих организаций, лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий, способных за взятки оказать содействие во внефондовом выделении древесины и ее отгрузке. И ему удалось познакомиться с заместителем начальника Союзглавлеса Л. С. Голиковым.

...Поминутно вытирая вспотевшие ладони и оглядываясь на темные окна дачи, человек сверлил рыбацким коловоротом клумбу. С непривычки дело подвигалось туго, но он все же высверлил ямку между цветами, уложил туда стеклянную банку, тщательно придав клумбе прежний вид и с облегчением оглядел дело своих рук. Еще бы! В банке целое состояние: облигации на семнадцать тысяч рублей, три сберкнижки на предъявителя с вкладами на пятнадцать тысяч и еще семь тысяч купюрами разного достоинства. Вряд ли кто-либо из сослуживцев в этом пугливом, перепачканном землей дачнике узнал бы сейчас Голикова. И уж тем более вряд ли кто поверил бы, что у него припрятаны такие деньги.

Всем, кто связан с поставками леса, хорошо известно, сколь неприступна эта организация, Союзглавлес при Госснабе СССР. А Лев Сергеевич Голиков был особенно строг. Он слыл неумолимым блюстителем государственной дисциплины поставок лесопродукции. Однако дельцы из Самарканда хорошо знали другого Голикова: циничного взяточника, хапугу, для которого государственная дисциплина поставок, отпуск лесопродукции по фондам были лишь пустым звуком. Эти слова он воспринимал только как препятствие на пути к большим деньгам. Принцип «попросили — сделал — отблагодарили» стал руководящим в его второй, до поры мало кому известной жизни, в которой были и рестораны, и увеселительные поездки, и различные подношения, и страх перед разоблачением.

История его падения проста и закономерна. Ее видимое начало — «роковое» для обоих знакомств мошенника Оганесянца и довольно крупного специалиста, занимавшего высокую должность, Голикова. Оганесянц старался произвести впечатление солидного, умного, делового человека. В ход были пущены все необходимые атрибуты «соблазнения». Его щедрость не знала границ: он доставал редкие книги, дефицитные лекарства. Застолье следовало за застольем. Словом, «приручил» Голикова он довольно быстро и безболезненно. Для начала Оганесянц попросил заменить ему листовую древесину на хвойную.

Те, кому по долгу службы приходилось иметь дело с Союзглавлесом при Госснабе СССР или его территориальными подразделениями, хорошо знают, что такую задачу выполнить трудно. Эти организации сами не заготавливают и не перерабатывают лес. Их функция иная: прикреплять потребителей к поставщикам, формировать

грузопотоки, следить, чтобы отпуск древесины производился в строгом соответствии с фондами. Сбытовые организации — неумолимые контролеры: без их ведома руководитель объединения не имеет права даже в случае острой производственной необходимости перебросить часть сырья из одного своего предприятия в другое. Однако Голиков охотно выполнил просьбу нового друга.

Но это был, так сказать, пробный шар. Последовали другие просьбы: помочь оформить дополнительные наряды на фанеру Самаркандскому облпотребсоюзу, например. За это уже было обещано вознаграждение: по триста рублей за вагон. Но аппетит приходит во время еды, и Голиков выторговал другую ставку — пятьсот рублей за вагон фанеры.

Этот строгий блюститель лесопоставок оказался нетребователен к тому, в каком виде и где получать взятки. Ему дарили дорогое кожаное пальто и недорогую хрустальную вазу — он брал. Привозили ведро ранней южной клубники и двадцать тысяч рублей — не отказывался. И очень быстро привык к щедрым подношениям.

Иной раз, чтобы заполучить очередной желанный куш, приходилось проявлять недюжинную изворотливость. Голиков прекрасно знал, что далеко не так всемогущ, как он это изображает перед своими щедрыми «друзьями». Выделить Оганесянцу фанеру он сам не мог. Упустить лишнюю возможность «подзаработать» не хотел. Надо было что-то придумать. Решение Голиков принял самое, с его точки зрения, простое — завербовать начальника отдела фанерной продукции Новосельцева — своему шефу тот вряд ли откажет. Немного поколебавшись, вызвал к себе Новосельцева. Рабочий день уже кончился. Поток бесконечных посетителей иссяк. В притихшем старом здании изредка гулко хлопали двери — уходили задержавшиеся по делам сослуживцы.

— Заходи, Иван Павлович, присаживайся, — голос Голикова был приветливым и неофициальным. — Так сегодня устал, толчая целый день, — пожаловался он. — Может, махнем по маленькой для бодрости?

И Голиков достал из сейфа бутылку дорогого французского коньяка, налил в стаканы.

Новосельцев с невольной завистью пьющего человека посмотрел на красивую бутылку:

— А у тебя, Лев Сергеевич, губа не дура.

— «Клиент» один подарил, южанин. Хороший, между прочим, парень, не жадный. Фанера ему нужна. Ты же знаешь, что там то землетрясение, то еще что-нибудь в этом роде. Может, поможем?

И увидел, что Новосельцев в нерешительности замялся, доверительно добавил:

— По пятьсот рублей дает за каждый вагон сверх фондов. Давай-ка еще по одной — за успех!

Акция, действительно, удалась. Под письмом о выделении фанеры для маскировки поставили подпись другого зама, который только что вступил в эту должность и недостаточно разобрался в тонкостях дела. В результате Челекскому предприятию розничной торговли из Уфимского домостроительного комбината через Башлеснабсбыт была выделена тысяча кубометров фанеры вне фондов. Это несмотря на то, что фанера и древесностружечные плиты являются номенклатурой народнохозяйственного плана и ходатайства о выделении дополнительных фондов на них рассматриваются Госснабом СССР.

И Голиков, и Новосельцев прекрасно понимали, что нарушают не только свои служебные обязанности, но и закон.

В ходе следствия Новосельцев рассказал:

— Зная, что все представленные Оганесянцем документы являются подделкой, я их держал у себя и в дело не подшивал. Перед отпуском в 1979 году я решил, что все уже прошло, и уничтожил их.

Эти хлопоты были более чем щедро оплачены — двенадцать тысяч рублей на двоих.

Вот почему, когда после Оганесянца к Голикову обратился его коллега из Узбекистана Адамский, он встретил полное понимание. Тот попросил найти три тысячи кубометров хвойных пиломатериалов и заменить ими такое же количество «листвы».

— Предварительной договоренности о конкретной оплате этой замены не было, но Адамский намекнул, что какое-то вознаграждение будет, — рассказал на следствии Голиков. — После того как я оформил телеграмму нужного содержания в Средураллесснабсбыт, Адамский снова зашел ко мне в кабинет. Он передал сверток с деньгами и сказал, что замена сделана, а в свертке моя доля за указанную операцию. Там оказалось три тысячи рублей.

Легкость, с какой были получены деньги, нравилась Голикову, поэтому он охотно откликнулся и на другую просьбу своего приятеля из Узглавлесбума: помочь выделить фанеру.

Такса прежняя, сказал он Новосельцеву, за каждый вагон фанеры один знакомый Адамского заплатит всем троим по пятьсот рублей.

Новосельцев тоже уже не хотел отказываться от дармовых денег, и пятьсот кубометров фанеры, этой дефицитнейшей продукции, вне всяких фондов были отгружены в один из магазинов Наманганского облпотребсоюза.

Есть такая обывательская философия — у воды быть да не напиться. Государство у нас богатое, рассуждает иной мещанин с высшим образованием, не обеднеет, да ведь я и не ворую, в чужой карман не лезу. Конечно, сам взяточник в чужой карман не полезет и даже наверняка оскорбится, если ему скажут, что он вор. Но на чьи средства покупались для него подарки, оплачивались ресторанные счета, откуда те деньги, которые взяточник обращал в облигации, серебряные ложки или зарывал в землю? Это деньги покупателей, обсчитанных продавцом, иными словами, они украдены.

Раз ступив на кривую дорожку, остановиться Голиков уже не мог. Дармовые деньги, подарки быстро вошли в привычку, и он уже сам начал искать источники дохода.

Подпись заместителя начальника Союзглавлеса, как известно, стоила дорого и значила много. Но от подписи до вагонов с продукцией — дистанция огромная, поэтому в «дело» с его помощью были втянуты другие «полезные» люди. Липкая паутина взяточничества, душевной нечистоплотности быстро росла, захватывая все новые жертвы «длинного» рубля.

Добившись от Голикова и Новосельцева оформления документов с необходимыми распоряжениями Башлесснабсбыту о выделении тысячи кубометров фанеры, Оганесянец вылетел в Уфу, чтобы организовать реальное получение этой продукции.

Пять тысяч рублей он «подарил» начальнику Башлесснабсбыта А. Хамитову за оформление наряда об отгрузке фанеры из Уфимского домостроительного комбината.

Заместитель директора Ф. Ковалев получил 1600 рублей за содействие в отгрузке продукции по этому наряду.

Не была обойдена вниманием и мастер погрузочно-разгрузочного участка комбината Н. Лобанова. Ей по просьбе Оганесянца Ковалев дал четыреста рублей и объяснил, что деньги от представителя, которому грузится фанера, и он просит, чтобы грузили побыстрее и как можно больше березовой фанеры. Вскоре вагоны с фанерой благополучно прибыли на станцию Улугбек.

Не устояли перед подношениями и начальник Тюменьлесснабсбыта О. Данилов, начальник Средураллесснабсбыта В. Карабин, заместитель начальника управления Восточно-Сибирской железной дороги А. Марфин.

Когда слышишь о взяточниках, невольно задаешься вопросом: почему некоторые руководители (теперь уже бывшие), которые должны воспитывать людей, быть примером служения долгу, так легко и просто попались в сети мошенников?

Взятка не только гнусное, нечистоплотное явление, она многообразна, а потому и коварна. Начинается падение вроде бы с мелочей: ужин в ресторане за чужой счет, бутылка коньяка, распитая в гостиничном номере, сувениры. Что это: взятка или так, пустяки?

Вот какую оценку этим «несерьезным знакам внимания» дал на суде один из обвиняемых, О. Данилов:

— Когда мы были в ресторане, моя жена попросила Оганесянца помочь купить два портфеля «атташе-кейс». На следующий день он мне их передал. Я спросил, сколько я должен за эти портфели? Он ответил, что ничего не должен, и попросил оказать помощь в лесопоставках. Я уже не мог резко отказать, так как невольно попал к нему в зависимость из-за ужина в ресторане, где он за нас заплатил, и из-за портфелей, которые он достал. Я прекрасно понял значение этих подношений: подарки просто так не делаются. Я понял, что получаю от него взятки.

Скажите, какая беззащитность! Но ведь еще можно было отказаться от подарков. Еще не поздно было расплатиться с подозрительно щедрым мошенником, объяснить, что не может и не будет нарушать служебный долг. Но платить свои кровные денежки так не хотелось, жадность одолела, зависть к людям, которые могут позволить себе сделать широкий жест. Про таких, как Голиков, Новосельцев, Данилов, в старину говорили: глаза завидующие, руки загребущие.

Эти люди невысоких моральных устоев стали как бы ячейками той огромной сети, которую раскинули «пауки» из Самарканда. Причем падение многих свершилось не без активного участия Голикова. Ведь это он договаривался с руководящими работниками территориальных организаций о принятии его распоряжений к скорейшему выполнению.

Масштабы его «подпольной» деятельности становились все шире: внефондовые поставки древесины, фанеры, плит, замена лиственной древесины на хвойную, ускорение отгрузки материалов... И все это за целое стадо «барашков в бумажке». Несмотря на нарушение правил оформления документации, руководители Башлесснабсбыта и Московского управления Союзглавлеса выполняли распоряжения Голикова и Новосельцева о незаконных поставках.

Он был толковым специалистом, отлично знавшим свое дело. Достоинства и недостатки системы материально-технического снабжения, пробелы в планировании, их причины были ему известны

досконально. Он предвидел, где снабженческий конвейер наверняка даст сбой, и умело использовал свое знание для наживы.

— Но не подумайте, что в этой теплой компании взяточников царили полное согласие и договоренность. Каждый старался выторговать себе кусок пожирней и побольше или просто обмануть приятеля,— рассказывает капитан Серебренников.— Когда Голиков получал взятки сам, то, разумеется, своих компаньонов в известность об этом не ставил. Но потом Оганесянц узнал, что Голиков обманывает Новосельцева: не делится с ним добычей. После этого практичный Оганесянц уже не рисковал и взятки каждому из них вручал сам.

Изобличить взяточника — это, пожалуй, одна из самых трудных задач,— продолжает Серебренников.— Ведь взятку передают, как правило, с глаза на глаз. Свидетелей при этом обычно не бывает. Кроме того, каждый взяточник хоть и надеется, что ему сойдет с рук, но все же задолго до встречи со следователем начинает готовиться к ней: уничтожает компрометирующие документы, преступно нажитые средства прячет в различных тайниках, утверждает, что ничего не брал, все отрицает, изворачивается, лжет... Словом, тут нужна долгая, кропотливая работа с документами, чтобы найти неопровержимые доказательства того, что взятка была. Поэтому следствие проходило в очень трудных условиях. Мы столкнулись с очень специфическим производством, потребовалась масса экспертиз, ревизий, заключений, изучение множества документов, прежде чем мы проследили всю цепочку преступлений.

Сам по себе Голиков при всей значимости его должности, конечно, был не в состоянии повлиять на общепринятый порядок распределения древесины в стране. В Союзглавлесе и подчиненных ему территориальных лесснабсбытах систематически нарушались положения нормативных актов, действующих в системе лесоснабжения. Служебную деятельность Голикова, Новосельцева, Данилова и Хамитова никто должным образом не проверял. Это и дало возможность Голикову и Новосельцеву оформлять документы с грубыми нарушениями установленного порядка.

Кое-кому трудно было критически взглянуть на указания Голикова потому, что вместе с его указаниями в уже названных территориальных управлениях появлялись вездесущие представители из Узбекистана, якобы непрерывно страдающего от всевозможных стихийных бедствий. Как тут было устоять перед их уговорами и более убедительными материальными стимулами!

Да, широкую паутину сплели «толкачи», ловко сумев поймать в нее людей самых разных: от мастера погрузки до крупных руководителей. Как видим, должности и, соответственно, возможности у этих лиц разные. И купили их каждого за свою цену: за деньги, за дефицитные товары. Общее у них одно — за мелкие и суетные блага, ничтоже сумняшеся, продавал свое доброе имя, свою совесть. И каждый старался не продешевить: ведь ее у них было так немного.

— Перед лицом неопровержимых улик уже накануне суда Голиков пытался обелить себя, найти «объективные» причины своего падения, изображал себя жертвой трудных условий,— вспоминает следователь Серебренников.— Он написал записку в следственные органы, в которой пытался доказать, что как руководитель вынужден был постоянно решать: кому дать древесину, а кого оставить на «голодном пайке». И потому, дескать, подобные преступления неиз-

бежны: при данной организации материально-технического снабжения. Такова психология взяточника — он всех меряет своей меркой: раз он «взял», значит, и другие тоже «берут». Он так до самого ареста и верил, что даже на законные действия можно повлиять щедрым подношением. Вспомните хотя бы эпизод с Асриевым, искреннее убеждение Голикова, что и от уголовного наказания можно откупиться.

Два года работала следственная группа над раскрытием этих преступлений, скрупулезно восстанавливая все детали этой истории. Суд воздал должное всем взяточникам и взяточодателям. Итак, «герои» нашей истории отбывают заслуженное наказание. Но какой урон нанесли взяточники народному хозяйству! Своими действиями, «отрабатывая» нечестные деньги, они нарушили планы снабжения древесиной многих предприятий страны. В результате недодана самая разнообразная продукция бумажниками Белоруссии, мебельщиками Украины, строителями Поволжья... Ради чего это было сделано? Ради дармовой бутылки коньяка, модных сапожек, ради сомнительного удовольствия быть владельцем закопанных в землю богатств.

М. БУТРИМ

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Работник одного из предприятий города Сухуми Т. Нателашвили скупил в магазинах 450 детских маек. Он решил нанести на майки рисунки (аппликации) и затем продать их по значительно более высокой цене. Однако, когда Т. Нателашвили привез майки в цех, где работал, и приступил к «делу», его задержали сотрудники милиции.

Суд расценил действия Нателашвили как занятие частнопредпринимательской деятельностью с использованием государственных форм и приговорил его к 2 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

■
Пенсионер Е. Дорофеев обратился в исполком Печерского районного Совета народных де-

путатов Киева с просьбой устроить его на работу. Его оформили инспектором отдела учета и распределения жилой площади. В обязанности Дорофеева входило переселение жильцов из домов, подлежащих капитальному ремонту. Ему было предоставлено право выписывать смотровые ордера. По своему усмотрению Дорофеев мог выписать ордер на квартиру большего или меньшего размера, более благоустроенную или менее благоустроенную. Воспользовавшись этим, он стал брать взятки деньгами и золотыми вещами.

Суд приговорил Дорофеева к 9 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Осуждены и те, кто давал Дорофееву взятки.

ОХРАНА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

«СОЛОВЕЦКИЕ СТРАДАНИЯ»

Один из крупнейших в России, Соловецкий монастырь был основан на берегу большого Соловецкого острова в Белом море в начале XV века. Он сыграл большую роль в освоении русскими людьми Беломорья, стал подлинным культурным и экономическим центром края. Соляной, морской, зверобойный, рыбный, слюдяной, железный, жемчужный — вот далеко не полный перечень промыслов, которыми широко занимались монастырские «трудники» и наемные работные люди, осваивая богатства русского Севера. Их руками была преобразована природа самого Соловецкого архипелага: внутренние озера связаны судоходными каналами в единую систему; проложены насыпные, по тем временам прекрасно укрепленные дороги в лесах и болотах, отгорожены от моря «рыбные садки»; воздвигнуты дамбы; выращены новые породы деревьев, которых не знали раньше полярные широты. Соловецкий монастырь был важной пограничной крепостью с мощными крепостными стенами, башнями. Он не раз отбивал нападения иноземных захватчиков, обороняя северные рубежи России (в 1571, 1582, 1611 годах), а в 1854 году, во время Крымской войны, выстоял против сильной английской эскадры. «Говорливый камень», возле которого проходили переговоры с английскими парламентарями, стал реликвией русской боевой славы.

Соловецкий монастырь являлся крупным культурным центром русского Севера, в его книгохранилище было много рукописных и старопечатных книг, составлялся свой «Летописец Соловецкий».

Однако особую ценность представляет комплекс выдающихся памятников русской архитектуры, сложившийся за несколько веков на островах Соловецкого архипелага. Это культовые, хозяйственные и жилые постройки XVI—XIX веков, среди которых выделяются

«Трапезная палата», пятиглавый Преображенский собор, сам Соловецкий кремль. Об этих и других драгоценных памятниках истории и культуры Соловков и пойдет речь в очерке.

Наверное, это заложено в самой природе человека—надеяться на перемены к лучшему, возвращаясь спустя годы на то заветное место родной земли, которое оставило особенно глубокий след в сердце и в памяти.

Прошное свиданье с Соловками*, как издавна называют наши соотечественники Соловецкие острова в Белом море, породило противоречивые чувства. Было и восхищение этим уникальным творением природы и рук человеческих, и огорчение из-за того, что жемчужина русского Севера еще не явлена нам во всей своей первоизданной красоте, и мечты о том, как здесь будет в будущем, когда совместными усилиями различных специалистов и организаций завершится многотрудный процесс возрождения этого удивительного памятника.

Мне виделся знаменитый Соловецкий кремль, гордо и открыто стоящий на перешейке между рукотворным Святым озером и морем, освобожденный от невзрачного барачного окружения, заборов, паутины проводов и угловатых телевизионных антенн.

Мне представлялись величественные и строгие стены монастырских строений, излеченные заботливыми руками реставраторов от оспенных пятен выкрошившейся кирпичной кладки, надежно защищенные от капризов беломорской погоды новыми кровлями, плотными дверями и застекленными окнами.

Казалось, пройдет совсем немного времени, и знаменитые келейные корпуса и бывшие монастырские гостиницы будут встречать туристов современным комфортом, соединенным с духом старины, с глубоким покоем и тишиной древних сводов.

И еще многое предугадывалось такое, что сделает Соловки еще привлекательнее и интереснее для ревнителей русской старины. Побегут юркие экскурсионные катера на другие острова Соловецкого архипелага: на Большой и Малый Заяцкие острова, на Анзеры, на Большую и Малую Муксалму, своеобразные природные ландшафты и архитектурные памятники которых пока еще не включены в туристский оборот. Возле Секирной горы, этой естественной «смотровой площадки» Соловков, снова зацветут сады, и в старинной валунной постройке откроется придорожный трактир, ибо здесь сходятся сухопутный и озерный туристские маршруты. На хуторе Горка гостей будут угощать свежими овощами и фруктами, выращенными здесь же, совсем рядом с Северным Полярным кругом (когда-то на Соловках это делать умели!). В отгороженном от моря каменной дамбой заливчике — «Филипповских садках» — снова будет разводиться и отлавливаться рыба. Концертные залы в старинных храмах, русские бани на озерных берегах, лесные хижинки для отдыха. Да мало ли о чем еще мечталось под впечатлением первой встречи с Соловками!

Тогда, четыре года назад, все это казалось вполне реальным, да и потом многое обнадеживало. Налицо был огромный, неослабевающий интерес к Соловецким островам. Само слово «Соловки» не сходило со страниц газет и журналов. Острова получили

* См. очерк «Серебряное кольцо» («Человек и закон», 1978, № 6).

почетный статус историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Институтом «Ленгипрогор» создан генеральный план развития Соловецких островов. Давно, в конце пятидесятых годов, началась разработка проектной документации на реставрацию архитектурных памятников Соловецкого кремля. На самих Соловках создан хозрасчетный участок Архангельской научно-реставрационной производственной мастерской, завезены техника, строительные материалы (поначалу специальные нестандартные кирпичи доставлялись даже из далекого подмосковного Загорска, что само по себе свидетельствовало о том внимании, которое уделялось восстановлению соловецких памятников). Щедро выделялись средства для проектных и реставрационных работ: и Министерством культуры РСФСР, и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, и другими организациями. Цифры завораживали — только за годы десятой пятилетки предстояло освоить около трех миллионов рублей. Непрерывно возрастали объемы реставрационных работ: в 1975 году — 123, в 1980 году — 350 тысяч рублей. А в перспективе назывались и 500, и даже 825 тысяч рублей капиталовложений в год!

Вышла в свет книга «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов»*. Красочные фотографии создавали общую картину благополучия, завершенности соловецкого архитектурного ансамбля. Интересные, ярко написанные статьи повествовали об истории создания памятников Соловецкого архипелага, об их архитектурных достоинствах, своеобразии, видном месте в отечественной культуре. В таком издании, разумеется, не нашлось места для сведений о нынешнем состоянии этих шедевров русской архитектуры.

...Знакомый морской путь от Архангельска до Соловецких островов сам по себе интересен и запоминается. Для туристов это как бы пролог к близкому знакомству с Соловками, постепенное проникновение в таинственную задумчивость северной природы, окрашенной незаметными переходами от голубого к серому, от сумрачно-зеленого к черному, смягченному туманной дымкой, зыбкому и загадочному. От суматошной разноголосицы больших городов к первозданной тишине — не этим ли так притягателен Север для современного человека?

Теплоход «Юшар» с едва слышным шуршанием вспарывает неподвижную, будто застывшую воду Двинской губы. Небо низкое, блеклое, будто размытое. Где-то слева тянется невидимый в туманной дымке берег. Осенью Белое море бывает и буйным, и штормовым, но сейчас оно удивительно безмятежно.

Соловецкие острова открываются вдали невысокой темной полоской, над которой, будто перст, устремленный в небо, поднимается Секирная гора со знаменитым маяком-церковью на вершине. Пробегают мимо бортов вешки, обозначающие извилистый фарватер. Теплоход тихо прислоняется к временному пирсу, деревянному настилу на железных конструкциях.

Соловки!

С вокзала начинается город, с пристани и первого клочка берега, сразу открывающийся взглядам путешественников — остров. Что же видит пассажир теплохода на Соловках?

* М., «Искусство», 1980.

На берегу, прямо у пристани, глубокие колеи от грузовых автомашин, груды мусора, бревна и щепы, металлический лом, мотки ржавой проволоки. Покосившиеся заборы, приземистые темные постройки. Пассажиры пробираются к поселку по разбитой дороге, осторожно огибают лужи, поскользываются на мокрых дощатых тротуарах. Всюду какая-то неряшливость, неухоженность, заброшенность.

Может, это только первое впечатление, которое иногда бывает обманчивым?

К сожалению, нет!

Стены и башни знаменитого Соловецкого кремля, полностью восстановленные за последние годы, действительно величественны и по-настоящему красивы, но внутри по-прежнему тягостная картина хаотической стройки. Первое, что бросается в глаза, когдаходишь на территорию музея,— большой корпус без крыши, с пустыми глазницами окон, с облупившейся побелкой, не дом, а скорее руины. Четыре года назад порядка здесь было больше.

К другим монастырским постройкам прилепились строительные леса, лестницы-временки. Оконные переплеты с выбитыми стеклами, выкрошившиеся карнизы, трещины на стенах, провисшие кровли, проросшие травой кирпичные арки, каменные завалы. Только внимательно присмотревшись, начинаешь замечать кое-где белые пятна недавней побелки, участки свежей кирпичной кладки, новые оконницы, еще не потемневшее от непогоды железо кровельных заплат, но все это какими-то лоскутками, фрагментами. Видно, взялись реставраторы за восстановление одного памятника, что-то сделали, что-то недоделали и перешли на другой, на третий, оставив после себя строительный мусор, леса, механизмы.

Как выяснилось, в Соловецком кремле до сих пор ведется лишь архитектурная реставрация с усилением или заменой отдельных строительных конструкций, но до работы по приспособлению памятников к использованию и по благоустройству еще «руки не дошли». Почему-то реставрационные работы производятся сразу на многих объектах, имеют лоскутный характер: где кровлю латают, где столяркой занимаются, где вычинкой или кладкой, где усилением конструкций — всем понемногу. При таком распылении усилий и материалов трудно ожидать хороших результатов. Планом реставрационных работ на 1975—1980 годы было предусмотрено восстановление и введение в эксплуатацию 29 памятников. До настоящего времени ни один из этих объектов полностью не завершён. А качество работы...

Впрочем, предоставим слово специалистам. Летом 1981 года на Соловках работала комиссия Министерства культуры РСФСР. В частности, она отметила: «Качество отдельных выполненных работ низкое: по кровле имеются протечки, штукатурка и обмазка сделаны неряшливо, дверные полотна навешиваются из необструганного материала, имеют щели, грубо поставлены деревянные штапики на окнах и т. д. Деревянные конструкции не антисептированы» (и это при соловецком-то влажном климате!).

Стоит ли удивляться, что процесс разрушения памятников еще не приостановлен полностью, что морские ветры и дожди, резкие перепады температуры, морозы и всепроникающая влажность успешно соперничают с неторопливыми реставраторами? Протечки в кровлях и щелястые двери помогают разрушительной работе стихии.

В музейном комплексе Соловецкого кремля до сих пор нет современного водопровода, канализации, системы молниезащиты, пожарно-охранной сигнализации, дренажа, а главное — теплоснабжения, без чего невозможно поддерживать даже отреставрированные памятники.

Недавно были завершены работы по реставрации подвалов Преображенского собора. Реставраторы трудились умело и тщательно. Были восстановлены стены и кирпичные своды, обрели свой первоначальный вид кирпичные полы, окна-отдушины, ниши, переходы, проведено электричество. Но осматривать подвалы мне пришлось с переносным фонарем: сырость привела в негодность всю электропроводку. Вода капает с потолков, с арок дверных проемов, струится по кирпичным стенам, лужицами скапливается на полу. Долго ли продержатся кирпичные конструкции в такой мокряди? А потом что? Начинать реставрацию снова?

Другой пример — знаменитая Трапезная палата Соловецкого монастыря, архитектурный шедевр высшего ранга. Здесь все впечатляет: и грандиозные по тому времени размеры (постройка середины XVI столетия), и архитектурное своеобразие. Огромный двухсветный зал Трапезной палаты имеет высоту в 6,75 метра, кирпичные своды опираются на единственный круглый столб, который тоже поражает своей мощью — диаметр его составляет без малого 4 метра! Когда-то за длинными столами здесь одновременно усаживались более 400 человек, и не удивительно: площадь Трапезной палаты превышает 480 квадратных метров, всего на 13 квадратных метров меньше московской Грановитой палаты. Словом, уникальный памятник, требующий особого внимания реставраторов.

Следует признать, что такое внимание было, и сделано по восстановлению Трапезной палаты и примыкающей к ней Келарской палаты много. Укреплены стены и своды, заново выложены кирпичом разрушенные детали убранства, проведена вычинка окон, арочных перекрытий и самого центрального столба, сделаны деревянные полы и многое другое. Казалось, еще немного усилий, и Трапезная палата будет готова для музейного или какого-нибудь иного использования (были проекты превратить ее в концертный зал). Однако на пороге завершающих, отделочных работ пришлось остановиться: в Трапезной палате, как и в других реставрируемых памятниках Соловецкого кремля, до сих пор нет системы отопления и вентиляции. Застекление окон привело бы к нарушению влажностного режима. И стоит поныне Трапезная палата пустой, продувается беломорскими ветрами насквозь. Долго ли она выдержит? И не придется ли спустя какое-то время снова ее восстанавливать?

Распыленность средств по многим объектам реставрации. Лоскутный характер реставрационных работ... Отсутствие необходимых инженерных коммуникаций... Невысокое качество выполненных работ... Общая картина хаотической нескончаемой стройки... Неужели этого не видят те, кто восстанавливает для народа Соловецкий кремль?

Отлично видят и болеют за организацию дела — люди на Соловках подобрались молодые, энергичные, работающие. Запомнились мне горькие слова парня в студенческой стройотрядовской куртке, который, собирая инструменты перед «переброской» на другой объект, посетовал: «Разве это работа! Страдания это соловецкие, а не работа!»

Кто же виновен в «соловецких страданиях»?

Вернемся к этому главному вопросу несколько позднее, когда познакомимся с тем, что окружает могучие крепостные стены, потому что Соловецкий историко-архитектурный и природный музей-заповедник — это не только сам кремль, но и еще добрых полторы сотни памятников, разбросанных по Большому Соловецкому острову и пяти другим островам архипелага. Скиты, лабиринты, старинные хозяйственные и жилые постройки, судоходные каналы и дамбы между озерами, уникальные природные ландшафты. С этими памятниками дело обстоит еще хуже. Если в кремле все-таки производятся восстановительные работы, то остальные памятники фактически беспризорны. Из многочисленных соловецких скитов используются, в основном, только двухэтажный деревянный корпус и валунные постройки в Исакове, где функционирует база отдыха. Единственный восстановленный келейный корпус в Савватьеве недавно сгорел. Постепенно разрушается 800-метровая каменная дамба между Большим Соловецким островом и Муксалмой. Кто и когда будет спасать это уникальное инженерное сооружение прошлого века, пока не определено.

Четыреста лет соловецкие рукотворные дороги, пока с ними обращались по-хозяйски, верно служили людям. Еще сравнительно недавно можно было проехать на автобусе от кремля к Секирной горе и дальше к Савватьеву и Исакову — увлекательным кольцевым маршрутом по лесным дорогам и озерным дамбам. Или в другую сторону от кремля: к Муксалме, к губе Долгой, на Ребалду. Теперь даже для «газика» с двумя ведущими осями преодолимы лишь два коротких тупиковых маршрута: к Секирной горе или к Исакову. Не выдержали автомобильного движения соловецкие дороги, начали расползаться, покрылись ухабами и ямами, заполненными водой, а кое-где через дорожное полотно уже переливается вода из одного озера в другое. Это — еще одна острая проблема. Соловецкие озера располагаются на разном уровне, поддерживаются искусственными дамбами, и прорыв этих дамб может привести к трагическим, непредсказуемым последствиям.

Но вернемся к дорогам, по которым проходят основные туристские маршруты. Состояние их таково, что туристы с трудом пробираются по ним даже в резиновых сапогах. Нигде не видно следов даже текущего ремонта, хотя пришло время не просто ремонтировать дороги, но и восстанавливать.

Поселок вокруг кремля не благоустроен, в нем нет даже клуба. По набережной Святого озера, обычном месте прогулок туристов, ходить следует с опаской — ступишь шаг в сторону с дощатого тротуара и рискуешь провалиться в залитую водой яму, хитро прикрытую травой. Неумолчно шумит вода в руинах бывшей монастырской гидроэлектростанции. Никто ею не интересуется, возят топливо для новой тепловой электростанции с материка. Зброшен сухой док. В поселке все еще нет водопровода, канализации, очистных сооружений, тепловых сетей. Таково «обрамление» выдающегося архитектурного памятника русского средневековья.

Есть много объяснений, почему именно так, а не иначе обстоят дела на Соловках. Разные люди называют разные причины, и, наверное, в каждом объяснении есть своя доля истины.

Однако следует, пожалуй, выделить из этого множества причин основную, определяющую, которая в конечном итоге порождает общую неразбериху и несогласованность в благородном деле возрождения памятников Соловецких островов. Корень зла, как мне

представляется, надо искать в проектировании и организации работ.

Начну с того, что объединение «Союзреставрация» Министерства культуры СССР, которому была поручена разработка проектной документации по реставрации и функциональному использованию памятников Соловецкого кремля, до сих пор не представило генерального плана реставрационных работ, хотя, к слову сказать, уже «освоило» на эти цели только в минувшей пятилетке около 140 тысяч рублей.

Техническая документация, выдаваемая «Союзреставрацией», как правило, некомплектна, касается отдельных видов реставрационных работ, в лучшем случае — выборочных объектов. Многие реставрационные работы выполняются только по сметам, дефектным ведомостям или эскизам в журнале архитектурного надзора.

Положение усугубляется тем, что сам архитектурный надзор осуществляется нерегулярно, на месте решения не принимаются, что неизбежно приводит к разработке многочисленных вариантов, к удорожанию и даже к полной остановке отдельных реставрационных работ.

За многие годы «Союзреставрацией» выпущено значительное количество проектов реставрации отдельных сооружений. Причем последующие проекты часто изменяют ранее принятые. Никто толком не знает, сколько имеется в наличии проектных материалов, какие из них действующие, а какие уже изменены или вообще отменены — инвентаризация накопившихся проектов не производилась.

Текущая техническая документация поступает несвоевременно. Так, по состоянию на 1 июля 1981 года еще не поступила документация, которая должна обеспечить выполнение реставрационных работ в 1982 году.

О какой ритмичности, о какой концентрации сил и средств на наиболее важных объектах и комплексах объектов можно говорить в таких условиях?

Еще хуже обстоит дело с восстановлением объектов вне территории Соловецкого кремля. За проекты реставрационных работ отвечают несколько организаций. Каналами судоходной системы внутри Большого Соловецкого острова, например, занимается «Ленгипроводхоз», благоустройством поселка, дорогами и жильем — Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР. Нет единого генерального проектировщика, который бы координировал выполнение проектных работ по всему комплексу Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Министерство культуры РСФСР предлагало возложить выполнение проектной документации на реставрацию и приспособление памятников всего Соловецкого архипелага на «Союзреставрацию» или же передать имеющуюся проектную документацию объединению «Росреставрация», которое взяло бы на себя функции генерального проектировщика, но оба эти предложения не нашли поддержки.

Я не беру на себя смелость рекомендовать, какая именно организация должна стать генеральным подрядчиком, генеральным проектировщиком, наконец — заказчиком. Но одно совершенно ясно: у Соловецких островов должен быть один хозяин. И хозяин ответственный, полностью отвечающий за сохранение и использование памятников всего Соловецкого архипелага, а не только кремля, Исакова или Муксалмы, «говорливого камня» или дамбы.

Проблему Соловков, как мне кажется, можно определить на-

родной пословицей: «У семи нянек дитя без глаза». Пришло время принимать срочные и безотлагательные меры. Необходимо определить для Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника ответственного и единоличного хозяина, способного координировать и осуществлять все необходимые работы по проектированию, реставрации памятников и приспособлению их к использованию, по благоустройству поселка и вообще всей территории острова. Определить и наделить хозяина необходимыми полномочиями, чтобы разрешать возможные межведомственные споры, потому что в благородном и нелегком деле возрождения Соловков переплелись усилия многих министерств и ведомств — Министерств культуры СССР и РСФСР, Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Центрального и Российского республиканского советов по туризму и экскурсиям, местных архангельских организаций и других.

А начать, видимо, следует с разработки единой долгосрочной программы возрождения Соловков и их использования в интересах науки и коммунистического воспитания трудящихся — программы научно обоснованной, тщательно и всесторонне продуманной, организационно четкой, учитывающей реальные возможности и наиболее эффективные пути решения поставленной задачи.

Видимо, удобнее и целесообразнее осуществлять контроль за ходом работ на месте Архангельскому областному Совету народных депутатов. Это соответствовало бы духу и букве закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», статья 8 которого требует от местных Советов обеспечить охрану, использование, выявление, учет и реставрацию памятников. Законом же четко определены права и обязанности всех государственных и общественных организаций в патриотическом деле охраны и использовании памятников истории и культуры.

В связи с этим мне хотелось бы поговорить о Северном двореке Соловецкого кремля. Северный дворик не только имеет уникальные историко-архитектурные памятники, такие, например, как Иконописная и Чоботная палаты XVII века, но, по замыслу проектировщиков, должен в будущем стать культурно-бытовым центром всего музея-заповедника. Сейчас здесь функционирует турбаза. Это разумно и правомерно. Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» допускает использование этих памятников «в хозяйственных и иных целях» (статья 21). Но одновременно законом предусматривается, что «предприятия, учреждения и организации, в собственности или пользовании которых находятся памятники истории и культуры, несут ответственность за их сохранность», причем реставрация и ремонт памятников «осуществляются за счет средств пользователей» (статьи 25 и 32), и сама передача памятников в пользование другим организациям оформляется соответствующим договором. Ничего этого не сделано. Неоднократные просьбы Министерства культуры РСФСР к туристическим организациям принять в аренду памятники Северного дворика остаются безрезультатными, достигнута лишь предварительная договоренность о передаче в 1982 году части памятников Центральному совету по туризму и экскурсиям ВЦСПС для приспособления под турбазу с соответствующими службами культурно-бытового назначения, а завершение необходимых реставрационных и восстановительных работ выносится за пределы текущей пятилетки (вплоть до 1988 года)! Не такой ли правовой неурегулированностью

отношений между музеем-заповедником и турбазой объясняется крайне недостаточное участие туристических организаций в финансировании реставрационных и восстановительных работ в Соловецком кремле, хотя именно они являются основными «пользователями» памятников Соловецкого архипелага?

Конкретные пути решения многих вопросов, стоящих сейчас перед Соловецким историко-архитектурным и природным музеем-заповедником, определены в Законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». К сожалению, возможности, предоставленные советским законодательством, используются еще не в полной мере. А в отдельных случаях небесполезным было бы и вмешательство органов прокурорского надзора, призванных следить за исполнением законов. Памятники истории и культуры — народное достояние, его нужно сохранять бережно и постоянно.

В. КАРГАЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

После отбытия наказания за спекуляцию А. Морзунова по-ступила работать сторожем-дворником в ясли-детсад № 39 в городе Орле. Выводов из прошлого наказания она не сделала и вновь занялась преступным промыслом. Морзунова скупала в магазине серьги, цепочки, перстни и перепродавала их по завышенным ценам. За спекуляцию в крупных размерах она осуждена к 6 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Директор совхоза «Лопуховский» Руднянского района Волгоградской области В. Давыдов строил хозяйственные объекты только силами «шабашников». При этом им переплачивались тысячи рублей сверх государственных расценок. Работа «шабашников» не контролировалась. Некоторое время спустя все эти постройки начали разваливаться. За злоупотребление служебным положением, в результате которого совхозу был причинен существенный материальный ущерб, Давыдов осужден на два года лишения свободы. Суд постановил взыскать с него деньги в погашение ущерба.

Житель Баку Р. Межлумов нигде не работал. Он разъезжал по разным городам и скупал в магазинах краску, обои, кафель, сантехоборудование. Вместе со своим отцом М. Меж-

лумовым, работающим дворником, он распродал эти товары по повышенной цене. Часто ему помогал и его приятель Г. Саркисян. Однажды, за взятку, отпустил товары спекулянтам заведующий магазином № 113 «Вакхозторга» Х. Алиев.

Насиминский районный народный суд приговорил за спекуляцию Р. Межлумова к 5 годам, Г. Саркисяна — к 3 годам лишения свободы с конфискацией имущества. М. Межлумов осужден на 3 года лишения свободы условно (был учтен его преклонный возраст). Х. Алиеву за соучастие в спекуляции, злоупотребление служебным положением и получение взятки определена мера наказания в виде лишения свободы сроком на 7 лет с конфискацией имущества.

В распоряжении кладовщицы-комплектовщицы одного из заводов Новосибирска Н. Грушкиной находились различные детали. С помощью своего мужа, слесаря того же предприятия Н. Грушкина, она похищала эти детали, а затем Грушкин продавал их на вещевом рынке. Вскоре соучастником супругов стал их родственник В. Анашкин, вернувшийся после отбытия наказания из места лишения свободы. Когда были похищены два ценных прибора, администрация предприятия заявила в органы милиции. При обыске у Грушкиных обнаружили похищенные приборы и инструменты на общую сумму 1175 рублей. Суд приговорил Анашкина к 6, Грушкина к 4, Грушкину к 3 годам лишения свободы.

В. МИХИН,
кандидат исторических наук

АРАБСКАЯ ПАЛЕСТИНА ПОД ПЯТОЙ ОККУПАНТОВ

Завершившая свою работу в начале февраля чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на повестке дня которой стоял вопрос об израильской аннексии сирийских Голанских высот, квалифицировала эти действия Тель-Авива как «незаконные и недействительные», как «акт агрессии» против суверенного государства. Впервые Генеральная Ассамблея ООН не только осудила израильских правителей, но и призвала своих членов применить санкции в отношении агрессора. Их спектр широк и многообразен. Это отказ от поставок оружия и предоставления любой военной помощи, прекращение экономических связей, финансовой и технической поддержки Израиля и многие другие меры.

Отвергнув притязания Тель-Авива на Голанские высоты, Генеральная Ассамблея ООН вместе с тем подтвердила первостепенную необходимость полного и безоговорочного ухода Израиля со всех оккупированных в 1967 году палестинских и других арабских территорий, включая Иерусалим. Именно это является первоочередным условием установления всеобъемлющего и прочного мира на Ближнем Востоке, справедливого решения проблемы арабского народа Палестины, который более тридцати лет лишен родины. Одна часть четырехмиллионного народа рассеяна по разным странам арабского мира, другая — томится под военным сапогом израильских оккупантов.

Захват палестинских земель

«Оставалось три недели до наступления жатвы, когда над палестинской деревней Акраба появился израильский самолет. Пролетев несколько раз над полями, он оставил после себя густое облако гербицидов. Через восемь часов все было кончено. Ядовитый дождь уничтожил всю пшеницу на площади в 500 гектаров».

Это сообщение пришло с Западного берега реки Иордан, который вот уже пятнадцать лет находится под израильской оккупацией. Несколько сотен гектаров земли, на которых кормились три тысячи палестинцев, в результате обработки ядами превратились в пустыню. Затем в деревню пришли израильские солдаты и силой застави-

ли жителей покинуть дома. Со слезами на глазах женщины, старики, дети смотрели, как мощные бульдозеры сносят их лачуги. Старосте было объявлено, что территория деревни отводится под военизированное поселение. Так еще несколько тысяч палестинцев стали изгнанниками на своей родной земле.

В «интересах безопасности» оккупанты отбирают у исконных жителей земли и создают на них стрельбища, полигоны, казармы или военизированные поселения. Эти поселения, которые официально называются «глазами, ушами и корнями Израиля», должны, по заверениям гель-авивских правителей, «защищать еврейское государство от проникновения арабских партизан». Но на деле они служат, как и в прошлом, плацдармами сионистской колонизации территории, отведенной ООН под арабское палестинское государство. Сейчас на оккупированных израильянами арабских землях создано более 120 таких деревень-крепостей.

Изгнание палестинцев с земель, захват их собственности — важнейшая задача израильских сионистов. Многие законы о земле Израиль унаследовал от британской администрации, и сейчас они играют важную роль в проведении сионистским правительством политики откровенного грабежа. Так, например, власти Тель-Авива объявили «закрытой зоной» целые районы оккупированных территорий, которые уже заселены израильскими колонистами. В числе «закрытых» оказались и десятки деревень, население которых объявлено «эмигрировавшим».

В Израиле действует целый ряд законов, призванных всемерно облегчить захват арабских земель, наиболее важным из которых является «закон о конфискации покинутых земель». На основании его положений израильское правительство присвоило земли примерно 300 арабских деревень общей площадью 3,5 миллиона дунамов*, в том числе около 80 тысяч дунамов залежных земель и более 200 тысяч дунамов лесов. Этот закон объявляет «эмигрантами» всех, кто был насильно изгнан со своей земли или за пределы Израиля. Имущество эмигрантов конфискуется.

Что касается предусмотренной законом компенсации бывшим владельцам земель, то она определяется, исходя из стоимости земли на январь 1950 года, когда из-за неопределенности статуса и прав их владельцев цены на землю были крайне низкими. Но до сих пор лишенные земли арабские крестьяне не получили этой мизерной компенсации.

«Закон об истечении срока», принятый в 1958 году, дал возможность сионистскому государству полностью распоряжаться арабской землей. В соответствии с ним многие палестинцы лишились прав на свою землю, а другие были изгнаны, несмотря на то, что их предки трудом многих поколений сделали пригодными для сельского хозяйства поля, а сами они всю жизнь их обрабатывали. Поправка 1960 года к «закону о земле» дала израильскому правительству возможность переводить общественные земли палестинцев из одной категории в другую и тем самым использовать их прежде всего для заселения новыми поселенцами-евреями.

Стремясь заставить арабов покинуть землю отцов и пращуров, правительство Израиля приняло ряд законов, которые хотя и не устанавливают прямо дискриминации по национальному признаку,

* 1 дунам = 0,1 гектара.

однако зиждутся на расистских принципах. Так, основополагающим в правовой системе израильского государства стал «закон о возвращении». В соответствии с ним евреям предоставляются особые права на возвращение и автоматическое получение ими израильского гражданства. В то же время большинство арабов — жителей Израиля по решению властей не имеют израильского гражданства и даже права на его получение.

Если арабский ребенок родился за пределами страны, то он никогда не станет израильским гражданином. Но уже появились новые поколения арабской молодежи, родившейся после образования государства Израиль и выросшей на его территории, однако не имеющей израильского гражданства. В 1968 году принята новая поправка, касающаяся права на гражданство тех арабов, которые родились после 1948 года. Министру внутренних дел он дает право принять или отклонить подобную просьбу. Малейший проступок, когда-либо совершенный подавшим заявление, может явиться «основанием» лишить его права на получение израильского гражданства.

«Экономический террор» оккупантов

Наряду с этими мерами израильское правительство использует и различные формы экономического давления на арабов-палестинцев. По свидетельству французского журнала «Монд дипломатик», промышленность оккупированных земель постепенно приходит в упадок. В период с 1969 по 1978 год число промышленных предприятий на Западном берегу реки Иордан снизилось на 35 процентов. Только за три последних месяца 1980 года там закрылось еще 240 предприятий. Этот процесс отмечается и сейчас. На тех предприятиях, что продолжают существовать, занято теперь менее 15 тысяч палестинцев.

Ограниченность рынка, растущая себестоимость продукции, конкуренция израильских предприятий, пользующихся различными льготами (более низкие налоги, освобождение от таможенных пошлин, кредитование на льготных условиях, субсидии), тяжелое бремя налогов, устанавливаемых израильским правительством, в том числе так называемый «налог на добавленную стоимость» в размере 12 процентов, — все это служит серьезным препятствием для развития местной промышленности на оккупированных территориях.

«Трудности в плане импорта оборудования столь велики (бесконечные ходатайства или, например, обязанность действовать через израильское агентство), что большинство предпочитает покупать поддержанное оборудование на израильском рынке, — заявил журналистам экономист Наблусского университета А. Наджах. — А это неизбежно ведет к снижению производительности».

Нынешняя политическая обстановка и неуверенность в отношении будущего статуса оккупированных территорий отнюдь не поощряют вкладчиков капитала. Так же, впрочем, как и инфляция, привнесенная сюда израильской валютой — шекелем, находящимся в состоянии хронической девальвации. Нехватка средств для краткосрочного и долгосрочного финансирования вызвана, главным образом, тем, что с 1967 года здесь фактически не существует банковской системы как таковой. Арабские банки, закрытые с первого же

дня оккупации, так и не возобновили свою деятельность. Филиалы же израильских банков предлагают палестинцам лишь ограниченные займы под исключительно высокие проценты и осуществляют элементарные текущие операции.

«Военная администрация,— заявил в этой связи председатель Торгово-промышленной палаты Наблуса,— систематически отклоняет все промышленные проекты, способные создать конкуренцию для израильских промышленников, идет ли речь о строительстве, модернизации или расширении какого-либо предприятия. То же самое касается открытия палестинского банка».

Израильские власти жестоко расправляются с участниками массовых выступлений на оккупированных территориях. В ходе имевших место столкновений десятки арабов получили тяжелые увечья, произведены массовые аресты.

На снимке: арест арабского подростка, участника антиизраильских выступлений.

Фотохроника ТАСС.

Война арабской культуре

Наряду с беззастенчивым захватом арабской земельной собственности израильские власти проводят политику моральной и духовной иудаизации арабского населения в надежде лишить его национальной самобытности. Сразу же после оккупации арабских территорий в 1967 году израильский министр просвещения пересмотрел школьные программы. Все, что говорило о любви к родине, о чувстве национального самосознания или о национальных моральных ценностях палестинцев, было выброшено из учебников, вплоть до такой безобидной песни, которую учили наизусть многие поколения школьников: «Мир тебе, дорогая отчизна, как хорошо на лоне твоём петь и жить!»

Учебные программы для арабов составлены так, чтобы отучить их мыслить. «Наша политика в отношении арабов состоит в том, чтобы как можно дольше оставлять их невежественными, делать все, чтобы как можно меньше учеников после окончания школы попадало в университеты,— откровенно признал бывший советник премьер-министра.— Если арабы будут образованны, ими будет трудно управлять. Они нужны нам как лесорубы и водовозы».

Арабов вообще не принимают в высшие учебные заведения на факультеты прикладных наук, медицины. При приеме на другие факультеты решающее значение имеют не знания, а политические взгляды абитуриента-араба. Администрация университетов, не говоря уже о министерстве просвещения, не признает каких-либо организаций или союзов арабских студентов. Даже на факультетах арабского языка студенты-палестинцы вынуждены слушать лекции по родной словесности на иврите — государственном языке Израиля. Только очень немногие арабы, окончившие высшую школу или университет, могут рассчитывать на работу по специальности. Основная масса выпускников меняет профессию или соглашается на любой вид работы.

Сейчас высшие учебные заведения на оккупированных арабских территориях должны получать ежегодные разрешения на деятельность, которые военный губернатор может отменить в любой момент. Более того, губернатор имеет право контролировать набор и увольнение преподавателей и административных работников, прием и исключение студентов, производить ревизию учебных программ и списков рекомендуемой литературы. Причем разрешение на чтение лекций для каждого преподавателя университета получают сроком на 15 дней. Любой человек, хоть раз задержанный по «соображениям безопасности» или подвергшийся допросу, не имеет права преподавать.

Как утверждают военные власти, цель приказа — «оградить от неудовлетворительного преподавания»... Но именно эти ограничения и снижают качество учебной работы. Ведь преподаватели не могут спланировать свой курс, не будучи уверенными даже в том, что вообще останутся на работе. Высшие учебные заведения лишены возможности составлять даже краткосрочные учебные планы, поскольку в любой момент армейские офицеры могут отобрать разрешения на работу у любых преподавателей. Так, например, в ноябре 1981 года было отменено разрешение на преподавание в университете Бир-Зейт профессора Джавада Баргути, приглашен-

ного из университета штата Северная Каролина. Другому профессору-иностранцу, Валиду Мустафе, в июне 1980 года предложили покинуть страну в течение 72 часов. И уж совсем не церемонятся оккупанты с преподавателями из местных арабов. Так, в ноябре 1981 года в том же университете Бир-Зейт ни одному из 40 преподавателей (20 из них палестинцы) не было выдано разрешение на работу. В таком же трудном положении оказалось 30 преподавателей в университете Ан-Наджах и 20 — в Бетлехемском университете. Но еще чаще преподавателям-палестинцам просто не выдают обязательного разрешения на поездки от дома до здания университета, где они работают.

Военные власти строго контролируют приобретение книг, журналов и лабораторного оборудования. Все ввозимые в Израиль и на оккупированные им территории книги подлежат цензуре. Строго запрещен ввоз книг по ядерной физике, а также различного научного оборудования. В библиотеке университета Бир-Зейт висит список из 1187 книг, запрещенных с 1977 года. Там все — от палестинского фольклора до исламского учения.

Наконец, весь в целом учебный процесс ежеминутно находится под угрозой из-за постоянных инспекций военных властей, ежедневных вызовов студентов, преподавателей или администрации на допросы и объяснения, избиений студентов и преподавателей, разных провокаций, приводящих к срыву занятий, вплоть до забрасывания гранат со слезоточивым газом в аудитории, обстрела скопления студентов боевыми патронами (а отнюдь не резиновыми пулями, которыми, по словам оккупантов, они при этом пользуются).

В израильских застенках

При рассмотрении проблемы Палестины в ООН практически на каждой сессии ее Генеральной Ассамблеи действия сионистских колонизаторов квалифицируются в принимаемых резолюциях как ничем не прикрытый геноцид в отношении палестинцев и других арабских народов. Полностью противоречит международному праву и осуждена ООН заимствованная сионистами у гитлеровцев и узаконенная Израилем система коллективных наказаний семей, деревень, лагерей беженцев, целых городов, а порой и целых арабских стран за действия палестинских партизан или иные формы сопротивления оккупантам, а также за поддержку Организации освобождения Палестины.

В самом Израиле и на оккупированных им землях обычная мера наказания палестинцев — это введение комендантского часа. В результате большие общины людей (какой-то лагерь беженцев или даже целый город, скажем Хеброн) находятся под домашним арестом в течение двух или трех недель.

Наряду с этим проводятся массовые аресты. Происходит это всегда одинаково — во мраке ночи.

«22 марта 1981 года в час ночи, — рассказывает Раймонда Тауиль, палестинская журналистка из Рамаллаха, которую 45 дней держали под арестом, — я услышала удары в дверь. Я сказала сыну: «Раз стучат ногами, значит, это солдаты». Мы открыли дверь. Их было девять — семеро в штатском и двое в мундирах, в том числе женщина-солдат. Они приехали на пяти автомашинах. Они взяли мои книги и бумаги и отвезли меня в израильский полицей-

ский комиссариат. Сонный солдат открыл мне двери сначала первым ключом, потом вторым, сказав при этом: «Смотрите, еще одна посетительница».

Но иногда арестовывают более... цивилизованно: с помощью повестки. Палестинец получает повестку с приглашением явиться в полицейский участок «на беседу». Так произошло с одним из братьев Хафеза Наззала, 17-летним Мунзиром, который получил в начале мая прошлого года повестку с приказом явиться в полицейский секретариат. «Я проводил его в полицию,— рассказал Хафез Наззаль корреспонденту французской газеты «Матэн».— Он взял с собой учебники, полагая, что после краткого допроса пойдет в школу. Но наступил вечер, и они заявили, что допрос еще не окончен. И мне пришлось обратиться к адвокату Лии Цемель с просьбой взять на себя его защиту». Мунзир до сих пор находится в тюрьме.

Часто вызов палестинцев в полицейский комиссариат не имеет даже повода. Осуществляется просто профилактическое запугивание. «Они выходят на свободу через два или три дня с мрачными лицами и ни о чем не рассказывают. Они слишком испуганы»,— так говорит один из тех немногих адвокатов, которые рискуют заниматься в Израиле судьбой политических заключенных-палестинцев. Как сообщило палестинское информационное агентство ВАФА, более 230 тысяч жителей Западного берега реки Иордан прошли через эту мучительную процедуру допросов и запугиваний, нередко сопровождающихся избиениями. Около 24 тысяч палестинцев и по сей день содержатся в застенках, подвергаясь истязаниям и пыткам.

Палестинцы говорят: «Нет!»

Вполне естественно, что палестинцы не могут мириться с отведенной им сионистами перспективой исчезнуть с лица земли, как народ. Под руководством Организации освобождения Палестины они развернули широкое движение сопротивления, последовательно антиимпериалистический характер которого оказывает большое влияние на все в целом национально-освободительное движение в регионе. В последнее время эта борьба все больше сливается с борьбой палестинцев как в самом Израиле, так и на оккупированных им территориях за свои элементарные человеческие права.

Признание ООП как единственного законного представителя арабского народа Палестины стало главной отличительной чертой сопротивления, которое в рамках Палестинского национального фронта на оккупированных территориях уже достигло высокой степени организованности и действенности. На постоянное нарушение прав человека палестинское население в Израиле, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы отвечает многочисленными демонстрациями и крупными забастовками, а также массовыми выступлениями в «День земли», который отмечается ежегодно 30 марта в память шести патриотов, зверски убитых израильской полицией.

Так, например, начиная с февраля этого года проходят массовые демонстрации протеста против оккупационного режима Тель-Авива, в которых принимает участие фактически все население. Израильская военщина бросила на подавление палестинцев усиленные от-

ряды полиции и подразделения регулярной армии, произвела многочисленные аресты. Однако эти меры не в состоянии затушить пламя борьбы, которое все более принимает характер общенародного восстания арабов-палестинцев против израильских оккупантов.

Уже несколько лет в Комитете ООН по правам человека обсуждается вопрос о нарушении этих прав на оккупированных арабских территориях. Принятая на 36-й сессии комитета резолюция (часть А) в самых резких выражениях осуждает массовые нарушения прав человека израильским правительством. В резолюции Израилю вменяется в вину выселение, насильственный увоз и изгнание арабского населения, разрушение домов, конфискация арабской собственности, массовые аресты, эксплуатация арабских ресурсов и рабочей силы, использование вооруженных израильских «поселенцев» на оккупированных арабских землях для совершения террористических актов против палестинцев.

В части Б резолюции Израиль обвиняется в несоблюдении Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, что несет серьезную угрозу миру и безопасности во всем мире. Однако агрессор не внимает призывам и усугубляет трудность положения все более широким захватом палестинской собственности, планомерным изменением демографической структуры арабских районов.

Новым доказательством игнорирования Израилем международного права стало беспардонное вторжение в Ливан и оккупация значительной части территории этого суверенного государства. В ходе агрессии идет настоящее уничтожение палестинцев в лагерях беженцев. При этом Тель-Авив не скрывает, что его конечная цель — ликвидация Палестинского движения сопротивления.

Аннексионистская политика Тель-Авива осуждается повсюду в мире. Многие справедливо задают вопрос: как долго, собственно, может это государство — член ООН столь вызывающе себя вести, нагло попирая любые резолюции мирового сообщества и принципы международных отношений?

Ответ совершенно ясен: агрессия Тель-Авива давно уже не осталась бы безнаказанной, если бы не всесторонняя помощь и поддержка израильского экспансионизма Соединенными Штатами Америки. Именно американский империализм оказывает Израилю щедрую финансовую — до 3 миллиардов долларов в год — помощь, предоставляет современное оружие, которое израильская военщина использует для удержания оккупированных арабских земель и для подготовки новых захватов.

Заключение сепаратных соглашений в Кэмп-Дэвиде и другие маневры США служат доказательством их откровенного отхода от политики всеобъемлющего и справедливого мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Своей военной истерией, подогреваемой усиленной гонкой вооружений, они создают максимально благоприятную атмосферу для израильского экстремизма. Политика Тель-Авива в отношении арабского народа Палестины становится составной частью глобальной стратегии Вашингтона, в которой Израилю отводится роль плацдарма империализма на Ближнем Востоке.

Однако никакие репрессии оккупационных властей, никакие маневры покровителей сионистов, в том числе кэмп-дэвидская сделка и ведущиеся в ее рамках переговоры о так называемой «палестинской автономии», не в состоянии заставить палестинцев отказаться от борьбы за свои законные права.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ: МИФЫ И СИМВОЛЫ СТРАНЫ „ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ“

ТИПИЧНО НОВОЗЕЛАНДСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

«Он сидел в автомобиле и слушал радиожурнал. В это время его жена Джун с младшим из сыновей зашли в магазин купить мороженое. В конце магазинного ряда Малькольм — так звали отца, сидевшего в автомобиле, — заметил трех парней маори, присматривавшихся к его автомобилю. Затем самый рослый и плотный из них подошел к Малькольму и потребовал машину — «покататься».

Малькольм — бывший военнослужащий ВВС — не привык, чтобы с ним разговаривали подобным тоном, и резко отказался выполнить их требование. Тогда к автомобилю подошел еще один из троих. Позже, в суде, он признался, что спросил Малькольма, «не хочет ли тот быть убитым за один доллар».

Дальнейшие события развивались стремительно. Подоспевший третий наотмашь, с разбега ударил Малькольма по лицу бутылкой лимонада. Малькольм со стоном согнулся в кресле, но сознания не потерял. Ничего не видя, он наткнулся рукой в ящичке для всякой мелочи на большую отвертку. Потом вне себя от ярости выпрыгнул из машины и бросился на самого рослого из напавшей на него тройки. Отвертка пробила толстый свитер. Парень упал. Двое других сбежали, но вскоре были задержаны, так как их имена были названы полицией пришедшим в себя задержанным участником нападения».

Это не выдержка из остросюжетного детектива, а начало статьи, помещенной в одной из крупнейших газет Новой Зеландии — «Окленд стар». Газета эта принадлежит Национальной партии, пред-

ставляющей интересы крупной буржуазии и фермеров, и на протяжении не одного десятка лет упорно придерживается проамериканского курса. Обширная статья в ней посвящена росту преступности в этом далеком как от Старого, так и от Нового света островном государстве.

Написана она тремя сотрудниками газеты, которые на основании многочисленных фактов и цифр убеждают читателя в серьезности поставленной ими проблемы — преступности среди новозеландской молодежи. Всячески подчеркивая свою объективность в подходе к проблеме преступности и постоянно оговариваясь, что ими использованы только голые факты и цифры (комментарии, мол, не их дело!), авторы все же основной акцент делают на коренных жителях Новой Зеландии — маори — и переселенцах с других островов Тихого океана.

Страна «всеобщего равенства и благоденствия» — так рекламирует с конца прошлого столетия Новую Зеландию буржуазная пропаганда. Впрочем, так же фальсифицируется социально-экономический уклад в любой другой промышленно развитой стране Запада; благоденствие правящего класса капиталистов беззастенчиво и бессовестно выдается за процветание всего населения. Одним из специфических мифов Новой Зеландии являются утверждения властей о том, что эта страна являет собой образец решения национальной проблемы, что «расовые отношения между маори — коренными жителями Новой Зеландии и потомками английских колонизаторов гармоничны и развиваются на основе равных прав и возможностей». Если же действительность свидетельствует о наличии в стране острых расовых конфликтов, то распространяется другой миф: о том, что в нарушениях этой «гармонии» повинны те же маори, не способные ассимилироваться или не желающие безропотно расстаться со своим историческим прошлым, со своей культурой и в будущем исчезнуть как народ. Именно отсюда все социальные беды Новой Зеландии. И одна из них — особо быстрый рост преступности среди «туземной» молодежи.

— Пересажать бы их всех по тюрьмам! — воскликнул в сердцах окружной судья Окленда. Да не где-нибудь, а в зале суда, где слушалось дело о происшествии, с которого мы начали рассказ...

— Жизнь здесь у нас стала приобретать багровые оттенки, — сказал как-то в беседе со мной один новозеландский студент... Нетрудно догадаться, что подразумевал он под этим преступность и кровопролитие.

За последнее время жизнь в Новой Зеландии, действительно, стала далеко не безопасной. Свидетельство тому — страх, охвативший граждан. Днем, не говоря уже о вечерних часах, люди с опаской идут по улицам и стараются выбирать оживленные места. Тихих улочек они избегают, обходят стороной. Ну, а если выбора нет, то с тревогой прислушиваются, не преследует ли кто-то их, не готовится ли на них нападение хулиганов или грабителей — все равно, «цветных» или «белых». Ведь граждане на опыте своем знают о размахе хулиганства, вандализма, преступности на улицах и в школах как среди маори, так и среди юных потомков английских поселенцев. Школы, как свидетельствует местная пресса, стали основным рассадником преступности, что вызывает особую тревогу у

новозеландских властей. А ведь редко какому выходцу из цветного населения случается дойти до шестого класса из-за высокой платы за образование.

Но вернемся к типично новозеландскому преступлению.

КТО ЖЕ ТИПИЧНЫЙ НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ПРЕСТУПНИК?

Автору случилось быть в зале суда, где слушалось это заурядное дело. И мне показалось, что тирады прокурора и судьи в адрес преступников звучали как-то особенно яростно. По всему было видно, что чаша терпения служителей Фемиды переполнилась.

— Мы обязаны остановить рост преступности в стране. И мы остановим его, даже если нам придется бросать таких парней за тюремную решетку сотнями,— этими словами, покрывшись испариной от напряжения, закончил свой монолог окружной судья.

Два правонарушителя, участвовавшие в нападении на Малькольма, были приговорены к 30 месяцам тюремного заключения. Вина третьего не была доказана. Характерна и логика обвинителя, требовавшего этого наказания: если преступление обвиняемых и не привело к тяжелым последствиям, да и длилось всего несколько минут, то оно посеяло страх у горожан надолго, на годы.

Может быть, поэтому данный случай был особенно тщательно проанализирован работниками юстиции. В результате было выявлено все то, что типично для новозеландских преступлений: ранения, нанесенные бутылками или иными предметами и инструментами, подвернувшимися случайно под руку; преступники — лица мужского пола (94,8 процента преступлений и других правонарушений совершают мужчины); оба преступника — молодые люди, применившие насилие (65 процентов преступлений совершается молодыми людьми в возрасте до 25 лет); преступление не просто групповое, но организованное (преступники связаны с шайкой, в данном случае — с наводящей ужас на жителей Окленда бандой некоего Нью Линна «Охотники за черепами», как они себя называют); наконец, еще одна типичная черта — нападение было совершено в состоянии опьянения (48 процентов преступлений совершается под воздействием алкоголя, указывает исследование Департамента юстиции Новой Зеландии).

Единственные два момента признаны нетипичными в нападении на Малькольма: во-первых, оно произошло среди бела дня, в то время как большинство преступлений совершается между 6 и 10 часами вечера; во-вторых, Малькольм ранее был не известен нападавшим (лишь 12 процентов нападений совершаются на случайные, не намеченные заранее жертвы).

Года два назад оклендская полиция сделала выборочный анализ тридцати преступлений с применением насилия. В результате был создан портрет типичного новозеландского преступника. Как указано выше, он, в большинстве случаев,— лицо мужского пола. Возраст — около 23 лет. Без определенных занятий и профессии. В прошлом неоднократно (до 7 раз) судимый по различным статьям. Как правило, не женатый и в большинстве случаев одинокий, предпочитает вообще не вступать в брачные отношения. Бросивший школу в раннем возрасте и к моменту совершения преступления всего шесть-

семь раз имевший случайные заработки на разовых или временных работах.

Из докладов полиции, в которых нарисован этот портрет, явствует, что в 1980 году 55,25 процента арестов, совершенных в Окленде, приходится на маори и так называемых «островитян» — выходцев с островов Полинезии.

Рассматривая связь между преступностью и растущей безработицей в стране, местное светило социологии, некий доктор Кун, печатающийся во всех газетах Окленда, наконец-то обнаружил между ними... прямую зависимость! Как чуть ли не о своем открытии Америки он сообщает, что почти треть всех преступлений приходится на лиц, не имеющих работы.

А какие же выводы следуют из этой констатации? Да никаких, хотя проблема коренных жителей в Новой Зеландии действительно остра: ведь примерно каждый десятый житель страны — маори. Искать корни и методы врачевания социальных проблем не в традициях и правилах буржуазной печати. Для нее привычнее и предпочтительнее демагогически призывать к гармонии, ассимиляции, интеграции маори в современное общество или высказывать другие благие пожелания.

На этом попытки переустройства или совершенствования общества и кончаются!..

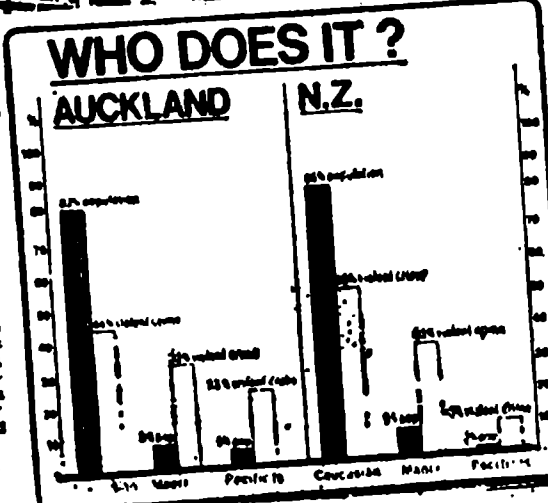
Почему же коренные жители — маори — являются главным объектом нападок со стороны печати, главными виновниками, козлами отпущения за все социальные конфликты в стране? Ответы на эти вопросы я по крупицам собирал в прессе, наблюдая жизнь улиц новозеландских городов, беседуя с их обитателями. Особенно запомнился мне разговор с одним новозеландцем, который по воле случая стал моим спутником на несколько дней.

AUCKLAND STAR

the violent years Pr

Unmasked, violence explodes

...the violent years...
 ...the Supreme Court...
 ...the violent years...
 ...the Supreme Court...
 ...the violent years...
 ...the Supreme Court...

Clearly influenced by the Kun study, the parliamentary select committee on violent offending concluded: "Most violent offending is committed by males from 16 to 24 years of age. A grossly disproportionate number of those convicted of assault, between 40 and 50%, are Maoris or of Pacific Island birth."

In January 1976, Auckland police made a random survey of some 30 violent offenders. They produced this identikit:

"He is most likely to be a male aged 23, a labourer by occupation, have previously appeared before a Court on seven occasions, not necessarily married but very likely to be single or in a de facto relationship, have left school at the earliest possible age and in his short time in the outside world have been through six different jobs."

ЛЮДИ «ВТОРОГО СОРТА»

«Трезвомыслящая» белая публика на Западе давно заучила наизусть как аксиому простую житейскую мудрость: национальные меньшинства равными с белым большинством правами обладать просто не могут. Новозеландские мещане — не исключение. Но далеко не таким оказался мой собеседник, студент Джек Дэви. Как-то, устав отвечать на мои бесчисленные «почему» относительно печального удела маори в Новой Зеландии, Джек в сердцах выпалил:

— Они неравноправны потому, что наши предки взяли на себя слишком много прав при завоевании острова. Те, кто знаком с историей, хорошо знают имя одного из идеологов колониализма середины девятнадцатого столетия Уэйкфилда — создателя теории «систематической колонизации».

Джек сделал паузу, перевел дух и заговорил медленнее, следя за тем, как я улавливаю смысл его слов:

— Его трактат пришелся по душе британским завоевателям. Еще бы! Ведь автор просто игнорировал факт существования коренного населения: земля и все дары ее должны принадлежать британцам — и олл райт! Аналогичным образом настроились и колонисты в Новой Зеландии. Они смотрели на маори как на «грязных дикарей», как на нечто промежуточное между человеком и животным. Вы понимаете, о чем я говорю? — посмотрел мне в глаза Джек.

— Весьма популярна в то время, — продолжил он, — была и теория об органической неспособности маори приобщиться к цивилизованному миру. Мало того, в одной из книг по истории Новой Зеландии утверждалось, что объем черепной коробки маори меньше, чем у англичан, и что поэтому маори в умственном отношении стоят значительно ниже белых...

Откровенность и искренность Джека покорили меня. Я вытащил блокнот, вопросительно взглянул на него, он утвердительно кивнул: можно!

— Конечно, подобный откровенный расизм давно уже не в моде. В упорной, неравной, длительной и кровавой борьбе с британским империализмом за само существование маори заставили признать свое национальное достоинство, получили формальное равноправие. Но борьба на этом далеко не закончена. Маори добиваются подлинного равноправия, подлинно равных возможностей. Между тем отношение к коренным жителям со стороны белых пришельцев прежнее — как к людям «второго сорта». Оскорбительное, унижительное отношение. Могу привести такой факт: в парламенте все маорийское население представлено лишь четырьмя депутатами из девяноста двух.

Мой собеседник обладал хорошей памятью. И чувствовалось, кроме того, что он не просто хорошо знаком с национальным вопросом, но что расовая проблема глубоко волновала его как гражданина:

— Около половины самодеятельного населения маори являются неквалифицированными сельскохозяйственными рабочими, лесорубами, рабочими, занятыми на расчистке кустарников под пастбища, мелкими ремесленниками. Лишь четыре процента совершеннолетних маори смогли получить высшее образование и профессии учителей, юристов, врачей, агрономов. Но работают они только в среде мао-

ри. Белые их чураются... А вот среди неквалифицированных рабочих,— Джек на секунду задумался,— доля маори достигает шестидесяти пяти процентов. Низкооплачиваемые, опасные и трудные виды работ, которых европейцы избегают, достаются в удел только маори. Результат этого — вопиющее неравенство и в распределении доходов между маори и белыми.

Джек многое разъяснил мне из того, что я заметил уже и сам на улицах новозеландских городов. Именно здесь бедственное положение маори перерастает в трагедию. В города цветное население устремляется из сельской местности в поисках лучшей доли. Люди бросают в деревнях обветшалые хижины и не пригодные для сельского хозяйства земли. Но, попав в города, маори, как правило, остаются не у дел. Здесь их никто не ждал, здесь и без них избыток рабочих рук. К тому же редко кому из деревни по карману комната, не говоря о квартире, а обратного пути в опустевшую родную деревню уже нет. Так люди попадают в заколдованный круг непреодолимых трудностей. Уставшие от нужды, сталкивающиеся всюду с глухим равнодушием, маори оказываются во власти чувства полной безысходности порядков. Отсюда глубокие психологические травмы, пьянство и преступность.

— Я вспоминаю,— закончил свой рассказ Джек,— маорийца Хахепу, сидящего, понуро опустив голову, в зале суда. Его осудили за кражу. Я смотрел на него и думал: что сейчас испытывает этот восемнадцатилетний парнишка? Всмотривался в его лицо, глаза, пытаюсь угадать. И, мне кажется, я ненамного ошибусь, если скажу, что в эти минуты перед осужденным проносилась вся его короткая жизнь — детство в нужде и полуголодное существование; школа, из которой его отчислили ввиду отсутствия у родителей денег на его обучение... А дальше — годы скитаний и мытарств. Став профессиональным бродягой, он забыл, когда у него была крыша над головой. Для него даже тюрьма — спасение от нужды, несколько месяцев сносного по сравнению со свободой существования...

Эмблемами Новой Зеландии, изображаемыми на почтовых марках, печатях учреждений и в рекламных картинках, сделана легендарная птица киви. Но Хахепа — это тоже своеобразный символ Новой Зеландии. Его судьба — типичный удел рядового представителя маорийской молодежи, лишенной будущего в этой безжалостной «благополучной» стране. И под созвездием Южного Креста, как в Старом и Новом свете, капитализм придавил малые народы, национальные меньшинства невыносимым бременем расового гнета, унизил их, лишил всяких человеческих прав и достоинства системой социального и расового неравенства, расовой дискриминацией.

Но среди бесправных маори, как и во всем народе Новой Зеландии, растут передовые, готовые к классовым боям силы, понявшие, что подлинный прогресс в национальном вопросе, как и решение всех болезненных социальных проблем, могут обещать лишь коренные преобразования буржуазного общества. И за эти преобразования, давно осуществленные в странах социализма, борются трудящиеся этой далекой от нас страны южного полушария.

ВЛАДИМИР ВИНОГРАДОВ

ПОВЕСТЬ

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ НА ДОПРОСЕ

Глава четвертая

Самым решительным и неумолимым показал себя ректор. «В приказ!» И словно одним щелчком трех букашек-вредителей отбросил, отстранил от защиты диплома на год.

Следователь представлял себе ректора — седовласого профессора, доктора наук, неоднократно награжденного, уважаемого коллегами, широкой научной и ненаучной общественностью. Труднее, но можно было представить и его взгляды на жизнь, на место ученого в обществе и проблемы воспитания юношества. Взгляды прочные, устоявшиеся. Возможно, их исток брал начало еще в гимназии, в ранней трудовой школе. Следователь думал, что ректор, если учился в университете до революции, то вряд ли носил шинель с белой подкладкой и шпагу. Скорей всего, он бегал по урокам, завтракал чаем и булкой, обедал в дешевой кухмистерской. Но более вероятно — ректор полностью изведаль полуголодный быт рабфаковца, носившего оставшуюся от гражданской войны шинель или тужурку рабочего. Красные руки, красные книги и красная косынка на голове у подруги. И все серое, черное, отживавшее освещалось этим прекрасным цветом. А может, в июльско-августовские дни сорок первого ушел в ополчение, с противогазом и в пенсне. Так или иначе, его честность прошла особую закалку. В этом следователь не сомневался. И не гадал, каким путем, сквозь тернии или с помощью катапульты, шло его восхождение. Твердым и непоколебимым, как аксиома, оставалось одно: профессор всегда и во всем исповедывал безупречную честность — гарантию научных успехов, положительных достижений на практике.

На ниве, которую взращивал колоссальный коллектив деканов, профессоров, доцентов, преподавателей и ассистентов, возглавляемый ректором и проректорами, золотилась не одна тысяча колосков. Из года в год институт выпускал высококвалифицированных специалистов народного хозяйства и науки. Из них вырастали потом талантливые руководители, крупные ученые, даже светила.

Но случалось, произрастали и негодные колосочки. Не сорняки, но попорченные, зараженные. Можно ли их оставлять, позволять портить других? Не лучше ли вовремя вырвать и отбросить? Тем более что неизбежно велась ежегодная прополка. Среди многочисленных, облепивших стены просторного вестибюля объявлений: о защите диссертаций, докладах на заседаниях научных кружков, о выезде агитбригады в подшефный совхоз, собрании секции подводного дзюдо, культпоходе на кондитерскую фабрику, повторном переносе заседания студкома по персональному делу студента Сванидзе, прошедшего по карнизам одиннадцатого этажа в женское крыло общежития, сеансе одновременной игры на сорока досках с гроссмейстером Б., о задолжниках библиотеки — раздвигали для себя место и приказы об отчислении за неуспеваемость, хроническую задолженность, систематические прогулы и за другое. К этим потерям не только привыкли как к обычным издержкам учебного и воспитательного процесса — они предсказывались неумолимой статистикой. Даже как бы планировались, словно утреска, усушка, бой.

Потому и происшедшее со студентками пятого курса такого-то факультета Людмилой С., Ириной Ф. и Лорой М. хотя и носило чрезвычайную окраску, волновало больше тем, что его виновницы

были не салажата с первого, а выпускницы. Если тех исключали почти без сожаления, то последних возвращали, пестовали, учили уму-разуму пять лет. Сколько затратили времени и средств! И впус-
тую?!

Нашли решение. Как наказание — исключить! А в окупаемость затрат — разрешить защиту через год.

Но следователя волновала их дальнейшая судьба. И его забота о судьбе трех студенток происходила не из чистого альтруизма или симпатии к этим молодым особам. Хотя и антипатии не было.

Он думал о рецидиве. Знал по опыту, что если совершивший преступление человек остается без должного внимания, неустроенным, неприкаянным, то вполне может повторить противоправное действие. Это относится и к воришкам, и к хулиганам, и к таким, как герои нашего повествования.

Когда говорят: «Идти на все четыре стороны», почему-то не думают: а какие они из себя, эти четыре? Гладкие, ровные, честные или же очень не безопасные для посланного и для тех, на кого наткнется он на одной из вольных четырех дорог? Об этом всякий раз думал следователь. Все так должны думать, к кому обращаются люди за помощью, за советом, за работой.

И почему провинившегося человека во всех случаях надо обязательно изгонять? Почему студента исключать из института? «Опозорил высокое звание студента? Пусть идет на завод! Пусть послужит в армии!» Позвольте, чем завод ниже института, а рабочий или солдат — нашкодившего студента? Нельзя допускать к работе или к обучению определенной специальности, если сам проступок противоречит этике данной профессии, отвергает ее задачи и цели. Скажем, проворовался продавец или завскладом — подальше от материальных ценностей. Садится пьяный за руль — отнять баранку. Занялся студент-медик подпольными абортами или перепродажей дефицитных пилюль — нужен ли обществу такой эскулап? Нечист на руку студент-юрист — хорош будущий блюститель закона! И в самом институте — нарушал дисциплину, лодырничал, не тянешь — уступи место достойному! Здесь и без суда ясно. Не всегда же суд.

Спорить с ректором было не только бесполезно, но и неловко: карательный орган, а защищает! Переговоры велись через его подчиненных, самого следователь не смог застать даже по телефону. И о ректоре осталось чисто умозрительное представление. Абстрактно-стереотипное.

Закон для всех один. Но он предусматривает различный подход к людям, совершившим одно и то же преступление. Учитывает характер и степень его опасности и личность виновного, многие обстоятельства, которые смягчают или отягчают вину. Наш закон потому и отрицает однозначные оценки, что зиждется на высокой морали, гуманизме. Его высшая цель — истина и справедливость, суровая и милосердная. И применение закона — задача и следователя, и суда — невозможно без учета тех самых моральных норм, которые так лихо отвергают Игорь Митрофанович и ему подобные.

Следователю предстояло еще много работы по этому делу, чтобы завершить его справедливым решением, от которого зависели судьбы многих. И он отвергал скоропалительные дополнительные меры наказания, в чем-то предрешающие и приговор, если человеку предстоит суд. Так он рассматривал и приказ об исключении трех студенток из института на пороге его окончания. Дело

еще велось, когда еще состоится суд, а вся троица оказалась между небом и землей. Курс обучения прошли, экзамены сдали, специальность приобрели, а... институт не окончили. И на все четыре стороны.

— Оставьте при институте. Хотя бы лаборантами. Ведь требуются! — убеждал следователь представителя администрации. — Куда же им теперь?

— Не можем. Плохой пример для остальных.

— Наоборот, хороший пример. Самое трудное для них — оказаться теперь среди однокашников. Позор ведь. Каково перенести. И другим наука, — возражал следователь. И добавлял не очень-то уверенно: — Не лишайте их воспитательного воздействия коллектива. Все же пять лет вместе.

Представитель не возразил относительно силы воздействия, но заметил, что того коллектива уже не будет. Получат дипломы и разъедутся. И приводил такой резон: «Если пяти лет мало оказалось, чего же добьешься за год? Что изменится? Нет, пускай узнают, почем фунт лиха, а то все няньки да мамки».

— Им нужен здоровый коллектив, так сказать, в комплексе. Молодежь, комсомол, преподаватели. Соответствующий уровень индивидуального подхода.

— Индивидуального? Да они же взрослые люди. Одна замужем. Ей-то кого прикреплять?

— Но вы же не будете отрицать...

— Не буду...

— И они ваши.

— Были. Теперь, скорей, ваши, — сказал так, словно предложил делать с ними что угодно. — Да, не углядели. Опозорили вуз, замарали честь студента, альма матер... Что им еще от института требуется?

— А дипломы?

— Пожалуйста. Пускай приходят через год и защищают.

Но еще шло следствие. Вызывались люди. Устанавливались новые факты. Несмотря на отказ Квасникова давать показания, следователь провел с ним очные ставки.

Симулянт оказался на высоте лицедейства. Появление Лоры не произвело на него ни малейшего впечатления. В ответ на ее показания что-то бормотал. Так же и на очной ставке с Людмилой. Девушек поразил вид бывшего «патрона». Вначале даже сжалились, но потом его поведение вызывало лишь презрение и смех.

Последней пригласили Ирину. Сделала несколько шагов и почувствовала в ногах вату. Остановилась нерешительная, пораженная, бледная. Не хотела, не могла, боялась взглянуть на этого человека. Но куда спрячешь глаза? Ведь предложили сесть почти рядом и повернуться к нему лицом. Имей право, попросила б, потребовала, чтобы глаза завязали и так провели обязательную встречу, вслепую.

Как изменился! Он как бы подсох, отбелился... В куртке цвета угольного шлака, надетой, казалось, на голое тело. Лицо, шея, глубоко открытая грудь — все неестественно бледное и странно чистое, а руки — конечности какого-то гомункула, возвращенного в темноте, или стебли растения без хлорофилла. И они ласкали ее! Эти тусклые, как куски торфа, глаза смотрели на нее когда-то с

любопытством, загораясь вожделением! Эти погасшие губы, словно лоскутки-обрезки от куртки, целовали ее щеки, шею, плечи, рот! Можно ли избрать провинившейся кару более тяжкую, чем такое созерцание?! Это и приговор и его исполнение. И очищение.

Глаза Ирины остекленели. Голос стал деревянным. Чем отзывался его мозг на этот деревянный, но упорный стук? Что шевелилось в нем, признанном опытными медиками-экспертами здоровым, полноценным, без каких-либо признаков патологии?

Квасников замер. Он смотрел сквозь сидевшую напротив, как сквозь стекло, невидящим взглядом. Свое притворство он довел до совершенства. Лицо его походило на непропеченный блин с двумя подгоревшими пузырьками.

Ирина быстро закончила свои показания. Следователь задал вопрос Квасникову, подтверждает ли. Но тот не отреагировал. Следователь повторил, но Квасников лишь пробормотал: «Что-что?» — и замолк.

— Что с ним делать? — сказал следователь, обращаясь в пространство. — Артист!

Квасников зажмурился и оскалил зубы, словно кто-то стянул ему кожу к затылку. С полминуты сидел напряженно, потом снял гримасу и принял прежнее безучастное выражение.

Следователю хотелось сказать Ирине: «Полюбуйтесь, какой красавец!» Но оказалось достаточно его взгляда. И она стала, как маков цвет. Следователь очень хотел, чтобы последним впечатлением, словно тряпкой, стерла все, что еще могло теплиться в ней от прежней близости. Но, похоже, ничто уже не теплилось. Одно отвращение.

Ирина подписала протокол. Квасников отказался, промолчав. Его увели.

— Он не болен? — все же спросила.

— Здоров, — сказал следователь и для полной убедительности дал ей прочитать заключение судебно-психиатрической экспертизы.

— Какая гадость! — Ирина снова покраснела.

Игоря Митрофановича больше не тревожили. Баулова вызывали, но он не явился. Укатил куда-то на своей машине на все лето. Страну омывает много морей-океанов. В какой нырять — разыскивать? Не стали. Он — не обвиняемый. А на свидетелей розыск не объявляют. Да и встречаться с ним следователь не имел особого желания. Каких от него ждать показаний?

Глава пятая

Телефонные звонки различаются. Даже один аппарат имеет разные тона. Они отражают состояние звонящего, настроение, отношение к тому, чей набрал номер. Раздается требовательный, громкий звонок. «Шеф», — восклицает подчиненный и срывает трубку. Робкое треньканье: «Проситель». И точно. Отличаются звонки супруги от звонков не супруги. Пустые, назойливые «не туда попавших». И так далее.

Звонок был резким и, как пишут в детективах, тревожным. Словно человек на другом конце провода набрал «02» или «03». Хотя к этим каналам связи аппарат следователя подключен не был. Обычный семизначный.

Следователь снял трубку и отозвался. Взмолвленная неизвестная женщина назвалась Мишиной мамой.

— Простите,— сказал следователь,— я не знаю никакого Миши. Вы, видимо, ошиблись.

— Миша — муж Лоры,— женщина назвала фамилию,— она была у вас.

— Что вы хотите?

— Очень прошу приехать к нам. Это необходимо...

— Что случилось?

— Я бы хотела не по телефону. Прошу вас, приезжайте.

Он не любил загадок. Такова уж профессия. И на квартиры подследственных без надобности не выезжал. На обыск, задержание, для допроса, если он нужен срочно, а человек болен, лежит в постели, — другое дело. А с визитами — нет.

Однако, умоляя приехать, женщина уклонялась от объяснения причины своей просьбы. Тогда следователь сказал, что если есть необходимость видеть его, то он примет ее у себя, одну или с сыном, все равно.

— Я не могу,— ответила женщина.— А Миша не в состоянии. «Вот еще»,— подумал следователь и спросил:

— Что с ним?

— Страшно сказать... Он пытался покончить с собой.

— Вы вызвали «скорую»?

— Нет, но уже не нужно.

— Как не нужно?

— Я вас прошу, пожалуйста, приезжайте! — взмолилась еще раз.

И следователь сказал:

— Я приеду. Давайте адрес.

Он записал. Искать протокол допроса Лоры, где указан адрес, не было времени.

Следователь поднялся к Зое Васильевне, секретарю начальника управления, и попросил машину.

В жизни большей частью не так, как в кино: срочный выезд, вызов машины. Подкатила. Хлопнули дверцы. Помчались. Следователю приходится доставлять задержанных на троллейбусе и трамваем возвращаться из следственного изолятора, прижимая портфель с делом к груди, или ехать так же на обыск, а то и на задержание.

Распоряжаться машинами было поручено Зое Васильевне, и для следователей обычно не было проблем с транспортом. Все поездки она планировала накануне. Кто вовремя дал заявку — получай. А тех, кто спешно выезжал, Зоя Васильевна подсаживала к кому-нибудь попутчиком. Особенно нетерпеливых успокаивала, мягко советуя проехать общественным транспортом: «Посмотрите, какое солнце, какая погода. Одно удовольствие прогуляться». А если шел дождь, предлагала: «Возьмите мой зонтик!» Следователь как-то пошутил, что в ней пропал талант станционного смотрителя.

Юра Фадеев умел водить свою «Волгу» даже по тротуарам, не задевая прохожих. Требовалось — обгонял трамвай с левой стороны, шел на «кирпичи», петлял среди невозможных препятствий, но никогда не создавал аварийных ситуаций. Рекордом была поездка

от улицы Огарева до Внуковского аэропорта. Они со следователем пронесли по этому «отрезку» за семнадцать минут.

Куда-то запропастился билет, пока следователь искал его, ушло время. И нагоняли. Фадеев задал такую скорость, что следователя словно по инерции вынесло из «Волги». Он взбежал по уже отчаливающему от корабля трапу, проскользнул в полузакрытую дверку, не теряя инерции, добежал до свободного сиденья, сел, и, когда пристегнулся ремнями, реактивный лайнер, казалось, принял скорость, развитую Фадеевым. Задрожав от гневного нетерпения, он, словно многотысячный табун, рванул, чуть пробежал по бетонной полосе, подскакивая, и оторвался, и пошел круто вверх, набирать высоту. Но его порыв не казался столь стремительным, как у фадеевской «Волги»...

Следователь ожидал увидеть во дворе молчаливую толпу, окружавшую санитарный фургон. Но у подъезда на горячей от солнца кафельной плитке, сгруженной для ремонта, сладко спал кот, бело-розовый, как зефир. Спал крепко, безмятежно, вывернув морду вверх. Ему снилась белая мышь или сосиска без целлофана.

— Пошли со мной,— сказал следователь Фадееву,— запирай машину.

В незнакомую квартиру лучше заходить вдвоем. Следователь избегал сюрпризов, в которых притаилась провокация. С тем же Фадеевым они однажды наткнулись на такое, что хотя и позабавило, но могло обернуться неприятностью.

Он вел дело человека, который, грубо нарушая правила дорожного движения, с недозволенной скоростью проехал на красный свет, невзирая на переходивших улицу пешеходов, и так подцепил одного — аж подбросило над машиной, и скрылся. Рядом сидела любовница. Их разыскивали всю ночь. А утром нарушитель заявил, что машину угнали неизвестные и совершили наезд. Парочка вела себя неприглядно. Преступник оказался изворотливым, наглым. Закатывал скандалы, устраивал провокации, посылал клеветнические жалобы во все инстанции. В прошлом имел судимость за кражи пишущих машинок из редакций. И это как-то сблизило его с литературно-журналистскими кругами. Кое-что писал, кое-где печатался... Оказались поддельными и водительские права. Понятно, что с таким человеком необходима особая бдительность.

Следователь установил, что у преступника ранее было еще два наезда. В первом случае его сопровождала также любовница, во втором — около него сидела начинающая поэтесса.

К следователю по вызову пришла весьма кокетливая юная особа. Она только что вернулась с юга и всячески демонстрировала заггар. Однако допрос не сорвался. Свидетельница дала хозяину злополучной машины нелестную характеристику. А на другой день позвонила и заявила, что имеет важные дополнения к показаниям, но прийти не может, так как немного приболела, и поэтому просит следователя приехать к ней. В деле важно было любое доказательство, и он сказал, что приедет. С собой взял водителя Фадеева.

Открыла им соседка. Она не спросила к кому, видимо, ее предупредили, и, лукаво поигрывая глазами, указала на дверь в комнату поэтессы. Из-за двери доносились звуки модной джазовой музыки.

Следователь постучал, услышал звонкий голосок: «Войдите!» И они вошли.

Их встретил оглушающий рев музыки. Будто не проигрыватель

а ансамбль целиком обосновался в комнате. И тут из голубой пелены табачного дыма и облака цветочных духов на них выплыло сказочное зелено-желто-розовое существо. Если бы они не миновали только что пропахший жареной треской коридор коммуналки, то подумали бы, что прямо с улицы свалились в камыши, из которых вылезла потревоженная русалка.

Следователю удалось посмотреть несколько фильмов небезызвестного режиссера Полански, в том числе «Любовники вампиров». Так вот лично ему померещилось, что прямо на него, как на героя фильма, наступает восставшая из склепа красавица. Сейчас обнимет, прижмет, вопьется волчьими клыками в горло и... прощай, работа! Он невольно подался вбок и задел сервировочный столик, с которого чуть не попадали звякнувшие бутылки. Наблюдательный взгляд охватил их: лимонная водка, армянский — три звездочки, чешский ликер «Карлсбад» и коричневый керамический цилиндр с рижским бальзамом, а также высокие, тонкие бокалы с соломинками и пузатенькие рюмашки.

На юной поэтессе не было ничего, кроме кисейного пеньюара без подкладки цвета водорослей из аквариума и рассыпанных по плечам льняных волос. «Вчера они были темно-каштановые», — с ужасом вспомнил следователь.

— Ах! Вы не один! — певуче воскликнула русалка-вампириша, возвращая следователя и его верного оруженосца-водителя в реальный мир. — Как быстро, однако! — На ее круглом личике не было заметно ни малейшего смущения, а только досада. Возможно, ее стыдливость выдержала бы и не четыре мужских глаза, если вообще была, но следователь, хотя и закаленный человек, все же сказал:

— Вы уж накиньте что-нибудь потеплее, а то простудитесь. Вы же больны, а мы с улицы. На дворе-то осень...

В синих глазах водителя Фадеева скользнул упрек в адрес следователя: такого не увидишь на автобазе.

Экстравагантная питомица муз, не суетясь, задрапировала себя в лиловое покрывало и утонула в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. Стриптиз сократился на пятьдесят процентов. После этого сели и они. Следователь на твердый стул, а водитель поодаль на пуфик.

— Что будете пить? — спросила она тоном героини западного романа и махнула свободным крылом-рукавом в сторону столика с напитками. — Наливайте сами.

— Мне бы те важные сведения, из-за которых вы нас вызвали, — ответил невозмутимо следователь, пренебрегая щедрой выпивкой.

— Сведения... Да в них, право, ничего особенного... Я думала, что на следствии надо быть обязательно точным. Поэтому для уточнения...

— Вы правы, что надо быть точным. Но зря беспокоились. Если ничего существенного, могли бы и потом. Тем более что вы больны, — он указал на разобранную постель. На чистой наволочке и таком же чистом пододеяльнике — судя по складкам, их только что надели, и они резко контрастировали с остальной неряшливой обстановкой, — были разбросаны листы с напечатанными на машинке стихами. Этаким творческий беспорядок!

Хозяйка закурила и предложила им. Следователь сказал, что не курит. Фадеев тоже.

— Мы не курим, мы не пьем, мы здоровыми помрем! — она засмеялась. — Ну что за мужики пошли — ангелочки!

— Не пьем на работе, — пояснил, обидевшись, Фадеев.

— Рассказывайте, — продолжил следователь, хотя предпочел бы уйти. Но раз приехали. Он достал бланк и приготовился записывать «важное дополнение».

— Я от чистого сердца, — сказала поэтесса, кивнув на бутылки. — Так принято.

— Спасибо. Но я не пью натошак, — сказал следователь.

Ей пришлось напрячь всю память, чтобы что-то наскрести. «Важное дополнение» выдавливала, как пасту из иссякшего тюбика. Оно оказалось несущественным. И тут послышался телефонный звонок в коридоре. Кто-то взял трубку. Постучала соседка, оглядев комнату горевшими любопытством глазами, позвала поэтессу к телефону. Она извинилась и вышла. Дверь хлопнула и отошла от удара. Разговор был слышен. Поэтесса изъяснялась междометиями, но диалог был понятен.

— Да, не один. Но я-то при чем?! — было ясно, что оправдывалась...

Вернулась расстроенная. Получила взбучку, понял следователь.

Войдя, она тут же сказала:

— Извините, но, пожалуй, все. Откуда мне знать, что важно, что не важно. Вы сами разберетесь. Я просто считала своим долгом.

— Разберемся, — заверил следователь.

— Ваша служба... Еще раз простите, что побеспокоила. — И добавила с нажимом: — Вас и вашего оперативника!

— Ничего. Ему не повредит, — сказал следователь. И, переведя взгляд с ее темных и блестящих, как растворимый кофе, глаз на такой же коричневый и блестящий сосуд с бальзамом, добавил: — Бальзамчик-то вам Голосов привез. Из Риги? — Она залилась краской. — Не успели распечатать. Видно, только вчера приехал. Что ж сюда не пожаловал? А ведь звонил, беспокоился...

— Почему вы решили, что звонил именно он? — спросила она фальшиво, и краска на еще свежем личике не линяла.

«Бедная девочка, не весь стыд утратила. Не умеет врать. Не научили».

— А разве не он?.. Ай-яй-яй! Что подумают музы, глядя на вас с высоты Парнаса? Или вы противница чистой поэзии? Так что ж обещал он вам за стриптиз, за соращение неискушенного представителя власти? Рекомендацию в члены литфонда? Или на первый случай содействие в публикации ваших стихов в журнале «Гуси-Лебеди»?

Кофе в ее глазах словно заново вскипятили. Наигранный блеск радушия покрылся пенкой разочарования, досады, неприязни. Она же не была настолько глупа и бесстыжа, чтобы не почувствовать унижение.

— Зря с ним связались. Это не та литература. Не то творчество... Поехали, Юра. Спектакль окончен. Финита ля комедия... А такая юная! Жаль!.. Привет режиссеру-постановщику!

Дом, в котором жил Миша с мамой и со своей Лорой, был старинный, пропахший многими запахами. Они пропитали его за сотню с лишком лет и не истреблялись никакими покрасками. Лифт —

тоже старинного производства, с узорной решеткой, облицовкой красного дерева и зеркалом. Кататься в таком — удовольствие, словно на миг вскочил в вагон международного класса — раньше были такие, облицованные снаружи деревянными планками; а внутри зеркала, полировка, бронза, ковры. На красном дереве лифта нацарапаны имена любимых и мало любимых девушек, неприличные словечки.

Лифт остановился на пятом этаже, и они подошли к нужной двери. Среди фамилий на разнокалиберных табличках отыскивали Мишину, нажали под ней кнопку. Где-то задребезжал звонок. Шагов они не слышали, но дверь отворилась сразу. Ждали.

Следователь увидел пожилую, худенькую, чистенькую женщину с потухшим, но симпатичным лицом. Характерными были у нее волосы. Густо-черные и снежно-седые. Они не смешались, а лежали полосками: черная пошире, серебряная поуже. Они как бы отражали чередование ударов судьбы. Парадоксально — черным отмечались светлые полосы, белым — темные. «Игра воображения», — подумал следователь и показал удостоверение. Женщина посмотрела, поняла, кто явился.

— Проходите, пожалуйста.

Они шли по коридору, в который выходило много коричневых дверей. На стене, справа от входа, висела черная гроздь электросчетчиков. «Осиное гнездо», — пришло в голову, хотя счетчики больше походили на гигантских жуков. Слева — вешалка с верхней одеждой. В углу приткнулся трехколесный велосипедик.

Двери были закрыты, как в учреждении, но женщина говорила очень тихо, почти шепотом. Открыв одну, снова сказала «пожалуйста» и пропустила их.

Следователь не успел оглядеться, когда она сказала:

— Вот, — и показала на тонкий стакан с какой-то мутно-белой жидкостью или кашицей. Казалось, в нем развели мел, или осел, показав воду, кефир.

— Что это?

— Это он пытался выпить.

— А это нельзя? — спросил водитель Фадеев.

— Это снотворное. В очень большом количестве. Таблеток пятьдесят, не меньше... Смертельная доза.

Следователь подумал, не отрывая примагниченного взгляда от стакана: «Значит, все время со дня допроса жены ходил и скупал таблетки». Мысль была глупейшей. Но следователь никогда в жизни не пользовался снотворным, хотя испытал не одну бессонную ночь. Не принимал и после тяжелых операций, связанных с ранением и его последствиями, когда в тягучие госпитальные ночи не приходил сон. Когда одиночество, отрешенность от близких и любимых, от всего жизнерадостного, энергичного казались безнадежными, схватившими навсегда. Он боялся привыкнуть к лекарству, которое не лечит, а только успокаивает. Полагался на организм. Не сегодня, так завтра сон победит, переломит любую бессонницу — от физической боли или душевной, просто от переутомления, нелегких мыслей. И сон приходил наперекор всему, снимал усталость.

«Снотворное принимает мать, а сынок воспользовался», — более реальная мысль позволила оторваться от созерцания опасного стакана и взглянуть несколько шире. Стакан располагался в центре журнального столика, а рядом, словно белая тень, лист бумаги.

На нем что-то написано. Столик почти вплотную примыкал к старенькому диванчику, прикрытому смятым клетчатым пледом. На нем, судя по вмятине, кто-то лежал и только что встал.

— Где же он, ваш сын?

— Миша! — позвала мать.

В комнате, несмотря на солнечный день, царил полумрак. От тяжелых штор, полузакрывших окна, и густо разросшихся цветов.

Никто не откликнулся.

«Но в комнате есть человек», — следователь чувствовал чье-то присутствие. И верно, Михаил обнаружился за кадкой с филодендроном.

— Я люблю их, — сказал следователь, показывая на растение, стебли которого, словно лианы, а огромные листья, — как порезанные зонтики. — Моя бабушка зовет их проще — «филогендрой».

— Да? — машинально спросила женщина.

— У бабушки такой же красавец!

Слова о растении с труднопроизносимым названием, входящим в моду, не были сказаны нарочно, но вывели женщину из напряженного состояния, в котором та находилась не один час. Однако человек за кадкой не подал признаков жизни.

Теперь они все трое повернулись в его сторону, и хотя во взгляде каждого было свое: у Фадеева любопытство, у матери страх и сострадание, а у следователя вопрос с готовым ответом: «Лора!», их что-то объединило.

— Простите! — воскликнула женщина. — Я не предложила вам сесть. Садитесь, пожалуйста! — как будто это было главное, зачем их позвали сюда. Сядут, и все разрешится.

Женщина стала хвататься за стулья, но следователь остановил ее:

— Не беспокойтесь, мы сами.

Каждый взял по стулу. Сели полукругом, лицом к человеку за филодендроном — так получилось.

Сквозь глянцево-зеленые резные опахала и переплетения ветвей и стеблей темнел силуэт человека в кресле. Проникавшие из окна яркие лучи солнца чуть подсвечивали волосы на макушке, словно ореол великомученика. Поникшие плечи и острые колени. Он сидел, упираясь в них локтями, держа голову в руках, как котелок на ножках тагана. Что за мысли варились или стыли в ней? Неподалбливые и крепкие, как кукурузные початки, или расплзшиеся, клейкие, как сибирские псевдопельмени из коробки?

Разговор чужого человека с матерью о филодендроне казался страшным. «Почему о филодендроне?! Зачем о филодендроне?! При чем тут филодендрон, когда я так и не выпил проклятый стакан! И это не смог!» — слова доходили клочками, как из сна во сне или после пробуждения от наркоза.

Человек не изображал трагедию. Она была в нем.

«Да, Лора сказала правду, что известие убьет его», — подумал следователь и спросил:

— А где Лора?

Показалось, что листья качнул ветерок. Но ниоткуда не дуло. В комнате было душновато.

— Ее нет, — ответила мать. — Она ушла.

— Куда?

— Совсем... Ушла от него.

— Вот как. Они поругались?

— Нет, не ругались.

— Сегодня ушла?

— С месяц.

— Ага,— промолвил следователь, хотя ничего не понял. «Почему же такая замедленная реакция?»

— Из-за чего они разошлись? — спросил следователь мать, забыв, что на этот вопрос лучше смог бы ответить человек за кустом. И он дал знать о себе.

— Мама! — закричал. — Не надо! Не надо, прошу тебя! Замолчи,— хотя мама не успела и рта раскрыть.

— Маме не надо рассказывать,— сказал следователь.— Вы объясните, в чем дело... Мы не сами оказались здесь. Нас пригласила ваша мать. Если надобность отпала, мы уезжаем. Извините, но...

— Не уходите,— ответил человек из субтропиков.— Это я просил.

— Тогда не понимаю.

— На столике лежит бумага, мое заявление. Написано для вас.

Следователь взял бумагу — белую тень стакана. Да, адресована ему и озаглавлена: «Повинная». Интересно. Следователь внимательно прочитал. При этом два раза кашлянул. И отстранил с удивлением.

— Вы писали?

— Да, я.

— Когда?

— Вчера.

— А почему сами не принесли?

— Почему?.. Не знаю почему! Не знаю!

Следователь говорил спокойно, голосом врача-психотерапевта:

— Вы должны понять, что в связи с вашим заявлением у меня к вам есть ряд вопросов. Короче говоря, я должен допросить вас.

— Допрашивайте,— сказал человек за зеленым забором.

— Тогда выезжайте оттуда,— сказал следователь.— Впрочем, если позволяет ваше состояние... Я — о возможности дачи показаний.

— Позволяет.

— Подожди, Миша,— вмешалась мать и обратилась к следователю: — А нельзя, чтобы здесь, дома?

— Это допустимо; когда человек болен... Но я не уверен, что ваш сын в состоянии отвечать... нормально.

— Какое у меня состояние?! — воскликнул Миша. Он еще не вылез из сада.— Самое нормальное! Почему не могу? Где угодно. Хотите у вас? Пожалуйста.

Следователь взглянул на снотворную сметану, пожал плечами.

— Лучше бы все-таки врач освидетельствовал.

— Никакого врача! — дал заключение Михаил.

Заросли зашелестели. Из-за них показался, поднимаясь, высокий узкоплечий человек, в очках и взъерошенный. Движение, растормозив его, придало ускорение. Он проворно подскочил к столику и схватил белый стакан. «Выпьет!» — похолодел следователь. Но Михаил не выпил, а вылил содержимое в кадку с растением, за которым прятался, и поставил пустой стакан на место. Потом взял кресло и выдвинул его на середину комнаты.

— Спрашивайте,— и скрестил руки на груди.

— Успеется,— сказал следователь и взглянул на мать.— А филодендрон не заснет?

Она улыбнулась шутке. А следователь сказал Фадееву:

- Юра, ты, пожалуй, езжай... Мы нес скоро управимся.
Фадеев вышел.
- Извините, не знаю, как вас зовут... В этой суматохе.
- Софья Григорьевна,— ответила женщина.
- Очень приятно... Софья Григорьевна, мне бы хотелось остаться с вашим сыном наедине. Так положено. У вас одна комната?
- Есть вторая. Я перейду.
- Спасибо. Не найдется ли у вас несколько листочков бумаги? Я не взял с собой, не ожидал, что придется писать...
- Сейчас принесу.
- Она ушла за бумагой,
Принесла стопку и оставила их вдвоем.
- Первый вопрос,— сказал следователь.— Что вы сделали сначала — приготовили эту кашку или написали повинную?
- Я же говорил, что написал еще вчера. А снотворное приготовил сегодня.
- Адскую смесь?
- Миша опять уронил голову в ладони. Сидел, похожий на огромного кузнечика. В приталенной зеленой рубашке, джинсах, обтянувших тонкие ноги с острыми коленями, длинными ступнями.
- Вы не думайте, я давно хотел прийти.
- Но боялись.
- Да, боялся. Но не за себя!
- За кого же? За мать?
- За Лору.
- Непонятно.
- До того, как она побывала у вас, я не мог пойти.
- Что же мешало?
- Такие дела решают вдвоем, понимаете? А она пошла одна и мне ничего не сказала...
- Вдвоем, конечно, лучше. Написали бы семейную повинную и махнули напрямиком.
- Дело в том, что она не знала, что я тоже...
- А вы?
- Я-то знал о ней. Знал и молчал. А она думала, что я не знал, и тоже молчала. Когда ее вызвали, пошла, а мне не сказала... И только на третий день рассказала.
- А вы?
- Не рассказал. Это было выше моих сил!
- Но ведь будет суд, она все равно узнает.
- Что мне делать?! Что делать?! — запричитал молодой человек, раскачивая лохматой головой.
- Из-за чего вы расстались?
- Это не относится к делу.
- Ну, а когда расстались?
- В тот же день, когда сообщила о своем визите к вам.
- И вы прогнали ее?
- Что вы! Для меня это не было откровением... Она сама ушла.
- Гордая женщина,— сказал следователь.— А больше ничего не рассказывала?
- Михаил не ответил. И следователь понял, что Лора рассказала все. И о Брэме, и Шурике-биологе, или программисте,— разве упомнишь? И дала Мише отставку. По всем пунктам.
- Где же она сейчас обитает?
- Не знаю. Можно разыскать через подруг.

— Пока не закончились следствие и суд, мы должны знать новый адрес вашей супруги. Почему она не у матери?

— Не знаю,— сказал Миша, и легкий румянец покрыл бледные щеки.— Я могу дать телефон ее подруги, она скажет.

«Легкомысленная особа,— подумал следователь.— А может, оставила инициативу за мужем? Знала о его делах, но не сказала ни мне, ни ему? Нет, она тогда не разыгрывала комедию. Не знала».

— Ладно. Разыщем,— сказал следователь.— Но почему вы-то целый месяц тянули? Уж сразу — она от вас, а вы ко мне.

— Если бы вы могли понять, как я существовал все эти месяцы! Не жизнь — пытка! Весь год!

— Вот бы и разрядились. Вслед за женой. Как вы сами убедились, вернулась от следователя целехонькая. Теперь что говорить... Правильно сделали, что написали. А вот это зря,— следователь указал на стакан.

Михаил молчал.

— Маму напугали до смерти... А мученик из вас не получился. Следователь мог бы удержаться от слов, обидных для мужского самолюбия. Но «драму» необходимо было низвести до комедии. Уйдешь, а он снова. Нет уж!

— Скверно,— следователь вздохнул, вроде посочувствовал.— Конечно, если собрать все ваши горести в одну кучу: соучастие с Квасниковым, уход супруги, предстоящий суд,— не позавидуешь. Но если бы все в один день. А спустя месяц — мелодрама. Жена подозрительными делами занималась, и сам не пример. Как она вас расхваливала! — Миша метнул на следователя огонь стекол.— Последний месяц маялись страхом, трусили.

— Я не трусил.

— Не поверю. Сам не пробовал, не тянуло, но уверен — от нервного сдвига такие дела одним махом решают. Сгусток бед, безвыходность положения — или падение всякой воли, или наоборот.

В ответ — очами-очками, как лазером.

— Не мечите молнии... Нет, не мучились вы до вызова ее на следствие. Стерпелись. Сжились. Противно было, в это верю, но совестью не мучились. Страхом. Более того — вас раздосадовал вызов жены. Да, да. Наступила ваша очередь идти, а вы продолжали молчать. Чего ждали? Лора не знала, а Квасников не проговорится?

— Неправда!

— Правда, Михаил, как вас по отчеству?

— Борисович.

— Да, Михаил Борисович, боязнь взглянуть Лоре в глаза — показное, как стакан с таблетками.

— Как вы можете?!

— Могу. Не арестуй я Квасникова, жили бы до его второго предложения, до нового экзаменационного сезона. С каждым днем все спокойнее. Но знайте: ни одна зараза не исчезает бесследно, особенно преступная. Обязательно даст осложнение. И никакими речами не изгнать на собраниях. Призывами.

Он смотрел на Мишу. У того уши пылали.

Следователь не испытывал ни жалости, ни сочувствия к его беде — уходу жены. Не сострадать же преступлению. Как у хирурга к чужой гнойной ране. Вскрыть, очистить, не щадя здоровое мясо по краям, набить антисептикой и зашить.

— Страх у вас был, голый страх. И с женой упустили момент. От следователя пришла и от вас отказалась, от чистенького. Ска-

зали бы: «Дорогая! Да я такой же»,— поняла бы и осталась,— и хотел добавить: «Слабенький ты ближе бы ей показался, человечней». Но сказал: — Женщины на жалость слабы... Вы ее с верой в себя отпустили. Ушла непреклонная, не хотела ни вас пачкать, ни упреки ваши слушать. Вот на матери и отыгрались...

— Да как вы смеете! — вскричал уязвленный молодой человек.— Вы что говорите?!

— Смею. Говорю что есть. Что от другого не услышите!

«Коль приходится вашу грязь разгребать, так получайте»,— мысленно произнес следователь, обращаясь не к одному Михаилу Борисовичу. Без злорадства. С горечью.

— Да, мама вашей мукой терзалась, а вы... и написать не сами решились?

— Сам.

— Писали — да, но по настоянию матери. Если честно.

— Я сам думал, сам хотел.

— Хотели... Нет, без матери бы не решились. Суда ждали. Суд бы прошел, ваши факты умолчались и гора с плеч.

— Я написал до суда!

— А стакан со снотворной кашей?! Стакан зачем?! Месть матери? За подсказку идти с повинной?

— Да вы что?

— Таблетки у нее взяли?!

— У нее.

— А если бы переиграли да наглотались? Что с матерью стало бы? Жила с правдой и убила ею родного сына!.. Об этом подумали? Мы с вами дела-то не касались еще. Все о морали. Не пустое? Не зря ли? Был у меня один молодой гражданин, постарше вас. Очень законы уважает, а мораль — побоку. У меня, мол, своя. И не порочьте ее. Живу по своей и дальше буду. Может, и вам зря талдычу? Агитирую взрослого человека? Принял повинную, составил протокольчик — и адью! Так надо?

«Нет,— думал следователь,— ему не зря говорю.— Чувствовал, что не впусую, не на ветер слова.— Струсил, смалодушничал, но нельзя совсем не верить». И продолжал стегать:

— Еще обидное скажу... По-бабьи поступили. Да-с, Михаил Борисович. Если не инсценировка. Снотворным лишь дамочки-психопатки да истеричные девицы отправляют себя в потусторонний мир. Еще уксусной эссенцией. А мужики — иные способы предпочитают. Подсказать?

«Не только уши, наверно, и лицо пылает? Молчит».

— Галстучек носите еще а ля президент? — вдруг спросил.

— Какой галстук? — насторожился Михаил.

— Информация к размышлению,— сказал следователь.

Иногда на допросе полезно задать вопрос вроде ни с того ни с сего. Допрашиваемый не может взять в толк, гадает, к чему это, о чем, а тем временем скрытую мысль раздробит и просыплет. С Михаилом такой ход не требовался. Бедняга впал в недоумение. Но своим вопросом о галстучке следователь помог ему съехать с шоковой колеи на ровную.

— Ладно,— сказал следователь, а себе: — «Хватит». — Повинная принесена. Нравственные терзания отложим в сторонку. Думаете, я не понимаю? Написать тоже нелегко. Трудный шаг! Честно говоря, нас повинными не балуют. Косяком не идут...

Слова его разогнули парня. Он приподнялся, взбодрился. Много ли человеку надо? Два-три добрых слова — и ожил.

— А маму не смейте больше пугать! Она мне показалась настоящим человеком. И вас таким желает видеть. Да и видит!

— Крах! Это — крах!

— Не крах! — сказал следователь твердо. — Ну, развалилось здание. Постройте другое. Полагаю, и от старого остались хорошие кирпичики...

Миша снял очки. Протер. Надел.

— Знаете, товарищ следователь... Можно вас так называть? Или гражданин?

— Можно. Вы пока не обвиняемый.

— Кто же я?

— Сегодня — свидетель. Предъявят обвинения — станете обвиняемым. Потом подсудимым. Титулов впереди предостаточно.

— Ага, — согласно кивнул Михаил.

Произнесенное по-мальчишески «ага» понравилось следователю. «Не ищет оправдания. Примирился с любой участью. Пусть мать заставила, но написал же. Зря я его «стаканом»? Хотя для мужчины полезно!»

— Вот вы не верите, что из-за Лоры, — сказал Михаил. — А правда, из-за нее... Не то, что совершил, а что не пришел, не повинился... Обидно. Больше о ней думал. Ей тяжело, а она виду не показывает. Такое самообладание!.. Может, из-за меня? Я ночей не спал. Брал таблетки у мамы, чтобы заснуть, не для чего другого. Это я позже, когда стало совсем неважно... Работу запустил, одна мысль точила...

— И вашего терзанья не чувствовала?

— Выходит.

— И поделились бы. Рука об руку ко мне. Подсказали бы. Ведь я прошлой осенью еще ничего о Квасникове не знал, только имя — Коля. Неуловимый Коля, да еще был Витяра. Не имели дела?

— Нет, с Витярой не имел.

— Он не Витяра. Это кличка. Он — Виктор, кандидат наук, работал ассистентом в транспортном вузе.

— Нет, не знаю такого.

— Ладно. Рассказывайте дальше.

— Началось со звонков. Лоре многие звонят. Подруги, друзья. «Ох, уж эти друзья, — подумал следователь. — Все друзья да друзья, а где друг? Один, ну два от силы? Оттого и происходит инфляция дружбы».

— Мешают, отвлекают от работы. Звонками, визитами. Но мы привыкли. Мама радушна. Встретит, накормит. У нас всегда был дым коромыслом. Это я сейчас в бирюка превратился... Так вот, среди звонков один стал повторяться чаще. Это было прошлым летом. Какой-то странный мужчина звонил. Обычно спрашивали Лору, и если ее не было дома, назывались, просили что-то передать. А этот сразу клал трубку. Вроде меня боялся. А чего бояться?.. У нас не в правилах проявлять любопытство, недоверие... Я сказал Лоре, что ей никак не дозвонится какой-то мужчина, а себя не называет. Она пожала плечами: «Кто же это? Если позвонит еще раз, пусть скажет, когда ждать звонка». Он позвонил, но Лоры опять не было дома, и тогда он назвался Николаем, просил передать, чтобы она была дома в десять вечера. Но Лора засиделась у подруги, и наш разговор принял другой оборот.

Миша поправил очки.

— Я постараюсь дословно повторить диалог. «Опять нет? Жаль,— сказал Николай.— Могу подумать, что ваша жена умышленно избегает разговора со мной».— «С какой стати?» — спросил я.— «Мне кажется, она и вас избегает»,— засмеялся он. «Что это значит?» — «А то, что вы живете в блаженном неведении». Я, естественно, возмутился и сказал, что он допускает лишнее и лучше прекратить разговор и не звонить. Но он стал успокаивать, что зря раскипятился... Наглость так и перла, но я почему-то не бросал трубку, что-то удерживало. Я почувствовал какую-то тревогу, что ли. Не за себя, за Лору. И тут Николай сказал, что хочет встретиться со мной и поговорить о деле. Что это за дело, спросил я, но он ответил, что это не телефонный разговор. «Я слышал, вы аспирант строительного института?» — «Ну и что? Какое имеет значение?» — «Огромное,— ответил он,— у меня есть для вас интересное деловое предложение».— «Поэтому и звоните моей жене?» Он уклонился от ответа. Тут уже я не хотел прерывать разговор. При всей свободе в браке, которой я в принципе придерживаюсь, есть и обязанности в отношении жены...

— Ну-ну.

— Мужчина подозрительный, наглый. Я не хотел, чтобы он исчез бесследно. Хотя лучше бы исчез, негодяй!

— Исчез, исчез,— сказал следователь.

— Но поздно!

— Не моя вина.

— Я сказал: «Хорошо, давайте встретимся и поговорим. Где и когда?» Естественно, никакого желания вести с ним какие-то дела в помине не было. Но знает Лору, фактически знает меня. Почему же не познакомиться?.. Он предложил встретиться в метро «Бауманская». Попросил описать мою внешность. Я понял, что не видел меня, описал. Свои приметы он не называл. Позже до меня дошло, почему.

— Хотел проверить, не привели ли кого.

— Мы встретились. Это был Квасников. Думаю, его внешность вас не интересует?

— Нагляделся.

— Поздоровались. Прошли к Елоховской церкви, на сквер. Знаете, где это?

— Родные места.

— Лучше бы вы нас там застукали. В родных местах...— Михаил слегка отошел, но нервное напряжение еще держалось. И сообщало его словам четкость. Это характерно не только для речи людей выдержанных, спокойных. Четкость, рубленность фраз нередка и у нервнобольных. Словно нарезают слова.

— Сели в скверике. Квасников осмотрел меня, словно ощупал, и сказал: «Давайте начистоту».— «Давайте,— ответил я,— начистоту всегда не мешает. Но мне нечего сказать, разве о надоедливости ваших звонков».— «Невежливо,— заметил он.— Зато мне есть что предложить».— «Что же?» — «Сначала небольшое уточнение... Вы, надеюсь, прекрасно знаете математику, физику, химию? Хотя бы в объеме десятилетки?» — «Не понимаю, о чем речь?» — сказал я, еще не догадываясь.— «О том, что вам придется сдавать экзамены в институт».— «Мне?! Это зачем же?» — «Лично вам незачем. Вы будете сдавать за других».— «Это еще что?» — «Сдадите и получите хорошие деньги».— «Но это уголовщиной пахнет! Что вы предла-

гаете? Вы в своем уме?!» Он засмеялся. «Я-то в своем,— сказал,— а вот вы, когда узнаете кое-что, возможно, и тронетесь... Костюмчик на вас, вижу, так себе. Пора заменишь... Баретки, гляжу, скоро запросят кашки. И не фирма, не «Топман». Смотрю и диву даюсь: жена — куколка нарядная, а вы?» Я не очень возмущился. Ждал от этого человека гадость, но хуже, и вроде даже успокоился. Но когда я поднялся, собираясь уйти, он взял меня за борта, вот так, и посадил. «Не рыпайся, милый друг! — сказал.— Сиди. Поздно. отступать!» — «Отчего поздно?» — не понял я. «Сейчас поймешь и успокоишься». Я не струсил, честное слово, а как-то опешил. Наглость наглостью, но так! Надо признаться, у него железная хватка.

— Да, он занимался тяжелой атлетикой.

— Вот видите! И знаете, он сказал: «Сейчас врежу, святые отцы не отпоют!» Не кричать же? Да и кому? Богомолкам, что в церковь шли? «Спаси, Господи, люди твоя!» — попытался пошутить Миша.

— Закричали б, ножом не пырнул.

— Вы уверены? Вы видели его до тюрьмы?

— Я арестовывал его.

— И он не показался вам форменным уголовником? У него такой вид, будто только освобожден, лишь переоделся в приличный костюм.

— Да, в Квасникове есть что-то от уголовных типов. Бесжалостность... Хотя далеко не всякий грабитель пойдет на убийство ради денег. Квасников, возможно, не остановился бы, если б отбирали добычу. В нем что-то от кулака с обрезом...

— Жуткий тип! — сказал Миша, содрогнувшись от воспоминания.

— Здорово он вас напугал!

— Он напугал другим...

Когда следователь прибыл к Квасникову на квартиру, чтобы произвести обыск и забрать самого хозяина, жена последнего была на работе. В квартире находились его сын лет десяти и теща. Во время обыска хозяин молча сидел в углу комнаты и цедил сквозь зубы: «Ищите, ищите». После большой осмотрели маленькую, которую занимала теща с мальчиком. Они в это время сидели на кухне.

Когда уходили, следователь предложил Квасникову одеться и взять необходимые предметы: мыло, полотенце, зубную щетку, смену белья и прочее. Квасников понял. Собрал вещи дрожащими руками. Хладнокровия не хватило. Да и понятно.

— Проститесь с ребенком,— сказал следователь.

Квасников вошел в кухню и громко сказал:

— Прощай, сынок. Смотри, как уводят твоего отца плохие люди! Сынок стал белее снега, губы у мальчика задрожали, на глаза навернулись слезы.

Следователь пристыдил Квасникова, велел прекратить травмировать ребенка.

— Ничего. Пусть запомнит!

Что запоминать? Мальчик дрожал, как листик на ветру.

— Твой отец не прав,— сказал следователь,— он рассержен. Понимаешь? Еще одумается. Сгоряча.

Но в глазах ребенка, таких же темных, как у отца, но ясных, успели зажечься враждебные огоньки. И жалко, и страшно. Что останется в маленьком сердце от такого напутствия?

Старуха смотрела на следователя и его коллегу — инспектора БХСС без заметной враждебности. Как бы ни относилась к зятю, она не могла не понимать, что рано или поздно за ним придут. Трудно предположить, чтобы в семье не заводились разговоры о махинациях хозяина-кормильца, который к тому же последние четыре месяца нигде не работал, целиком переключившись на аферы с вузами. Но как старуха объяснит внуку? Эх, родители, родители!

Следователь не выдержал, обратился к теще:

— Вы уж, мамаша, как-нибудь поласковой, что ли, смягчите...

Она молча покивала.

В машине он сказал задержанному, что тот обошелся с сыном подло.

— Это наше дело, — ответил Квасников.

«В этом человеке, — подумал следователь, — корысть, как гниль в яблоке: с виду крепкое, целое, а внутри — коричневая каша».

Следователь не сказал Михаилу, что Квасников зарабатывал на каждом абитуриенте от двух до трех тысяч рублей. А сколько их было у него! За такие деньги преступники ломают сейфы, калечат сторожей. Стал бы он нянчиться с Михаилом Борисовичем, если бы тот попытался стать на пути к наживе, когда в руки шли тысячи. Михаил Борисович нужен был Квасникову как «фомич» для взлома. И раз уж открылся аспиранту, то свободно бы пошел на крайнее. Сломал Мишу Коля-штангист. Не устояли «принципы» перед волчьей хваткой, железной волей, преступным натиском.

Михаил продолжал излагать свою горькую одиссею:

— «Отступать поздно, — сказал мерзавец, — вы повязаны вместе с женой...»

— С Лорой?

— Да. «Твоя Лорочка тоже в этой руке, видишь?» — «Что это значит?» — спросил я, догадываясь. «А то, что она прекрасно, слышишь, прекрасно сдает экзамены и зарабатывает хорошие денежки. Тебя на них кормит». — «Она мне этого не говорила», — сказал я, ошеломленный. — «Умница девка! С такими и варить кашу!.. Так принимаешь предложение?» Я в сердцах послал его к черту, пригрозил: «И не надейтесь, что останетсѧ между нами».

— А дальше?

— Дальше? — Михаил вздохнул. — Дальше он весьма спокойно, хотя и со злостью, заявил, что я могу идти заявлять куда угодно, но чтобы не забыл упомянуть и Лору. «Меня не найдут, — сказал, — нет координат ни у тебя, ни у жены. Так что милиция обойдется ею. Понял? Между прочим, в институтских делах ее почерк — сочинения, заявления. Экспертиза подтвердит. И преподаватели обрисуют. А это — пять лет. Такая роскошная девочка — и на нарах! Иди, заявляй! Могу сказать адрес ближайшего отделения милиции. Только лучше сразу женушку прихвати. Дельный совет. Меньше обломится».

— Верно, — сказал следователь, — хороший совет дал.

Миша развел руками.

— Я был подавлен. «А ты знаешь, — сказал он, — пожалуй, я этого дела так не оставлю, если не согласишься. Заявлю. Ради экс-

перимента. Анонимно. Лорке твоей — кранты! Из института вышибут, в тюрьму посадят. И тебе зачтется в аспирантуре. При защите».

— И вы сдались? Ведь не заявил бы. Шантажировал, а сам боялся. Ниточка за ниточку — и его бы зацепили.

Миша кивнул.

— Недолго уламывал.

— Что теперь говорить. Потом, когда экзамены начались, думал — завалюсь, сорву... Но ведь аванс получил.

— Аванс?

— Да, всучил. И расписку отобрал.

— Прямо как в кино. Шпионские страсти... Девушкам он не выдавал авансы, лишь одной...

— Кому?

— Вашей жене. Дал на покупку галстука. На подарок вам ко дню рождения.

— Вот, оказывается, что означал ваш вопрос? Ошейник! Хомут!

— Поводок.

— Петля! — воскликнул Миша. — Удавка! Собственными руками повязала!

— А дубленка, сапоги, шапка из песка?

— Она сказала, на деньги матери.

— И поверили? Вы же знали, что жена работала на Квасникова. Знали же!

Миша не ответил.

— Сколько же он заплатил ей? — спросил.

— Если не знает, скажу.

— Думаю, за троих абитуриентов шестьсот рублей. Из расчета — по двести.

— Ошиблись. Лора получила по четыреста за каждого плюс по двести за первый семестр. Итого, посчитайте...

— Тысячу восемьсот! — ахнул супруг. — Ничего себе!

— А вам, как вы указали в повинной, по двести за пятерых, всего — тысячу. Просчитались!

— Да... Почему такая разница? — не следователя, а себя спросил Михаил Борисович и опять воскликнул: — Какой позор!

Прозвучало смешно.

«Добила разница в цене. И здесь оплошал. Продешевил».

И спросил:

— А за первый семестр?

— Предлагал. Но я решительно отказался... Подумать только: год жили бок о бок, муж и жена, единое целое! И ничего не знали друг о друге.

— Вы знали... А она просила меня не рассказывать вам, рила, что это убьет вас. Жалела.

— Хороша жалость!.. Все рухнуло!

Следователь слышал не раз подобные сетования. От многих. Преступление — не обычная житейская драма. Оно рушит привычный быт, рвет отношения, девальвирует ценности. Преступление — не захватывающее зрелище на полтора часа в кинозале, не зачитанный в электричке или на мягкой тахте детективный роман.

Испытывал ли он жалость к сидевшему перед ним молодому человеку? Трудно ответить сразу. Ясно, что преступление обернулось для Михаила настоящей трагедией. Этот молодой человек насколько не походил на тех, кто грабит, убивает, ворует, насилует,

давит людей и скрывается, не думая, что станется с потерпевшим,— лишь бы спасти шкуру. Он не походил на тех, для кого разоблачение влечет лишь страх расплаты, не больше. В свои переживания они не включают совесть. Она — как сорванный тормоз. И все же его зацепило. Вместе с принципами. Как характеризовала его Лора!

Михаил поддался шантажу и погас, струсил. И не убрал, протянул руку за нечистыми деньгами, и расписочку дал, повязавшись с Квасниковым. И задание выполнил. На отлично. И еще раз взял деньги... Говорит, что маялся. Но ведь жил. И признание жены ничего не изменило, потому что не стало для него откровением. Лишь добавило страху: раз Квасников попался, значит, и его могут пригнать. И продолжал маяться дальше.

И крах личной жизни. Бросила и ушла. Он даже не знал, что ушла к другому. Узнай, обдало б горькой ревностью, зато нашел бы объяснение и даже оправдание ее измене в слабости женской. А так — преступница, а гордая. Наплевала на прощение, на его принципы, не зная даже, что он их сам нарушил, предал. Не позавидуешь! Хотя настоящие мужчины, когда все беды на голову, предпочитают уж сразу, заодно. Выдюжить, стряхнуть обломки, перешагнуть... И, как говорится, по новой.

И тут мама с твердым советом: иди и покайся! «Ах, мама, мама,— сокрушался Михаил,— честная женщина. Тебе легко говорить!» Почему легко? Не понял ее Михаил. Не понял, что хотя и теряла сына на какое-то время, зато сохраняла навсегда. Таким, каким знала до беды, и хотела иметь на всю жизнь. Честным и правдивым, порядочным мальчиком. Для нее, как и для каждой матери, он всегда будет мальчиком, даже когда пойдут внуки. Ее мальчиком!

И написал под давлением. Хотя самого тянуло, но что говорить, не хватало воли, трусил. И нечего ссылаться на Лору. Она ушла и уже не будет с ним. Но узнать о его грехопадении может.

Заявление написал, можно сказать, под диктовку. А страх не отпускал. И заметался. Тут и таблетки пришли на помощь воспаленному воображению. Но вышел фарс с самоубийством, такой же постыдный, как все остальное. Теперь-то и страх, наверное, прошел, один стыд остался...

Стыд? Нет, не хотел следователь равнять Михаила даже с такими «непричастными», как Игорь Митрофанович, Баулов-Брэм и им подобные, которые, якобы, чтут уголовный кодекс, а совести у них ни на грош. Таких не ловят за руку в трамвае в чужом кармане, не застают в чужой квартире с отмычкой, не доставляют в отделение милиции после отчаянной драки. Но они не лучше жуликов и хулиганов.

Мысль. Слово. Дело. Вот что определяет сущность человека. Добрая, хорошая мысль требует воли. Не порывов, а решительного действия. В неременном единстве честности ума, доброты чувств и производных от них поступков — вся жизнь человека, которого мы называем просто хорошим. Которому верим. На которого возлагаем большие надежды. И он их оправдывает.

Мысли, слова, дела Михаила во многом отвечали честным, добрым намерениям. Но когда возникала необходимость такого действия, которое требовало сил на пределе и большой нравственной воли, он не всегда осиливал и, случалось, отступал. Хотя при этом испытывал стыд и даже угрызения совести.

Так случилось со стройотрядом. Разве желал Михаил противного бронхита, который напустился на него как раз в дни отъезда. Была и температура, и кашель разрывал грудь, и врач не велел выходить на улицу. Преодолевая недомогание, Михаил выполнил поручение — выступил перед отъезжавшими. Кашель мешал оратору, рвал складные фразы, но от этого речь звучала более выразительно и убедительно, даже мужественно.

А когда скрылись звеневшие песнями вагоны, Михаил понуро уходил с перрона в редевшей толпе провожающих. Отчужденный. Словно возвращался с футбольного матча одинокий болельщик команды, потерпевшей поражение, среди возбужденных поклонников победителей.

Шел, подняв воротник плаща, и его знобило, и пот выступал на лбу, и хотелось скорей в теплую постель, лечь и уснуть или раскрыть любимую книгу. И не думать о проводах, забыть лица ребят, на которых в момент прощания проступило удивление и разочарование. Это унижало, злило. Не совать же каждому под нос в оправдание законно выданный больничный листок!

Но поезд ушел.

Дома Михаила встретила не мать. Она эти дни ходила хмурая, замкнутая, чем-то недовольная. Он-то знал причину, но не заговаривал, вроде не замечал. Мать считала, что бронхиты лечат всюду, где есть врачи. А где их сейчас нет?

Встретила сияющая Лора.

— А у меня что есть для тебя... Для нас! Смотри! — И протянула две путевки в Крым.— Море! Солнце! А воздух какой! И конец твоему бронхиту! Конец, Мишка!

И тут, как ящерка в камнях, юркнула мысль: бронхит-то кстати. И отдых у теплого моря. И любимая молодая жена рядом. В конце концов, только поженились, имеют же право!

И живенькую, радостную мыслишку не сразу смыло стыдом. Не сразу... Однако тент, прикрывающий от палящего южного солнца с разными недобрыми гамма-излучениями, не защищал от жара нет-нет да подступавшего стыда, когда Михаил вспоминал ребят, которые обливались соленым потом под казахстанским степным солнцем. Для них ведро тепловатой, привезенной в бочке воды было намного дороже черноморской. Но они не судили его. Знали, что Михаил обязательно поехал бы с ними на стройку, не случись бронхита. И он верил, что поехал бы, обязательно поехал, иначе и быть не могло. И чувствовал подъем духа от этого сознания. В эти минуты Михаил походил на телезрителя, который в уютной домашней обстановке смотрит кошмарный детектив, доподлинно сливаясь с бесстрашным, ловким сыщиком, упиваясь подвигами уже как бы не его, а собственными. Вот, мол, знай наших!

Бередивший стыд таял, как снег на ладони.

Когда же они встретились в конце жаркого лета, загар Михаила ничем не отличался от загара ребят. Разве уж очень тонкие знатоки могли определить. Смешались загары. И не надо было уходить от назойливых вопросов тех, кто не знал, где, в каких краях провел он лето.

Водоворот буден растворял, закручивал и уносил все. Да и с самим собой всегда можно договориться.

Но пришла пора выбора работы, и все повторилось. Под нажимом упорной и пробивной супруги хрустнула красиво-героическая мечта о трудовых подвигах в глухих таежных краях. Затрещала и

подломилась, как сухая, отпавшая от живого дерева коряга под ногой таежного первопроходца.

И променял Михаил романтику дальних дорог на уютное сидение в чистеньких, непыльных, хотя и душноватых зальцах читален. На спокойные, мудрые разговоры с коллегами, ласковые беседы с профессорами, на прочую аспирантскую текучку.

Но когда отрывался от этих бесед и нежестких споров, чтения научных трудов и бесконечной писанины и оставался наедине с самим собой, невольно задумывался, что все текущее мелко, далеко не равно тому, о чем мечтал на студенческой скамье. К чему истово готовил себя несколько лет — к добротной чернорабочей практике, а через нее — к подлинному подвижничеству в науке. От чего отступил. И приходила досада, злость, жалость к себе. Но сделку с совестью сглаживала убежденность в своей фундаментальной честности, самокритичности. Проигрыши уже не казались столь ощутимыми потерями, жила надежда на выигрыш. А память заталкивала все отступления и обходы в такие дальние углы, что вроде их и не было совсем.

Так подошел Михаил к встрече с Квасниковым.

Удар оказался сокрушающим. Рухнуло все, как картонный домик. Оставалось только одно — умереть. Как в старину, когда чувство чести не искало лазеек. Когда человека словно бы прожигали слова: «Выхода нет!»

Конечно, все это пережитки. Стоит ли вытаскивать и повторять? Сейчас в плохонькую ЭВМ заложил, казалось бы, самую неразрешимую задачу бытия, и она выдаст столько ответов-выходов, только выбирай — не теряйся. И ничего смертельного. Зря, что ли, человечество старалось, изобретало?

Михаил, казалось, решил на крайность, но действия не произошло, хотя порыв был неподдельным. Игрой не назовешь. И следовательно подумал: нет, у подлецов все гораздо проще. Они — без трагедий. С них как с гуся вода.

В течение допроса он не раз бросал взгляд на висевший на стене портрет молодого человека в военной форме — гимнастерка с петлицами, а на них три кубика. И находил в лице старшего лейтенанта большое сходство с Мишей. Вроде Миша был старшим братом этого молоденького командира. Но годы, прошедшие с той поры, когда носили такую форму, подсказали: «Наверное, отец». И подумал о Мишиной матери, Софье Григорьевне, о том, что яблоко не падает далеко от яблони. И потому сидящий напротив молодой человек, хотя и разбитый, не может быть конченным, пропавшим. Но очень нуждается в помощи.

И от этого все более крепнувшего убеждения следовательно почувствовал какую-то легкость и даже радость в душе. Но сказал просто:

— Не хочу касаться вашей личной драмы, но, поверьте, мы учитываем все, прежде чем решать... Все учитываем. Учтем и вашу повинную.

— Вот, возьмите! — встrepенулcя Михаил. Вскочил, засунул руку в задний карман брюк и вытащил тоненькую серую книжицу. — Заберите ее.

— Сберкнижка, — сказал следователь, раскрыл и прочитал. — Семьсот пятьдесят... Что означает эта сумма?

— Остаток от тех проклятых денег. Двести пятьдесят я дал говарищу в долг. Остальные положил. Не хотел хранить дома, тра-

тить на себя. И Лоре не хотел отдавать. Грязные! Куда денешь? Не посылать же в детдом, как Деточкин. Хотя, может, самое правильное... деньги не пахнут, а руки жгли. Не вру. Все равно бы отдал. И остальные двести пятьдесят. Заработаю и верну.

«А ведь никто,— подумал следователь,— не сдал незаконно добытые, как этот парень. Каялись, исповедовались, а не догадались. И ведь я никому не предложил».

— Только посоветуйте, что теперь делать. Как дальше быть? Из аспирантуры придется уйти... И уйду. Уеду... Как в глаза руководителю посмотрю?! Товарищам?!

Что мог посоветовать следователь?

— Мне и Лорин уход не так горек уже... Люблю, но осталась бы... так это же два соучастника один на один. Какая тут любовь? Какая близость, сердечность? Разве может объединять преступление?

— Но кое-кого объединяет.

— Вот именно, кое-кого. Преступление и дружба, преступление и любовь — несовместимы,— убежденно произнес Миша,— сам выстрадал и понял. Поверьте.

— Верю.

— Спасибо. Мне очень нужно, чтоб верили... Вы, конечно, привыкли к иным страстям, к более тяжким случаям. Наше дело — мелкое, пошлое...

— Каждому своя боль сильнее. Только матери способны чувствовать боль детей, как свою.

— Да, верно. Я не спал, потолок разглядывал, рассветы встречал с распухшей головой, а она ведь тоже не спала, думала обо мне. Чувствовала, как мучаюсь... Но таблетки — не инсценировка. стыдно, жестоко, теперь понимаю, но если бы мама не вернулась. Хлеба надо было купить. Сказала, что сама ходит. Остался — и накатило. Она случайно вернулась, что-то забыла, а может, предчувствовала. А что вас вызвала, нисколько не жалею.

Вошла Софья Григорьевна.

— Вы, наверное, проголодались? Хотя бы чаю.

Так предложила, что следователь не смог отказаться.

— Спасибо, с удовольствием выпью. Мы все втроем будем пить чай. Иначе не согласен.

Софья Григорьевна постелила свежую скатерку на тот же столик, убрав стакан с осадком снотворной гущи, поставила два прибора — чашки старинного фарфора, зеленовато-розовые, с пастушками, сахарницу. «Гарднер», — догадался следователь. У его бабушки были остатки от такого же сервиза... Поставила стеклянную вазочку с вишневым вареньем и большую тарелку с нарезанным маковым рулетом.

— Свежий,— сказала,— вчера испекла. Угощайтесь.

— Спасибо. Я люблю домашние изделия.

— Вам крепче?

— Да, пожалуйста... А вы что же?

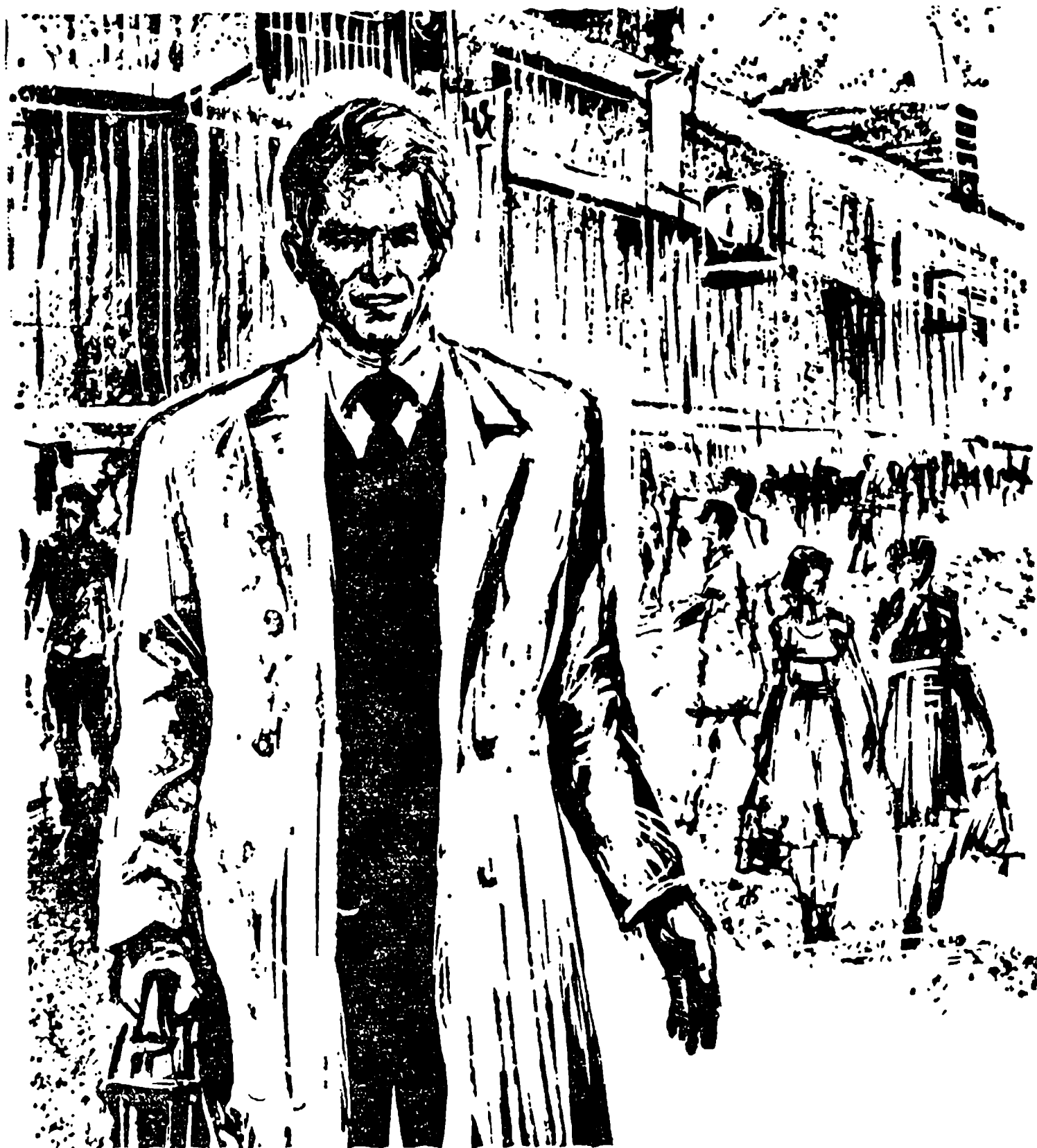
— У меня дела.

Она ушла.

— В Узбекистане ни одно дело не начинают, не попив чаю,— сказал следователь.— А мы заканчиваем... Вкусный чай. И варенье вкусное. Мама варила?

— Сама. Она хорошо готовит.

— Моя бабушка тоже прекрасно варит варенье. Из любых ягод

и фруктов. Даже из арбузных корок. А в вишнях не оставляет косточек, не любит. Я говорю, возни много, а она — ничего, зато варенье нежное.

— Вы все время ее вспоминаете. Наверное, очень любите?

— Очень. Она меня с пеленок выхаживала, с малых лет. Редкий человек, лучше не спрашивайте, не остановлюсь.

— У вас большая семья?

— Бабушка живет с матерью. А у меня жена и сын, шести лет.

— Такой маленький?

— Есть и постарше. Ему восемнадцать, студент.

— В каком?

— На юридическом, в МГУ.

— Значит, по вашим стопам?

— Не совсем. Он увлекся международным правом. Охраной окружающей среды. К следствию не потянуло. Да и я не уговаривал.

— Почему? Вы же любите, я думаю, свою работу.

— Я — да. Но родители не всегда хотят, чтобы дети продолжали их дело. Наш хлеб — несладкий.

— А где легкий? У дармоедов. У каждого, кто хорошо делает свое дело, он нелегкий.

— Верно. Зато не горький.

— С кем только придется делить его? — сказал Мишз задумчиво.

Следователь не сразу ответил, да и вопрос был обращен Михаилом больше к себе.

— Не подумайте, что хочу копаться в вашей личной жизни, хотя не без этого — дело заставило, но скажу, что семья — это тыл. Когда нет прочного тыла, беспокойно, тяжело. Лучше уж одному... А быть с ненадежным человеком... Не совет постороннего. Сам испытал... В жизни не всегда вперед, приходится и отступать. Как же без надежного тыла?

— Военные термины.

— Зато четкие. Вам необходима именно четкость. В первую очередь. Поражение — это крах для сдюнтеев, а для сильных людей — хорошая школа. Для мужчин.

— А я — честный, после того, что сделал?

— Вы сами должны знать, какой вы. Никто у человека не в силах отнять честь, кроме него самого. Не знаю, огорчу или поражаю, но скажу... Возможно, люди не скоро поверят вам. Даже остерегайтесь тех, кто будет сочувственно хлопать по плечу. Может, от злорадства. А может, от единомыслия. Нужна осторожность. Но все равно поверят. Однако прежде вы сами в себя поверьте.

— А вот вы в меня?

— Хм. Хотите знать?

— Очень.

— Ну что ж. Если бы не поверил в вашу искренность, в желание избавиться от этой грязи, не сел бы с вами за один стол. Как говорят в Грузии, за один хлеб-соль... Уважаю их обычаи... Да, с вашей матерью бы сел, а с вами — ни за что!

— Это аванс, — сказал Михаил после паузы.

— При чем тут аванс? Не люблю этого слова. Авансы отработывают. Доверие нельзя отработать... Его заслуживают. Что сейчас надо? Собрать силы, определить возможности. Меньше всего рассчитывать на чью-либо помощь, протекцию и прочее. И никого не обвиняйте. Никого! Но и себя перестаньте бичевать. Да, да. Самокритика — не шахсей-вахсей, тоже должна иметь пределы. Гордиться, конечно, нечем, но и голову опускать нельзя. В ваши-то годы! И никаких глупостей! Непоправимых!

Задумался.

— Будь я на твоём месте — хотя не приведи господь! — я бы все чувства зажал в кулак! Обиду, ревность, разочарование. Зажал и раздавил! И любовь... Да! И обратно бы не пустил. Все. Как оставляют старую мебель, когда получают новую квартиру. Все новое, чистое! Ты знаешь, о чем я.

Михаил молчал. И следователь понял, что молодой человек впустил его в самое сокровенное и наиболее болезненное.

— Есть, Михаил, гордость одиночества. Она не только для старых дев. Она и для настоящих мужчин. Не высокомерие, чванливость и недоступность. А — в сознании независимости, в опоре только на себя одного. Это делает сильным. А был добрым, доб-

рым и останешься. Только чтоб твоей добротой не пользовались по дешевке, за здорово живешь!

— А как же с целыми кирпичами от разбитого здания?

— Одно другому не помеха. Но без трещин. С трещиной отбрасывать. Оставишь — потом скажется... И вообще, лучше начинать с потерь, чем кончать ими. Чей это портрет? — и он кивнул на фотографию молодого человека в форме с тремя кубарями в петлицах.

— Отца.

— Где он?

— Нет его. Погиб.

— Когда же? Вы ведь с сорок седьмого.

— Тогда и погиб. В сорок седьмом. От ран. («Не умер, а погиб», — отметил следователь). На фронте отец был. Политруком пулеметной роты. Потом замполитом батальона. Два ранения. И два ордена — Отечественной войны и Красной Звезды, медаль «За отвагу». Войну закончил майором. В сорок шестом демобилизовался...

— Пенсию получали?

— Да.

— Понятно... А мама?

— Работает медсестрой в больнице. В хирургии.

— Четкий человек.

— Да. Очень... Они познакомились на фронте. Она его вытаскивала из-под огня.

— Сколько же ей?

— Всего сорок восемь.

— Да... А я подумал — старше.

— Столько пережить. Я ее молодой как-то и не помню. Сразу поседела...

«Эх, парень, парены!» — едва не вырвалось.

— Так можно надеяться? — спросил следователь, поднимаясь.

Михаил опустил глаза, и следователь пожалел, что сказал.

Мать с сыном проводили его до лифта.

Следователь протянул руку Софье Григорьевне, потом Михаилу и ощутил в ответ такие же крепкие рукопожатия, одно — хирургической сестры, уверенное, решительное, почти мужское, другое — окрепшее надеждой.

Ему нравилось попадать из обманчивой тишины подобных квартир и следственных кабинетов в шумный, откровенный уличный водоворот. Он оглушал и даже освежал. Омывал липкое прикосновение жалких, искательных или злых, угрюмых взглядов, освобождал от фальшивых фраз, разыгранных жестов.

Следователь присоединялся к людскому потоку, где каждый человек сам по себе, суверенный хозяин своих мыслей, чувств и дел, и необидно безразличен к идущим навстречу и рядом. Никто не смеет, не пытается проникнуть в чужое, да это и бесполезно. И хотя такое равенство не от взаимности не сближает, но и не отталкивает. Никто в толпе не может пожаловаться на покинутость, одиночество, если, конечно, не одинок сам по себе.

Он шел, не вглядываясь в лица, словно боялся задеть и поранить неосторожным профессиональным взглядом не причастного к его делам человека. Шел и чувствовал себя неотделимо равным всем и каждому и таким же независимым от них, как и они от него.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НАШИ
КОНСУЛЬТАЦИИ

Новое в Типовом уставе садоводческого товарищества рабочих и служащих

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 года «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» и постановление Совета Министров РСФСР от 13 марта 1981 года, Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР и Министерство сельского хозяйства РСФСР по согласованию с ВЦСПС внесли дополнения в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих, утвержденный приказом Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР и Министерства сельского хозяйства РСФСР от 18 мая 1966 года (с последующими изменениями от 3 июля 1978 года).

Учитывая многочисленные пожелания читателей*, редакция публикует консультацию об этих дополнениях.

* Особенно много писем редакция получила после публикации статей «Что может и чего не может садовое товарищество» (№ 4, 1981 г.) и «О чем думают садоводы» (№ 2, 1982 г.).

В упомянутом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 года уделено большое внимание развитию коллективного садоводства.

В настоящее время коллективное садоводство рабочих и служащих уже не только увлечение миллионов людей, но и заметный социально-экономический фактор. Выращивая фрукты, овощи, картофель, производя другую продукцию, садоводы вносят свой вклад в пополнение продовольственных ресурсов. Кроме того, занятие садоводством создает условия для хорошего отдыха, укрепления здоровья рабочих и служащих, приобщения к труду подростков.

Хозяйское использование земли — важная задача каждого садовода. Многие из них на отведенных им участках с успехом получают не только много фруктов, ягод, овощей и картофеля, но и занимаются выращиванием птицы, кроликов, нутрий, держат пчел.

Поэтому дополнениями к Типовому уставу предусмотрено, что члены садоводческого товарищества имеют право содержать на садовом участке птицу в вольерах — до 20 голов, кроликов в клетках — до 5 кроликоматок с приплодом, пчел — до 5 пчелосемей, нутрий в клетках — до 5 нутриематок с приплодом при обязательном соблюдении ветеринарно-санитарных правил и без ущерба нормальному отдыху на соседних садовых участках. Одновременно указано, что садоводы могут использовать по своему усмотрению урожай плодов, ягод, овощей, а также другую продукцию, получаемую на садовом участке.

Одно из новых дополнений к уставу состоит в том, что право пользования выделен-

ным под сад земельным участком сохраняется за членом садоводческого товарищества, если он и члены его семьи командированы для работы за границу, на время их пребывания за границей, в районы Крайнего Севера и в местности, приравненные к ним, на все время действия трудового договора. Чтобы остающиеся в таких случаях участки рационально использовались, находящиеся на них строения и сооружения содержались в порядке, выполнялись необходимые агротехнические мероприятия, предусмотрено право передачи садового участка во временное пользование другому лицу. Такая временная передача по рекомендации уезжающего члена товарищества и правления производится решением администрации и фабричного, заводского, местного комитета профсоюза, либо исполнительного комитета районного (городского) Совета народных депутатов, если товарищество осуществляет свою деятельность под его руководством.

Сделано уточнение пункта 10 Типового устава. Теперь там записано, что в члены садоводческого товарищества не принимаются лица, имеющие в пользовании приусадебные участки, участки, предоставленные под индивидуальное жилищное строительство, получившие по наследству дом с земельным участком, а также имеющие дачи на праве личной собственности или состоящие членами дачно-строительных кооперативов.

В Устав внесены дополнения о преимущественном праве на вступление в садоводческие товарищества семей, имеющих двух и более детей, и участников Великой Отечественной войны, как работающих, так и

ушедших на пенсию с данного предприятия, из учреждения, организации.

Предусмотрено также следующее. Право на вступление в организуемые садоводческие товарищества, независимо от их ведомственной принадлежности, по представлениям исполкомов городских (районных) Советов народных депутатов в пределах 10 процентов количества членов товарищества предоставлено неработающим участникам Великой Отечественной войны и других боевых операций по защите СССР из числа военнослужащих, проходивших службу в воинских частях, штабах и учреждениях, входивших в состав действующей армии, и партизан, а также ветеранам Вооруженных Сил СССР — неработающим пенсионерам из числа лиц офицерского состава, безупречно прослуживших на военной службе не менее 25 календарных лет, уволенных с действительной военной службы по возрасту, болезни, сокращению штатов или ограниченному состоянию здоровья.

Принципиальное значение имеют дополнения, касающиеся пользования садовым участком после смерти члена товарищества. Приведем полностью новую формулировку примечания к пункту 15 Типового устава: «В случае смерти члена садоводческого товарищества преимущественное право вступления в садоводческое товарищество предоставляется одному из наследников умершего члена этого товарищества. Передача права пользования выделенным под сад земельным участком одному из наследников умершего садовода, имеющему преимущественное право, производится (с учетом рекомендации правления) постановлением общего

собрания (конференции) членов садоводческого товарищества.

Правление на основании решения общего собрания (конференции) членов садоводческого товарищества производит оформление в члены товарищества. Оформление производится в течение одного года с момента открытия наследства.

В случае расторжения брака вопрос о том, за кем из разведенных супругов сохраняется право пользования земельным участком в садоводческом товариществе, решается (по рекомендации правления) общим собранием (конференцией) членов садоводческого товарищества в течение одного года после расторжения брака.

Споры наследников о защите нарушенного или оспариваемого преимущественного права на вступление в садоводческое товарищество, споры одного из разведенных супругов о праве пользования земельным участком, а также споры имущественного характера разрешаются судом».

В связи с изменением примечания к пункту 15 Устава внесены также и другие соответствующие изменения, расширяющие права правления товарищества и общего собрания при приеме в члены товарищества одного из наследников умершего садовода, а также одного из разведенных супругов. Указанные лица при приеме освобождаются от уплаты вступительного взноса.

В целях правильного использования выделенных участков предусмотрено проведение периодических инвентаризаций насаждений и сооружений, возведенных на территории коллективного сада.

Труд надомников

В соответствии с поручением Совета Министров СССР Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам и Секретариат ВЦСПС постановлением от 29 сентября 1981 года утвердили Положение об условиях труда надомников. В этом нормативном акте решены общие, принципиальные вопросы, касающиеся использования труда лиц, работающих на дому.

Установлено также, что министерства, ведомства по согласованию с центральными (республиканскими) комитетами профессиональных союзов утверждают на основе указанного Положения отраслевые инструкции об условиях труда надомников. В инструкциях определяются: наименования изделий (работ), изготовление (выполнение) которых допускается на дому; виды собственных материалов, которые могут использовать надомники, и количество изготавливаемых из них изделий; порядок предоставления сырья и материалов. Регулируются в этих инструкциях и другие вопросы организации и условий труда надомников с учетом особенностей той или иной отрасли.

Организация работы, связанной с использованием труда надомников, должна проводиться администрацией предприятий во взаимодействии с исполкомами местных Советов народных депутатов, которые, в соответствии с законодательством, регулируют распределение трудовых ресурсов на своей территории и принимают меры к их рациональному использованию.

Согласно Положению, надомниками считаются лица, за-

ключившие трудовой договор с объединением, комбинатом, предприятием, учреждением, организацией, колхозом (в дальнейшем будем называть для краткости «предприятие») о выполнении работы на дому личным трудом из материалов и с использованием орудий и средств труда, выделяемых предприятием, либо приобретаемых за его счет. Администрация вправе разрешать надомникам изготовление изделий для предприятия из собственных материалов (как уже сказано, в соответствии с отраслевыми инструкциями) и с использованием личных механизмов и инструментов. Выполнение заданий, полученных надомником от предприятия, может производиться при участии членов его семьи.

На работающих дома распространяется действие законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, с особенностями, установленными Положением об условиях труда надомников. Их труд регулируется также отраслевыми инструкциями, коллективным и трудовым договорами.

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

Прием на работу надомников весьма прост. Лица, поступающие на такую работу, обязаны предъявить администрации предприятия паспорт, а ранее работавшие — и трудовую книжку. Подростки в возрасте от 15 до 16 лет предъявляют копию свидетельства о рождении.

Трудовой договор о работе на дому заключается, как правило, в письменной форме. Прием на работу оформляется

приказом (распоряжением) администрации предприятия.

Когда говорят о письменной форме трудового договора, то обычно имеют в виду установленный образец, одинаковый для повсеместного применения. В данном случае речь идет не о такой форме. В централизованном порядке форма трудового договора с надомниками не утверждалась. Здесь имеется в виду, что, учитывая большое число дополнительных условий, связанных с трудом на дому, их надо фиксировать письменно (объем работы, виды собственного сырья, количество изготавливаемых из него изделий, порядок доставки сырья и вывоза готовой продукции, нормы выработки, продолжительность рабочего времени, срок и место выдачи зарплаты и тому подобное). Эти обстоятельства можно фиксировать либо в коллективном договоре, либо в приказе о зачислении на работу, либо в виде приложения к этому приказу. Все зависит от конкретных условий и может быть решено на месте администрацией предприятия. Если то или иное министерство, ведомство, применяющее надомный труд, сочтет целесообразным иметь в отрасли типовую форму договора с надомниками, оно может разработать ее и рекомендовать предприятиям своей системы.

На надомников, не работавших ранее в общественном производстве, трудовые книжки заводятся после сдачи ими первого выполненного задания. В таком же порядке, то есть после сдачи первого задания, вносятся записи в трудовые книжки тех надомников, которые их уже имели.

Работа на дому организуется прежде всего для тех, кто по различным причинам не имеет

возможности трудиться непосредственно на производстве. Поэтому Положением определен круг лиц, имеющих преимущественное право на заключение трудового договора о работе на дому. И прежде всего такое право предоставлено женщинам, имеющим детей в возрасте до 15 лет. Это понятно. Коммунистическая партия и Советское государство уделяют большое внимание созданию всех условий, необходимых для воспитания подрастающего поколения. Это — важнейшее направление социальной программы развития нашего общества. Забота о семьях, имеющих детей, нашла выражение в целом ряде мероприятий, часть которых предусмотрена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 года (СП СССР, 1981, № 13, ст. 75). В этом постановлении вновь обращено внимание на необходимость распространять практику работы женщин, имеющих детей, по режиму неполного рабочего дня или неполной рабочей недели, скользящему (гибкому) графику, а также работы их на дому.

Преимущественное право заключать трудовой договор о работе на дому предоставлено также: инвалидам и пенсионерам (независимо от вида назначенной пенсии); лицам, достигшим пенсионного возраста, но не получающим пенсии; гражданам с пониженной трудоспособностью, которым в установленном порядке рекомендован труд в надомных условиях; лицам, ухаживающим за инвалидами или длительно болеющими членами семьи, нуждающимися по состоянию здоровья в уходе; лицам, занятым на сезонных работах (в межсезонный период); гражданам, которые по объектив-

ным причинам не могут быть заняты непосредственно на производстве в данной местности (например, проживающие в районах, где есть свободные трудовые ресурсы).

Лица, владеющие мастерством изготовления изделий народных художественных промыслов, сувенирных изделий или оригинальной упаковки для них, могут быть приняты надомниками независимо от рода их деятельности и работы на других предприятиях. При этом ограничения, установленные законодательством о совместительстве, на них не распространяются, то есть им не надо брать с основного места работы справку-разрешение на совместительство. Не имеет значения и размер их тарифной ставки (оклада) по основной работе.

Труд надомников должен использоваться, как правило, для производства товаров народного потребления, в особенности товаров первой необходимости, и оказания отдельных видов услуг гражданам и предприятиям (через ателье и приемные пункты системы бытового обслуживания населения).

Администрация может использовать труд надомников и для изготовления (выполнения) других видов изделий (работ), если по характеру и технологии производства это возможно и экономически целесообразно.

ОРГАНИЗАЦИЯ И УСЛОВИЯ ТРУДА

Организация работы на дому допускается, если у желающих трудиться есть необходимые жилищно-бытовые условия, а также практические навыки либо они могут быть обучены этим навыкам для выполнения определенных работ.

Обследование жилищно-бытовых условий граждан, изъявивших желание работать на дому, производится администрацией предприятия с участием представителей комитета профсоюза.

Конкретный вид работы для надомников выбирается с учетом их профессиональных навыков и состояния здоровья (принимаются во внимание характер оборудования и инструментов, свойства сырья и материалов, рекомендации врачебно-трудовой экспертной комиссии или врачебно-консультационной комиссии и тому подобное).

Отдельные виды домашних работ в соответствии с общими правилами пожарной безопасности и санитарии могут допускаться только с разрешения местных органов пожарной и санитарной инспекции.

Администрация предприятия предоставляет надомникам в бесплатное пользование оборудование, инструменты и приспособления, своевременно их ремонтирует. В тех случаях, когда надомник использует свои инструменты и механизмы, ему выплачивается за их износ компенсация в порядке, установленном законодательством. По соглашению сторон, надомнику могут возмещаться и другие расходы, связанные с выполнением заданий предприятия (например, плата за пользование электроэнергией, водой).

Чтобы работа надомников была эффективной, администрация предприятия должна: улучшать организацию их труда; внедрять в практику работы надомников более совершенные приспособления и механизмы, способствующие повышению производительности труда и улучшению качества изготавливаемой ими продук-

ции; организовывать индивидуальное обучение на дому тех работников, которые по состоянию здоровья не могут заниматься непосредственно на производстве. Важно привлекать надомников и к участию в общественно-политических, культурных и других мероприятиях, чтобы они чувствовали себя полноправными членами трудового коллектива.

ОПЛАТА ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Руководители предприятий по согласованию с комитетами профсоюзов могут применять сдельную или аккордную оплату труда надомников.

Труд надомников оплачивается по сдельным расценкам за фактически выполненные работы или произведенную продукцию, отвечающую требованиям к ее качеству.

При этом для надомников, организационно технические условия труда которых близки к принятым при расчете норм выработки рабочих, выполняющих аналогичные работы в производственных условиях, устанавливаются те же нормы, что и для указанных рабочих. А в тех случаях, когда надомники выполняют работу в иных организационно-технических условиях (другое оборудование, инструменты и так далее), администрация по согласованию с комитетом профсоюза и с учетом экономической целесообразности может устанавливать для них нормы выработки исходя из конкретных условий.

Положением не установлена какая-либо минимальная норма выработки или минимальное число рабочих часов для надомников. В отношении их применяются общие нормы за-

конодательства о труде, в соответствии с которыми разрешено устанавливать и неполное рабочее время. Согласно статье 26 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и соответствующим статьям республиканских кодексов законов о труде, по соглашению между рабочим, служащим и администрацией может устанавливаться как при приеме на работу, так и впоследствии неполный рабочий день или неполная рабочая неделя. Оплата труда в этих случаях производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки.

Важно подчеркнуть, что работа на условиях неполного рабочего времени не влечет для рабочих и служащих каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав. В трудовой книжке надомника не делается записи о том, что он работает неполное рабочее время, и оно учитывается при исчислении трудового стажа как полное.

Решая вопросы о том, установить ли тому или иному надомнику неполное рабочее время, администрация должна учитывать конкретные обстоятельства и подходить к каждому человеку индивидуально. Например, она может установить неполное рабочее время многодетной матери или инвалиду, а другому, вполне трудоспособному человеку отказать в этом, если на предприятии имеется достаточный объем работ.

В целяхощрения надомников за продолжительную непрерывную работу им может выплачиваться вознаграждение по итогам работы предприятия за год — в порядке и

на условиях, установленных на предприятии. Администрация по согласованию с комитетом профсоюза может вводить премирование надомников в соответствии с действующим на предприятии положением о премировании за основные результаты хозяйственной деятельности.

Порядок и сроки обеспечения надомников сырьем, материалами и полуфабрикатами, расчетов за изготовленную продукцию, возмещения стоимости материалов (если изделия изготавливались из собственных материалов), вывоза готовой продукции устанавливаются, как уже сказано выше, в трудовом договоре по соглашению сторон или в коллективном договоре. При этом обеспечение надомников сырьем и материалами, а также вывоз готовой продукции должны производиться, как правило, предприятием. В тех случаях, когда по соглашению сторон получение сырья и материалов и сдача готовой продукции производятся самим надомником непосредственно на предприятии, время, затрачиваемое на получение и сдачу, включается в рабочее время и оплачивается повременно из расчета тарифной ставки выполняемых работ, но не выше тарифной ставки рабочего второго разряда соответствующего вида работ.

Социальное страхование надомников и назначение им государственной пенсии по старости производятся в порядке, установленном законодательством. Попутно заметим, что пенсионерам по старости, работающим на дому, пенсия выплачивается в том же порядке и в таком же размере, как и пенсионерам, работающим на производстве. В частности, всем надомникам, заня-

тым в качестве рабочих, пенсия по старости выплачивается полностью, если ее размер вместе с заработной платой не превышает 300 рублей в месяц.

ОТПУСКА

Рабочим и служащим — надомникам предоставляется ежегодный (основной) отпуск — 15 рабочих дней, если они в соответствии с законодательством не имеют права на ежегодный основной отпуск большей продолжительности. (Например, рабочие и служащие моложе 18 лет, в том числе и надомники, имеют право на отпуск продолжительностью один календарный месяц.)

Надомникам в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, предоставляются ежегодный дополнительный отпуск и другие льготы, установленные законодательством для рабочих и служащих, занятых в этих районах и местностях.

Кроме того, надомникам дается ежегодный дополнительный отпуск за непрерывный стаж работы, если на предприятии предусмотрен такой отпуск для рабочих и служащих. Им могут предоставляться также дополнительные отпуска, установленные законодательством в качестве поощрения за выполнение отдельных государственных или общественных обязанностей (например, за активное участие в добровольной народной дружке предприятия, в товарищеском суде).

М. ПАНКИН,
начальник сектора
юридического отдела
Госкомтруда СССР

ЧИТАТЕЛЬ НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

Читателям отвечают юристы Е. ЕВДОКИМОВА и Г. ЕФАНОВА.

Мне 78 лет, состояние здоровья плохое, часто болею, детей нет, живу одна. Имею ли я право взять себе попечителя, кто им может быть и как это сделать? А. Кутузова, Алтайский край.

Согласно законодательству над совершеннолетними дееспособными лицами, которые по состоянию здоровья не могут самостоятельно осуществлять свои права и выполнять обязанности, может быть по их просьбе установлено попечительство.

Попечительство устанавливается исполнительным комитетом Совета народных депутатов по месту жительства того, кто нуждается в попечительстве, или по месту жительства попечителя.

Попечитель должен быть назначен не позднее месячного срока с момента, когда органу опеки и попечительства стало известно о необходимости установления попечительства.

Нельзя назначать попечителями лиц, не достигших восемнадцати лет, лишенных родительских прав, а также признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными.

При выборе попечителя принимаются во внимание его личные качества, способность выполнять попечительские обязанности, отношения между ним и лицом, нуждающимся в попечительстве.

Попечитель над совершеннолетним дееспособным лицом, не имеющим возможности по состоянию здоровья самостоятельно защищать свои права и выполнять обязанности, может быть избран только с согласия подопечного.

Попечитель выполняет свои обязанности безвозмездно.

М. Сосина из Калининской области спрашивает, сохраняется ли средний заработок за потерпевшим, вызванным в суд.

За гражданином, вызываемым в качестве потерпевшего, сохраняется средний заработок по месту его работы за все время, затраченное им в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд. Это предусмотрено статьей 106 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (аналогичные нормы есть и в УПК других союзных республик).

Средний заработок выплачивается только за рабочее время, то есть за время, когда рабочий или служащий должен был находиться на работе.

Выплата среднего заработка производится на основании выданной органом расследования, прокурором или судом справки, в которой указывается время, фактически потраченное потерпевшим в связи с вызовом.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ЧТО СТОИТ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В США?

Недавно в Нью-Йорке за один будничный день были убиты два пятнадцатилетних мальчика, юноша 18 лет, тридцатилетний мужчина и женщина 46 лет. «Пять убийств в течение дня типичны для Нью-Йорка. Это средний уровень для горо-

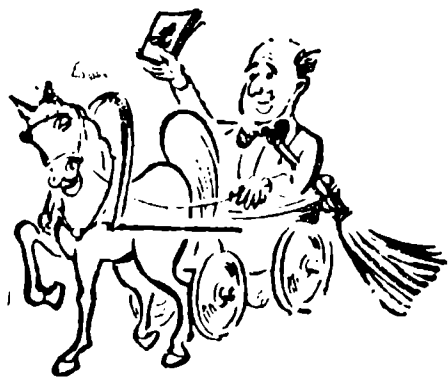
да», — отметила газета «Нью-Йорк таймс», комментируя эту сводку происшествий. Остается добавить лишь, что большинство жертв — цветные. Ведь у американского негра в восемь раз больше шансов быть убитым, чем у белого американца. А большинство убийц — молодые люди. Статистика, пытаясь выяснить причины бурного роста преступности среди молодежи, все чаще указывает на пропаганду насилия телевидением США. Что стоит в глазах четырнадцатилетнего американского мальчишки человеческая жизнь, если за среднестатистическое время, проведенное им у телевизора, он успел увидеть на экране... 11 000 убийств!

ДУШИ МЕРТВЫЕ — ДЕНЬГИ НАЛИЧНЫЕ

Искусственное увеличение рождаемости в Австрии организовал некий 37-летний чиновник больничной кассы в Вене. В списки матерей, которым выдавали пособие на рождение ребенка, он вносил вымышленные фамилии и присваивал выписываемые на новорожденных деньги. Для большей верности он подделывал подпись начальника больничной кассы на платежных ведомостях. Таким путем он «заработал» 4 миллиона австрийских шиллингов.

ШЕДЕВР БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ

Англичане всегда считались рачительными хозяевами, умеющими считать каждый пенс. Но вот в лондонской мэрии

разразился финансовый скандал, подорвавший уверенность англичан в своей финансовой непогрешимости. Героем этой истории стал служащий одного из районных управлений Лондона. Он регулярно получает зарплату за сверхурочную работу: по табельной ведомости, он ухаживает за лошадьми, которые возят по улицам города тележку для сбора мусора. И вдруг выяснилось, притом случайно, что еще 16 лет назад эту тележку украли, лошади вскоре пали от старости, а мусор на улицах собирается в обычные урны и баки.

— Мы же тебя посыла-
ли на тракториста учить-
ся...

Рис. Р. Самойлова.

— Прежде давай решим:
кто из нас будет главой
семьи...

ре...
...ны
...выг
...енны
...верност
...по...
...ись началь... на больнич-
...кассы на платежных ведо-
...ях. Таким путем он «зара-
...» 4 миллиона австрий-
...шиллингов.

ШЕДЕВР БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТИ

разразился финан...
дал, подорвавший увер...
англичан в своей финанс...
непогрешности. Героем этой
истории стал служащий одного
из районных управлений Лон-
дона. Он регулярно получает
зарплату за сверхурочную ра-
боту: по табельной ведомости,
он ухаживает за лошадьми, ко-
торые возят по улицам города
тележку для сбора мусора.
И вдруг выяснилось, притом
случайно, что еще 16 лет назад
эту тележку украли, лошади
вскоре пали от старости, а му-
сор на улицах собирается в
обычные урны и баки.

...сегда считались
...зяевами, уме-
...аждый пенс.
...кой мэрии